

СЛОВО

ГРАММАТИКА

РЕЧЬ

Выпуск XII

МОСКВА 2010

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

*К 300-летию основателя
Московского университета
М.В. Ломоносова*

**СЛОВО
ГРАММАТИКА
РЕЧЬ**

Выпуск XII

Сборник научно-методических статей
по вопросам преподавания
русского языка как иностранного

Издательство Московского университета
2010

УДК 802/809.1
ББК 82.2Р
С48

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

Зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, д.п.н., профессор Л.П. Клубукова.

Доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, к.ф.н. Е.А. Филатова.

Старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Н.В. Баландина.

Редакционная коллегия:

Е.Л. Бархударова	докт. филол. наук, профессор
А.В. Величко,	канд. филол. наук, доцент
О.К. Грекова	канд. филол. наук, доцент
Е.А. Илюшин	канд. филол. наук
Л. В. Красильникова	канд. филол. наук, доцент
Е. В. Моргунова	
Ф.И. Панков	докт. филол. наук, доцент
Т.Г. Рошкетасева	канд. филол. наук
О.М. Сергеева	канд. филол. наук
О.В. Чагина	канд. филол. наук, доцент

Ответственный редактор: **О. В. Чагина**, канд. филол. наук, доцент

Мнение Редакционной коллегии не всегда совпадает с мнением авторов статей

Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М.: Издательство Московского университета, 2010. – Вып. XII. – 284 с.

ISBN 978-5-211-05949-8

https://doi.org/10.29003/m3542.WGS_XII

Авторы статей рассматривают вопросы описания и представления различных аспектов грамматики в иностранной аудитории, вопросы методики преподавания РКИ, интерпретации художественного текста, культурологии и страноведения. Предназначен для филологов-русистов, студентов, аспирантов и преподавателей РКИ – российских и зарубежных.

УДК 802/809.1
ББК 82.2Р

ISBN 978-5-211-05949-8

© Авторы статей, 2010

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Л. Л. БАБАЛОВА

ЭТО НЕОДНОЗНАЧНОЕ «ЧТОБЫ»

(Лингвометодический анализ)

Союз «**чтобы**» выступает в самых разнообразных конструкциях, что составляет известную трудность для изучающих русский язык как иностранный. Знакомство с этим союзом, как правило, начинается с конструкций, имеющих целевое значение, т.е. со сложноподчиненных предложений с придаточными цели:

Мы приехали в Россию, чтобы изучать русский язык.

Примерно на этом же этапе обучения возникает необходимость в употреблении изъяснительных предложений, в которых в качестве опорных слов в главной части выступают лексемы со значением желания, волеизъявления, необходимости, побуждения к действию¹:

Я хочу, чтобы мне продлили визу до 30 июня;

Она попросила, чтобы у нее приняли экзамены досрочно;

Необходимо, чтобы пожарные осмотрели все помещения.

Как видно из приведенных примеров с союзом «**чтобы**», в придаточной части употребляется форма на *-л*. И это оказывается психологически наиболее затруднительным для иностранцев, поскольку как побуждение к действию, так и достижение цели по смыслу ориентированы на реализацию в будущем, тогда как форма на *-л* ассоциируется с прошлым. То, что для носителя языка является вполне естественным, иностранцу представляется парадоксальным и требует усилий для преодоления этого «противоречия».

В большинстве учебников и методических статей утверждается, что основным правилом для употребления формы на *-л* яв-

¹ О других разновидностях изъяснительных предложений см. дальше.

ляется наличие разных агенсов в главной и придаточной частях. Если же агенс один и тот же, то употребляется форма инфинитива.

Для начального этапа обучения данного правила вполне достаточно, чтобы покрыть значительный корпус предложений с союзом «чтобы». Однако есть случаи, подвергающие сомнению данное утверждение, и пытливые иностранцы на последующих этапах обучения встречаются с такими конструкциями, где приведенное правило «не срабатывает», например:

Я открыла окно, чтобы мне лучше спалось;

Наташа взяла отпуск, чтобы она могла как следует подготовиться к экзаменам;

Он бережно хранил эти фотографии, чтобы у него осталась память о родителях.

Во всех приведенных выше предложениях агенс один и тот же, однако в придаточной части фигурирует форма на – л.

Ср. еще:

Чтобы вино получило свой неповторимый вкус и аромат, оно выстаивается годами (агенс один – вино).

Рассмотрим предложения, в которых в придаточной части употреблен инфинитив. Согласно указанному правилу в них должен быть один и тот же агенс.

Директор собрал своих сотрудников, чтобы обсудить новый проект.

Скорее всего, обсуждают новый проект и директор, и сотрудники, но агенсы разные, а в придаточной – инфинитив.

Или:

Мама позвала детей в большую комнату, чтобы наряжать ёлку.

Очевидно, что и в данном случае агенсы разные. Можно, конечно, выдвинуть возражение, что здесь имеется как бы «совместный» агенс: директор и сотрудники, мать и дети.

А как быть с таким предложением?

Она завела собаку, чтобы охранять дачу.

Завели люди, а охранять дачу будет собака.

В связи с этим было бы интересно проанализировать также соотношение приведенных сложных предложений с простыми, в которых употреблен зависимый инфинитив:

Директор собрал сотрудников обсудить новый проект.

Мама позвала детей в большую комнату наряжать елку.

В каких случаях они взаимозаменяемы? Многие исследователи отмечают, что зависимый инфинитив употребляется при глаголах движения или побуждения к действию. Например:

Она пошла в театральную кассу купить билет на концерт;

Он просил продлить ему визу до конца августа.

С каузативами (**просить, требовать, приказать** и т.п.) действительно зависимый инфинитив широко распространен. А с глаголами движения? Всегда ли это возможно?

Он ушел с работы в 12 часов, чтобы успеть на прием к стоматологу

(ушел – успеть (!))

Или:

Они обошли все магазины в центре города, чтобы купить географический атлас

(обошли – купить (!))

Еще более интересные случаи с одним и тем же глаголом движения:

Они вынесли /старые вещи выбросить их/ чтобы выбросить их.

НО: *Они вынесли мебель в коридор, чтобы начать ремонт.*

(Вынесли мебель начать ремонт – невозможно).

Следовательно, тезис о том, что зависимый инфинитив употребляется с глаголами движения не столь уж бесспорен.

Еще менее изученным представляется вопрос о соотносительности рассматриваемых конструкций, когда управляющий глагол не является глаголом движения. Например, в следующих примерах вполне возможны обе конструкции:

Автоинспектор остановил машину проверить у водителя документы /чтобы проверить у водителя документы;

Она открыла дверь впустить кошку/ чтобы впустить кошку;

Я включил телевизор посмотреть новый фильм/ чтобы посмотреть новый фильм;

Мы набрали сухих веток разжечь костер/ чтобы разжечь костер;

Водолазы опустились на дно озера исследовать грунт/ чтобы исследовать грунт.

Некоторые исследователи отмечают, что в данном случае речь может идти о движении в широком смысле этого слова. Насколько широко? Напрашивается вывод, что при употреблении зависимого инфинитива в приведенных примерах между двумя действиями нет каких-либо промежуточных, осложняющих эту связь обстоятельств: остановил машину и проверяет документы, открыла дверь и впустила кошку, включил телевизор и смотрит фильм. Очень часто это конкретные физические действия, непосредственно следующие друг за другом. Ср.:

Он взял со стола ключ открыть сейф/ чтобы открыть сейф.

НО: *Она взяла с собой сумку, чтобы ехать налегке* (взяла сумку ехать налегке – неправильно).

Анализируемые случаи свидетельствуют об очень сложном взаимодействии управляющего глагола и зависимого инфинитива. Почему с глаголом «купить» возможны обе конструкции, а с глаголом «продать» только одна?

Он купил машину подарить сыну на день рождения/ чтобы подарить сыну на день рождения;

НО: *Он продал машину, чтобы погасить кредит* (продал машину погасить кредит – неправильно);

Из сказанного можно сделать вывод, что конструкция с зависимым инфинитивом имеет ограничения и, очевидно, это связано как с семантикой управляющего глагола, так и с сочетаемостью его с инфинитивом.

В целевых предложениях с «**чтобы**» таких ограничений меньше. Основным требованием для сложноподчиненных предложений с придаточным цели является значение произвольности действия в главной части. И даже лексемы со значением речевой деятельности, которые, естественно, тяготеют к сфере изъяснительности, при определенных условиях могут употребляться в качестве опорных слов в главной части целевых предложений.

Ср.:

Мы говорили, что об этой новости знает уже весь город;

Она отвечала, что не помнит название фильма.

(Это изъяснительные предложения).

Но: *Он говорил громко, чтобы все его хорошо слышали;*

Она говорила медленно, чтобы выиграть время.

(Это целевые предложения).

Как известно, семантика целенаправленности отсутствует у глаголов статического состояния, но в определенном контексте также может возникнуть значение произвольности действия:

Он стоял под окном, чтобы подслушать их разговор;

Они спали по 12 часов, чтобы восстановить силы.

Даже глаголы типа «упасть», «уронить», «перепутать», могут в качестве опорных слов присоединять конструкцию с союзом **«чтобы»**:

Она уронила шарф, чтобы привлечь его внимание;

Она перепутала адреса, чтобы её не нашли/ чтобы успеть уехать из города.

Следует отметить, что в подобных случаях замена на инфинитивную конструкцию невозможна.

* * *

На продвинутом этапе обучения учащиеся-иностранцы сталкиваются с такими конструкциями, в которых целевое значение союза **«чтобы»** вряд ли просматривается вообще. Так союз **«чтобы»** употребляется в изъяснительных предложениях с опорными словами определенной семантики – сомнения, недостоверности, опасения – наряду с союзом **«что»**:

Я сомневаюсь, что он придет завтра – Я сомневаюсь, чтобы он приехал завтра.

Дифференциальным признаком для этих конструкций служит отсутствие отрицательной частицы в главной части предложений с **«чтобы»** и её возможность в предложениях с **«что»**, ср:

Я сомневаюсь/ Я не сомневаюсь, что он придет завтра;

Я сомневаюсь, чтобы он приехал завтра.

Другим различительным признаком является употребление только формы на – л в предложениях с **«чтобы»** и возможность употребления любой временной формы в предложениях с **«что»**:

Я сомневаюсь, что он приехал/ приезжает/ придет завтра.

Следует также отметить некоторую «аморфность» временного плана в предложениях с **«чтобы»**. Действие в них может относиться и к прошлому, и к настоящему, и даже к будущему.

Я сомневаюсь в том, чтобы эта команда выиграла (сомнение относится к выигрышу команды, как в прошлом, так и в будущем);

Ср. еще: *Я сомневаюсь в том, чтобы он работал учителем = Я сомневаюсь в том, что он работал/ работает/ будет работать учителем.*

В качестве опорных слов в данном типе предложений могут употребляться лексемы и словосочетания с общей семантикой **сомнения, недоверности**:

Трудно представить, чтобы он добрался туда за час;

Маловероятно, чтобы её приняли в консерваторию;

Вряд ли возможно, чтобы он изобрел такой аппарат.

Кроме того, в данной позиции могут быть употреблены глаголы **видеть, слышать, думать, помнить** с отрицанием:

Большой бассейн поблескивает на солнце, но я не вижу, чтобы кто-нибудь купался;

Никто никогда не слышал, чтобы она пела.

Значение сомнения усиливается в вопросительных предложениях, типа:

Кто-нибудь видел, чтобы Саша курил?

Вы когда-нибудь слышали, чтобы в тех местах выпал снег?

Союз **«чтобы»** употребляется также в предложениях со значением опасения, придаточная часть, как правило, отрицательная и называет нежелательную ситуацию:

Боюсь, чтобы погода не испортилась;

Мать беспокоится, чтобы дети не простудились¹.

При выражении опасения придаточная часть может присоединяться и союзом «**что**», но в этом случае она имеет утвердительную форму и любой временной план.

Боюсь, что погода испортится; Боюсь, что они заблудятся;

Боюсь, что он опоздал на самолет; Боюсь, что он ждет их напрасно;

А в предложениях с «**чтобы**» нежелательная ситуация отнесена в будущее, хотя предикат имеет форму на – л:

Боюсь, чтобы/ как бы/ он не остался без работы.

Необходимо поэтому объяснить иностранцам, что при союзе «**что**» нежелательная ситуация может быть воспринята как реализовавшаяся, а при союзе «**чтобы**» она всегда гипотетична:

Боюсь, что он заболел/ потерял паспорт = это УЖЕ случилось.

Боюсь, чтобы он не заболел/ не потерял свой паспорт = это МОЖЕТ случиться.

Другой разновидностью несобственно-целевых предложений являются фразеологизированные структуры, типа:

Он не так глуп, чтобы поверить незнакомым людям;

Они достаточно долго жили тем, чтобы вполне адаптироваться.

Внимание студентов должно быть привлечено к лексемам в главной части предложения, имеющим значение различной **степени признака** или **меры количества** (*достаточно, недостаточно, слишком*), а также к сочетаниям местоименных слов с прилагательными (полными или краткими) и наречиями: *так, такой, не так, не такой* и т. п. Предложения рассматриваемого типа сложны для понимания и требуют растолкования, в чем, несомненно, нуждаются иностранные учащиеся, впервые столкнувшиеся с ними.

Преподавателю не составит труда предложить соответствующие пары конструкций.

Сегодня не так холодно,

¹ Вместо «**чтобы**» в ряде случаев может быть употреблен союз «**как бы**»: *Боюсь, как бы они не заблудились.*

Сегодня не очень холодно, поэтому чтобы надевать перчатки / не надо надевать перчатки.

В целом эта структура имеет значение «основания – следствия», но главное – это привлечь внимание иностранцев к определенной коррелятивности связывающих части союзных слов и на наличие отрицания при местоименных словах, а также на соотношение предложений с «**что**» и «**чтобы**».

Морозы были такие сильные, что вода в трубах замерзла –

Морозы были не такие сильные, чтобы вода в трубах замерзла.

Важно также иметь в виду, что с «*так*» сочетаются краткие прилагательные (и наречия), а с «*такой*» только полные прилагательные, в то время как с лексемами «*достаточно*», «*недостаточно*», «*слишком*» могут быть употреблены обе формы прилагательного:

Комната слишком мала/ маленькая, чтобы в ней поместилось двадцать человек.

При местоименном слове «*такой*» возможно употребление и существительных определенной семантики:

Он не такой дурак, чтобы поверить в это;

Я не такой обжора, чтобы съесть сразу десять бананов;

Она не такая чистюля, чтобы каждый день убирать квартиру;

Не такие уж они мастера, чтобы доверить им реставрацию храма.

Немногочисленны, но экспрессивно значимы в разговорной речи конструкции типа:

Надо быть полным идиотом, чтобы подписать такой контракт.

Структурно они не отличаются от предложений необходимого основания:

Надо быть хорошим бизнесменом, чтобы зарабатывать такие деньги.

Но по смыслу они, естественно, сильно различаются.

В предложениях анализируемого типа в главной части употребляются лексемы со значением негативной оценки:

*Надо быть сумасшедшим, чтобы прыгать с такой высоты;
Надо быть последним дураком, чтобы отказаться от та-
кой поездки.*

Также несобственно-целевое значение имеют так называемые предложения антицели:

*Он всю жизнь стремился прославиться, чтобы умереть в
полной неизвестности;*

*Люди веками строили свой город, чтобы в один день поки-
нуть его.*

Подобные предложения встречаются преимущественно в произведениях художественной литературы, они экспрессивно окрашены, их легко трансформировать в сложносочиненные предложения с союзами А или НО, которые более понятны и привычны для иностранцев:

*Она всю жизнь посвятила детям, чтобы в старости
остаться одной –*

*Она всю жизнь посвятила детям, а в старости осталась
одна.*

* * *

Несколько особняком стоят парцеллированные конструкции с «**чтоб(ы)**», употребляемые в экспрессивно-окрашенной речи и выражающие приказ:

Чтобы я тебя здесь больше не видел!

Чтобы завтра же здесь лежали все документы!

Обращенные ко 2-ому или 3-ему лицу, они могут выражать не только категорическое требование, но и своего рода проклятия:

*Чтоб ты провалился! Что б он сгорел! Чтоб тебе пусто
было! Чтоб ты подавился!*

(В доперестроечное время бытовало такое «проклятье»:

*Чтоб ты жил на одну зарплату и чтобы у тебя в доме ни-
когда не кончался ремонт!)*

Подобные структуры, разумеется, не входят в учебные пособия, но могут встретиться иностранным студентам, тем более что по отношению к 1-му лицу, когда говорящий обращается к себе

самому, они (произносимые с соответствующей интонацией) получают иную интерпретацию – досаду, сожаление и намерение в будущем не производить названных действий:

Чтоб я ему когда-нибудь поверил! (Я ему больше никогда не поверю).

Чтоб я им одолжил денег! (Никогда не одолжу).

Чтоб я еще раз поехал туда! (Я туда ни за что не поеду).

Конструкции с «**чтоб**», отнесенные к 1-ому лицу, могут быть также выражением «клятвы» говорящего:

Чтоб мне провалиться на этом месте, если я вру!

Чтоб мне гореть синим пламенем, если я не вернусь!

Чтоб мне с места не встать! Чтоб я до утра не дожид! и т.п.

В ряду конструкций с союзом «**чтобы**» указанные структуры занимают, естественно, периферийное место, но они, безусловно, привлекут внимание иностранных учащихся, проявляющих интерес к русскому языку.

**ПРОТОТИПИЧЕСКИЕ И ПЕРИФЕРИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ
ПАССИВНОГО И КВАЗИПАССИВНОГО (ДЕКАУЗАТИВНОГО)¹
ЗНАЧЕНИЙ ВОЗВРАТНОГО ГЛАГОЛА
В КОНСТРУКЦИЯХ С ПАЦИЕНТИВНЫМ ПОДЛЕЖАЩИМ**

Одной из наиболее распространенных онтологических ситуаций, подлежащих выражению средствами языка, является ситуация воздействия одушевленного лица (человека) на неодушевленную субстанцию с целью преобразования этой неодушевленной субстанции. Общеизвестно, что преобразование неодушевленной субстанции может быть выражено как с помощью активной конструкции, например (1), так и с помощью пассивной конструкции, например (2):

(1) *Рабочие строят дом.*

(2) *Дом строится рабочими.*

Такие трехчленные пассивные конструкции с агентивным дополнением, выраженным творительным падежом как, например (2), будучи вырваны из широкого контекста и представлены как изолированные конструкции, нередко воспринимаются как не естественные речевые образования, а специально построенные грамматические фантомы. Особенности речевого употребления трехчленного пассива подробно охарактеризованы в [Чагина 2009: 42-44], где, в частности, сказано, что «в живой разговорной речи они встречаются нечасто». Но и встречаемость такого рода пассивных конструкций в письменных литературных текстах также невелика.

Несмотря на это, в русских грамматиках самого разного уровня искусственно построенная конструкция “*Дом строится*

¹ Вопрос о взаимоотношении терминов, содержащих прилагательные «квазипассивный» и «пассивный» рассматривается в [Гаврилова 2008]. Термин «декаузативное значение» в [Долинина 1991] употребляется для характеристики одной из разновидностей значений русских возвратных глаголов, а в [Падучева 2001] считается, что декаузативными кроме глаголов с частицей *-ся* могут быть и некоторые невозвратные глаголы. В типологическом исследовании [Haspelmath 1993] для обозначения описываемых в данном исследовании значений русского глагола употребляется термин «кинхоативное значение».

рабочими” постоянно встречается в качестве иллюстративного примера в составе определений страдательного залога.

Напротив, конструкции, типа (3) и (4) в русской разговорной речи встречаются очень часто:

(3) У меня **строится** дача.

(4) У купца **строится** дом.

(5) Я **строю** дачу.

(6) Купец **строит** дом.

В конструкциях (3) и (4) лицо, обозначенное родительным падежом местоимением “я” и существительным “купец” с предшествующим предлогом «у», не является непосредственным исполнителем строительства дома, оно является инициатором этого строительства. Характерная для современного общества индустриализация производственных процессов приводит к тому, что наличие надлежащего финансирования воспринимается как необходимое условие осуществления этих производственных процессов. При этом лицо, группа лиц или организация, осуществляющие финансирование, трактуются как инициаторы этого процесса. Поэтому агенс активных конструкций (5) и (6), как правило, трактуется как агенс-инициатор, хотя не исключено понимание агенса как агенса-исполнителя.¹

На необходимость характеризовать подлежащее при переходных глаголах либо как агенс-исполнитель, либо как агенс-инициатор указывается в [Степанов 1997, 210-211]. В наших работах [Гаврилова 2003; 2004; 2005] демонстрируется, что разграничение ролей «агенс-исполнитель» и «агенс-инициатор» является необходимым условием для создания адекватного описания грамматической категории залога в русском языке. В работах [Гаврилова 2003; 2004; 2005] как сопряженное с ролью агенс исполнитель вводится понятие производящей переходности, а как сопряженное с ролью агенс инициатор – понятие иницирующей переходности. Изложим основные положения этой концепции:

- Если преобразование пациенса на всем своем протяжении осуществляется непосредственно за счет приложения энергии, которая является мускульной и/или интеллектуальной энергией

¹ В качестве агенса-инициатора не могут быть истолкованы лишь подлежащие в конструкциях (5а) и (6а), в которых в рему включено местоимение «сам»:

(5а) Я **строю** дом сам.

(6а) Купец **строит** дом сам.

ей агенса, то предлагается такой агенс называть агенсом-исполнителем, например: (7) *Петя красил забор*; (8) *Петя покрасил забор*.

- Если агенс тратит свою энергию на создание условий необходимых и достаточных для самопроизвольного осуществления изменений в пациенте, обозначенном прямым дополнением, то такой агенс предлагается называть агенсом-инициатором, например: (9) *Мама красит пасхальные яйца*; (10) *Мама покрасила пасхальные яйца*.

В тех случаях, когда подлежащее при переходном глаголе характеризуется как агенс-исполнитель, переходность глагола является **производящей (непосредственной) переходностью**. А в тех случаях, когда подлежащее при переходном глаголе характеризуется как агенс-инициатор, переходность глагола является **инициирующей (опосредованной) переходностью**.

Таким образом, переходность называется **переходностью производящего типа**, если преобразование неодушевленного пациента немислимо без непосредственного приложения мускульной и/или интеллектуальной энергии человека на всем протяжении осуществления преобразования пациента. Переходность называется **переходностью иницирующего типа**, если для осуществления запланированного преобразования неодушевленного пациента человеку приходится создавать необходимые и достаточные условия для самопроизвольного осуществления в пациенте этих изменений.

Залоговую трансформацию (а), при которой прямое дополнение активной конструкции переходит в подлежащее при парном возвратном глаголе, мы будем называть **объектной конверсивной трансформацией**, а ее результирующую конструкцию **минимальной объектной конверсивной конструкцией**. Объектные конверсивные конструкции (как минимальные, так и распространенные другими второстепенными членами предложения) принято называть **конструкциями с пациентивным подлежащим**.

$$(a) N^I_{им} V N^2_{вин} \rightarrow N^2_{им} V_{-ся}$$

Результат применения объектной конверсивной трансформации к конструкциям с переходными глаголами производящего типа принято называть **пассивной конструкцией** (сокращенно

ПК). Пассивные конструкции допускают в качестве сказуемого возвратные глаголы только несовершенного вида. Например, конструкция (7конв) является допустимой, однако конструкция (8конв) неприемлема:

(7конв) *Забор красится.*

(8конв) **Забор покрасился.*

Термин «квазипассивные конструкции (сокращенно КВПК)» используется для описания конструкций, являющихся результатом применения объектной конверсивной трансформации к конструкциям с переходными глаголами иницирующего типа, например:

(9конв) *Пасхальные яйца красятся.*

(10конв) *Пасхальные яйца покрасились.*¹

Сказуемые КВПК имеют значение самопроизвольно разворачивающегося процесса. При этом в КВПК в качестве сказуемых регулярным образом употребляются личные формы возвратных глаголов совершенного вида.

Из сопоставления трансформационной судьбы примеров (8) и (10) становится понятным, что тип переходности приписывается не вокабуле в целом, а отдельному лексическому значению. В случае с “покраситься” в составе (8), с одной стороны, и (10), с другой стороны, разница значений глагола определяется свойствами денотата лексемы, заполняющей позицию актанта с ролью “пациенс”. При окрашивании забора поверхность забора может быть покрыта краской, только если в процессе окрашивания на всей его протяженности в качестве исполнителя участвует человек, и поэтому агенс является агенсом-исполнителем. В то же время, если речь идет об окрашивании пасхальных яиц или ткани, то человек создает красящую среду и помещает в нее на какое-то время предназначенный для перемены цвета объект, который с неизбежностью приобретет новый цвет, и в данном случае агенс является агенсом-инициатором. Объектная конверсивная конструкция (8конв), выводимая из (8), имеет пассивный характер, и в ней невозможно употребление личных форм глагола совершенного вида; а объектная конверсивная конструкция (10конв), вы-

¹ Можно ввести в состав этих конструкций и местоименную группу «у мамы», но при этом для нейтральности звучания фразы придется изменить и порядок слов:

(9конв_а) *У мамы красятся пасхальные яйца;*

(10конв_а) *У мамы покрасились пасхальные яйца.*

водимая из (10), имеет квазипассивный характер и для употребления в ее составе личных форм глагола совершенного вида не возникает никаких препятствий.

Принадлежность переходного глагола к иницирующему или производящему типу является скрытой категорией русской грамматики, существование которой обнаруживается при попытке построить двучленную минимальную объектную конверсивную конструкцию с парным возвратным глаголом совершенного вида. А именно, эта попытка успешно завершается в случае переходных конструкций иницирующего типа и терпит крах в случае переходных конструкций производящего типа.

Итак, выбор между пассивным и квазипассивным типом результирующей минимальной конверсивной конструкции определяется тем, какой – производящей или иницирующей, соответственно, – является переходность глагола в исходной конструкции. Точнее, тип переходности глагола-сказуемого в исходной конструкции определяет прототипическое значение формы глагола в минимальной конверсивной конструкции.

Прототипическим значением мы будем называть значение глагола-сказуемого, проявляющееся в **минимальной объектной конверсивной конструкции**, т.е. значение, которое свойственно возвратному глаголу-сказуемому при отсутствии влияния какого-либо контекста. Производящий тип переходности глагола-сказуемого в исходной конструкции определяет прототипическое пассивное значение возвратной формы глагола в минимальной конверсивной конструкции, а иницирующий тип переходности глагола-сказуемого в исходной конструкции определяет прототипическое квазипассивное значение возвратной формы глагола в минимальной конверсивной конструкции.

Контексты для реализации пассивного и квазипассивного прочтения одних и тех же предикативных форм возвратных глаголов

Рассмотрим соотношение примеров возвратных конструкций с глаголами совершенного и несовершенного видов, представленных, соответственно, в правом и левом столбцах таблиц 1 и 2:

Таблица 1

<i>(11нс) Белье гладится.</i>	↔	<i>(11св) *Белье погладилось.</i>
<i>(12нсв) Прибор конструируется.</i>	↔	<i>(12св) *Прибор сконструировался.</i>

(13нсв) Платье шьется .	↔	(13св) *Платье сшилось .
(14нсв) Деталь вытачивается .	↔	(14св) *Деталь выточилась .
(15нсв) Документы оформляются .	↔	(15св) *Документы оформились .

Таблица 2

(16нсв) Белье сушится .	↔	(16св) Белье высушилось .
(17нсв) Прибор ломается .	↔	(17св) Прибор сломался .
(18нсв) Ботинки пачкаются .	↔	(18св) Ботинки испачкались .
(19нсв) Деталь деформируется .	↔	(19св) Деталь деформировалась .
(20нсв) Дворец разрушается .	↔	(20св) Дворец разрушился .

Примеры из левых столбцов обеих таблиц представляют собой двучленные конструкции, состоящие из неодушевленного подлежащего и сказуемого, выраженного возвратным глаголом несовершенного вида. Примеры из правых столбцов обеих таблиц являются результатом попытки заменить возвратный глагол-сказуемое несовершенного вида в конструкции из левого столба на соответствующий возвратный глагол совершенного вида. В результате такой замены в случае конструкций (16нсв)– (20нсв) мы получаем безупречные в грамматическом отношении конструкции (16св)-(20св), а в случае конструкций (11нсв) – (15нсв) конструкции (11св) – (15св), образованные в результате такой замены, по крайней мере, сомнительны с точки зрения их грамматической правильности.

Поставим в соответствие возвратным конструкциям из таблиц 1 и 2 такие неопределенно личные конструкции, в которых в качестве сказуемого выступает переходный глагол, парный соответствующему возвратному глаголу, а в качестве прямого дополнения выступает форма винительного падежа существительного, являющегося подлежащим в возвратной конструкции. Описанная связь переходных и возвратных конструкций является трансформацией, которая в общем виде может быть представлена ниже следующей формулой, т.е. будем рассматривать трансформацию (б), являющуюся редуцированным вариантом трансформации (а):

$$(б) V N_{\text{вин}} \rightarrow N_{\text{им}} V_{\text{-ся}}$$

Таблица 3

(11пер-нс) Белье гладят .	(11нс) Белье гладится .
(11пер-св) Белье погладили .	(11св) *Белье погладилось .
(11пер-нсв) Прибор конструируют .	(12нсв) Прибор конструируется .
(12пер-св) Прибор сконструировали .	(12св) *Прибор сконструировался .
(13пер-нсв) Платье шьют .	(13нсв) Платье шьется .
(13пер-св) Платье сшили .	(13св) *Платье сшилось .
(14пер-нсв) Деталь вытачивают .	(14нсв) Деталь вытачивается .
(14пер-св) Деталь выточили .	(14св) *Деталь выточилась .
(15пер-нсв) Документы оформляют .	(15нсв) Документы оформляются .
(15пер-св) Документы оформили .	(15св) *Документы оформились .

Таблица 4

(16пер-нсв) Белье сушат .	(16нсв) Белье сушится .
(16пер-св) Белье высушили .	(16св) Белье высушилось .
(17пер-нсв) Прибор ломают .	(17нсв) Прибор ломается .
(17пер-св) Прибор сломали .	(17св) Прибор сломался .
(18пер-нсв) Ботинки пачкают .	(18нсв) Ботинки пачкаются .
(18пер-св) Ботинки испачкали .	(18св) Ботинки испачкались .
(19пер-нсв) Деталь деформируют .	(19нсв) Деталь деформируется .
(19пер-св) Деталь деформировали .	(19св) Деталь деформировалась .
(20пер-нсв) Дворец разрушают .	(20нсв) Дворец разрушается .
(20пер-св) Дворец разрушили .	(20св) Дворец разрушился .

Разное трансформационное поведение переходных неопределенно-личных конструкций из левых столбцов таблиц 3 и 4 объясняется следующим:

- в переходных конструкциях из левого столбца таблицы 3 в качестве сказуемых выступают **переходные глаголы производящего типа** и поэтому минимальные объектные

конверсивные конструкции типа (11нсв)-(15нсв) являются пассивными конструкциями, а конструкции (11св)-(15св) являются не безупречными;

- в переходных конструкциях из левого столбца таблицы 4 в качестве сказуемых выступают **переходные глаголы иницирующего типа**, и поэтому минимальные объектные конверсивные конструкции типа (16нсв)-(20нсв) и (16св)-(20св) являются квазипассивными конструкциями.

Однако **минимальные объектные конверсивные конструкции**, по существу, являются грамматической абстракцией, а в реальном языковом употреблении мы практически всегда имеем дело с распространенными конструкциями. Поэтому, если выразиться точнее, то следует сказать, что в двучленной **минимальной** объектной возвратной конверсивной конструкции, в которой контекстное окружение сводится к присутствию пассивного подлежащего, проявляется прототипическое пассивное или прототипическое квазипассивное значение возвратного глагола-сказуемого. Минимальной объектной возвратной конверсивной конструкции, в которой проявляется прототипическое значение возвратного глагола, функционально равны распространенные конструкции, включающие такие распространяющие контексты, которые не входят в противоречие с прототипическим значением и являются избыточными для его проявления.

В то же время существуют контексты другого рода, значение которых входит в противоречие с прототипическим значением возвратного глагола. Попадая в такой контекст, словоформа глагола с прототипическим пассивным значением приобретает периферическое квазипассивное значение. Это явление представлено, например, в конструкциях, представленных в таблице 5. А именно, за счет расширения контекста с помощью слов *“как бы сам собой”* статус конструкций (21нсв)-(25нсв) становится квазипассивным, а не пассивным, как у конструкций (11нсв)-(15нсв). Поэтому безукоризненны конструкции (21св)-(25св), в которых благодаря расширению контекста возвратный глагол-сказуемое приобретает периферическое квазипассивное значение; хотя недопустимо присутствие личных форм возвратных глаголов совершенного вида от глаголов с прототипическим пассивным значением в минимальных объектных возвратных конверсивных конструкциях (11св)-(15св).

Таблица 5

(21нсв) Белье гладится как бы само собой.	↔	(21св) Белье погладилось как бы само собой.
(22нсв) Прибор конструируется как бы сам собой.	↔	(22св) Прибор сконструировался как бы сам собой.
(23нсв) Платье шьется как бы само собой.	↔	(23св) Платье сшилось как бы само собой.
(24нсв) Деталь вытачивается как бы сама собой.	↔	(24св) Деталь выточилась как бы сама собой.
(25нсв) Документы оформляются как бы сами собой.	↔	(25св) Документы оформились как бы сами собой.

И, наоборот, глагол с прототипическим квазипассивным значением под влиянием некоторых специально подобранных контекстов приобретает периферическое пассивное значение. Это явление мы можем наблюдать, например, в конструкциях, представленных в таблице 6. А именно, восходящие к переходным глаголам иницирующего типа возвратные глаголы, за счет расширения контекста с помощью слова «специально» приобретают периферическое, обусловленного контекстом, пассивное значение, например, в конструкциях (26нсв)-(30нсв). Конструкции (26св)-(30св) с пассивным периферическим значением сказуемого неприемлемы, поскольку личные формы возвратных глаголов совершенного вида не могут выступать в качестве сказуемых в пассивных конструкциях (сравни с минимальными конверсивными конструкциями (16св)-(20св)).

Таблица 6

(26нсв) Белье сушится специально.	↔	(26св) *Белье высушилось специально.
(27нсв) Прибор ломается специально.	↔	(27св) *Прибор сломался специально.
(28нсв) Ботинки пачкаются специально.	↔	(28св) *Ботинки испачкались специально.
(29нсв) Деталь деформируется специально.	↔	(29св) *Деталь деформировалась специально.
(30нсв) Церкви разрушаются специально.	↔	(30св) *Церкви разрушились специально.

Трактовка возвратного глагола сказуемого в конструкциях с пациентивным подлежащим как предиката с пассивным или квазипассивным значением определяется одним из двух факторов:

1. семантическими свойствами самого возвратного глагола-сказуемого, которые проявляются как в минимальной объектной конверсивной конструкции, так и при распространении этой конструкции с помощью контекстов, не входящих в противоречие с семантическими свойствами самого возвратного глагола;

2. семантическими свойствами конструкции (контекстного окружения), которые входят в противоречие с семантическими свойствами глагола-сказуемого и преодолевают их.

В первом случае мы имеем дело с прототипическим пассивным или квазипассивным значениями, а во втором с периферическим пассивным или квазипассивным значениями предикативных форм возвратных глаголов.

Итак, производящий тип переходности глагола-сказуемого в исходной конструкции определяет прототипическое пассивное значение возвратной формы глагола в конверсивной конструкции, но в качестве периферического, обусловленного контекстом, этот возвратный глагол может иметь и квазипассивное значение (см. материал таблицы 5). Иницирующий тип переходности глагола-сказуемого в исходной конструкции определяет прототипическое квазипассивное значение формы глагола, но в качестве периферического, обусловленного контекстом, этот возвратный глагол может иметь и пассивное значение (см. материал таблицы 6).

В тексте (31) представлено как прототипическое пассивное, так и периферическое квазипассивное значение сказуемого *достигалась*:

(31) *Цель была одна: очистить свою землю от нашествия. Цель эта достигалась, во-первых, сама собою, так как французы бежали, и поэтому следовало только не останавливать этого движения. Во-вторых, цель эта достигалась действиями народной войны, уничтожавшей французов. (Л.Н. Толстой "Война и мир").¹*

В примере (32) имеет место словесная игра, которая построена на разнице пассивного и квазипассивного прочтения глагола-сказуемого «разлагается», имеющего в качестве прототипического квазипассивное значение:

¹ Пример взят из монографии [Янко-Триница 1962].

(32) *Армия у нас **разлагается** и весьма искусно.*

Пока произнесено только начало фразы «*Армия у нас разлагается*», конструкция понимается как квазипассивная и описанный в ней процесс осознается как развивающийся вне волевых усилий человека. Но после добавления обстоятельственной группы «*и весьма искусно*» предложение переосмысливается как пассивное, и описываемый в этом предложении процесс начинает интерпретироваться как обусловленный волей человека и развертывающийся благодаря его сознательному постоянному участию.

В примерах (33)-(35) личные формы глаголов «*разрушаться / разрушиться*» выступают в прототипическом квазипассивном значении, а в примерах (36)- (40) — в периферическом, обусловленном контекстом значения.

(33) *Стены церквушки во многих местах **разрушились**, вывалившиеся из кладки кирпичи образовали большие и малые проломы.*

(34) *Под действием сил природы известняк **разрушается**.*

(35) *Горы со временем **разрушались**, камни уносились, **перемещались** вниз.*

(36) *Папирус **разрушается** зубом времени гораздо быстрее, чем камень.*

(37) *Рассказ о том, как Римская империя **начала разрушаться варварами**, получился живым и убедительным.*

(38) *Вот уже два поколения казнятся гражданской войною, И Рим **своей силой разрушается**... Рим, что сумел устоять перед германцев ордой синеокой.*

(39) *Зато витамины группы В легко **разрушаются** алкоголем, никотином, колой, кофе и чаем.*

(40) ***Разрушилось** не только **временем**, но и **застройщиками**, «добывавшими» крайне нужные всем материалы, где можно и где нельзя*

Примеры (41)-(46) представляют собой сложносочиненные предложения, в которых первое входящее в их состав простое предложение является квазипассивной (декаузативной) конструкцией, а второе предложение – пассивной конструкцией.

(41) *Дом **строится** не сам собой, он **строится** рабочими.*

(42) *Дом **строился** не сам собой, он **строился** рабочими.*

(43) *Дом **будет строиться** не сам собой, он **будет строиться** рабочими.*

(44) Дом **построится** не сам собой, он **будет построен** рабочими.

(45) Дом **построился** не сам собой, он **построен** рабочими.

(46) Дом **построился** не сам собой, он **был построен** рабочими.

Первое и второе простые предложения, входящие в состав сложносочиненных предложений (47)-(41), противопоставлены друг другу как конверсивная и активная конструкции, при этом подлежащее конверсивной конструкции и прямое дополнение активной конструкцией имеют один и тот же референт¹:

(47) Дом **строится** не сам собой, его **строят** рабочие.

(48) Дом **строился** не сам собой, его **строили** рабочие.

(49) Дом **будет строиться** не сам собой, его **будут строить** рабочие.

(50) Дом **построится** не сам собой, его **построят** рабочие.

(51) Дом **построился** не сам собой, его **построили** рабочие.

Анализ примеров (41)-(51) показывает, что употребление возвратных глаголов с прототипическим пассивным значением в квазипассивных конструкциях, т.е. реализация периферического квазипассивного значения носит регулярный характер.

Общепринятое представление о спряжении русских глаголов в страдательном залоге целиком базируется лишь на противопоставлении активных и пассивных конструкций (ПК). Наличие регулярных рядов парадигматического противопоставления активных и квазипассивных конструкций (КВПК) при этом не учитывается.

¹Такого рода конструкцию употребляет Ю.Д. Апресян, а именно, когда он описывает единый для лексики и грамматики механизм конверсивов; для того чтобы обосновывать неизбежность толкования глагола «*строиться*» с помощью ссылки на толкование глагола «*строить*», он предварительно отмежевывается от ситуации самопроизвольного возникновения домов и он употребляет для этой цели конструкцию *Дома не сами (=сами собой) строятся, а их строят*: «Однако в большинстве случаев лишь один из участвующих в ситуации предметов может рассматриваться как инициатор, источник действия. *Дома не сами строятся, а их строят* ... Поэтому слова *строиться, считаться* и т.п. не могут быть истолкованы сами по себе; единственный способ дать им определение состоит в том, чтобы свести их к исходному, семантически, т. е. к предикату приписанному инициатору ситуации. Исходный конверсив получает независимое истолкование..., которое затем переносится, с соблюдением ряда условий, ...на семантически несамостоятельный конверсив: *В строится X-ом = X строит В*» [Апресян 1995: 263].

Общепризнанным является то, что возвратный и производящий невозвратный глаголы связаны между собой грамматическими залоговыми отношениями лишь в том случае, когда возвратный глагол имеет страдательное значение. В то время как все глаголы на *-ся*, оппозиции которых с производящими переходными глаголами наполнены другим содержанием, рассматриваются как входящие с этими производящими глаголами в словообразовательные отношения в рамках действительного залога. Поэтому все возвратные глаголы не страдательного значения объединяются в различные лексико-семантические группы соответственно характеру взаимоотношения значений возвратного и невозвратного глаголов и объявляются глаголами действительного залога. Такое описание представлено, например, в последней версии академической грамматики [АГ 1980] и в словаре [Зализняк 1977]. Такая же точка зрения, но в другой форме, была высказана Э.Ш. Генюшене: «все классы рефлексивных глаголов, например в русском языке, кроме пассива, ограничены по объему и потому являются словообразовательными классами» [Генюшене 1983: 9].

В настоящем исследовании было продемонстрировано разделение пассивного и квазипассивного значений на прототипическое (исконное) пассивное значение и периферическое (обусловленное контекстом) пассивное значение и на прототипическое (исконное) квазипассивное значение и периферическое (обусловленное контекстом) квазипассивное значение. Из рассмотрения приведенного языкового материала можно сделать вывод о сложном переплетении у возвратных глаголов-сказуемых в конструкциях с пациентивным подлежащим свойственного этим глаголам-сказуемым пассивного и квазипассивного значений в их прототипических и периферических вариантах.

Глагольные формы, выступающие в качестве сказуемых ПК, принято считать формами страдательного залога. А как классифицировать с точки зрения залоговой принадлежности сказуемые КВПК? Прямого ответа на этот вопрос грамматики, как правило, не содержат. Однако в КВПК регулярный характер носит оформление сказуемых с помощью личных форм возвратных глаголов совершенного вида. Составители грамматик также указывают на возможность оформления сказуемых пассивных конструкций с помощью личных форм возвратных глаголов совершенного вида, но оговаривают спорадический характер реализации такой воз-

возможности [АГ 1980: 616]. Сказуемые КВПК регулярным образом оформляются с помощью личных форм возвратных глаголов совершенного вида, поэтому указания на спорадический характер реализации форм совершенного вида страдательного залога с помощью возвратных форм глагола совершенного вида можно считать косвенным указанием на то, что грамматисты не причисляют возвратные сказуемые квазипассивных конструкций к формам страдательного залога.

Мы уже ставили под сомнение последовательность и внутреннюю непротиворечивость глагольных форм, выступающих в качестве сказуемых в КВПК, как форм разных залогов, соответственно, страдательного и действительного. [Гаврилова 1990; 2003; 2004].

Ни авторы раздела “Залог” из академической грамматики, ни Э.Ш. Генюшене не учитывают существования регулярных противопоставлений действительных конструкций и квазипассивных конструкций. А если этот факт учитывать, то выше цитированное высказывание Э.Ш. Генюшене должно быть скорректировано следующим образом: «все классы рефлексивных глаголов, например в русском языке, кроме **пассива** и **квазипассива**, ограничены по объему и потому являются словообразовательными классами».

Поскольку одни и те же личные формы парных возвратных глаголов в составе объектных конверсивных конструкций в русском языке регулярным образом способны включать как словоупотребления с пассивным значением, так и словоупотребления с квазипассивным значением, то, по-видимому, можно поставить вопрос о грамматикализованности не пассивного, а пассивно-квазипассивного значения.

В заключение хочется отметить, что рассмотрение переходности производящего и иницирующего типа позволяют нам увидеть, что семантические и морфологические различия ПК и КВПК являются следствием семантических различий исходных действительных конструкций. Существование этих семантических различий у переходных глаголов не мешает рассматривать личные формы переходных глаголов производящего и иницирующего типов как формы единого действительного залога. Поэтому по аналогии совокупное множество, состоящее из сказуемых ПК и сказуемых КВПК можно предложить рассматривать как множество форм единого «конверсивного» залога.

Безусловно, обоснование высказанной выше гипотезы требует дальнейшего тщательного изучения грамматических особенностей функционирования личных форм возвратных глаголов не только в КВПК, но и в ПК. Так, как мы уже говорили, в [АГ 1980] предусмотрена возможность оформления страдательного значения с помощью личной формы возвратных глаголов и при этом говорится о спорадическом характере такого морфологического оформления сказуемых страдательных конструкций. В рассматриваемой грамматике с академическим статусом это утверждение делается вскользь и иллюстрируется лишь двумя примерами, лишенными каких-либо комментариев. Между тем такое серьезное утверждение требует демонстрации представительной базы примеров и теоретического осмысления причин наблюдаемого в примерах этой базы уклонения от оформления сказуемых в этих примерах от стандартной предикативно-причастной формы.¹

Литература

- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
- Гаврилова В.И. Квазипассивные конструкции в русском языке. АКД. М., 1986.
- Гаврилова В.И. Квазипассивная конструкция в системе залоговых противопоставлений русского языка. // “Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка”. М., 1990.
- Гаврилова В.И. К вопросу о парадигме русского глагола (на материале глаголов с пассивным и квазипассивным значением). // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы. Материалы международной научной конференции (Москва, 8-10 июня 2002 г.). М., 2003.
- Гаврилова В.И. Возвратные глаголы совершенного вида с квазипассивным значением и их место в залоговой системе русского глагола // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Том IV. М., 2004.
- Гаврилова В.И. Взаимодействие категорий переходности и залога в русском языке (Производящие и иницирующие переходные глаголы и их возвратные корреляты) // East West Encounter: Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory. Восток – Запад: Вторая международная конференция по модели “Смысл ↔ Текст”. М., 2005.

¹ Поэтому, неудивительно, что утверждение о спорадическом характере оформления сказуемых страдательных конструкций с помощью личных форм возвратных глаголов совершенного вида успешно оспаривается в [Перцов 2003]

- Гаврилова В.И. Термины “декаузатив” и “квазипассив” как конкурирующие термины // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник научных трудов в честь Е.В. Падучевой. М., 2008.
- Генюшене Э.Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов: Учеб. пособие. Вильнюс, 1983.
- Долинина И.Б. Рефлексивность и каузативность (категориальная семантика рефлексивных конструкций, соотносительных с каузативными конструкциями) // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб, 1991.
- Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
- Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке. // «Русский язык в научном освещении» 2001 № 1, 52-79.
- Перцов Н.В. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // «Вопросы языкознания» 2003, № 4, 43-71.
- Русская грамматика, т. 1, М., 1980.
- Степанов Ю.С. Действие. Ремесло // Степанов Ю.С. Словарь русской культуры. М., 1997.
- Чагина О.В. Возвратные глаголы в русском языке. Описание и употребление: учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся М., 2009.
- Янко-Триницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
- Haspelmath M. More on typology of inchoative/causative verb alternations // Causatives and Transitivity. В. Comri, V. Polinski (eds.). Amsterdam/Philadelphia, 1993. P. 87-120.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ ТОПОНИМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Географические названия обладают множеством ассоциаций (историко-культурных, литературных), которые знакомы носителю языка, но не всегда известны изучающему этот язык как иностранный. Страноведческая ценность топонима значительно больше информации о том или ином географическом объекте. Остается не воспринятым обширный пласт историко-культурных и социально-экономических ассоциаций. Иногда, имея в виду какое-либо историческое событие, автор не говорит о нем, а называет то место, где оно произошло, что составляет основу аллюзий.

Граница между топонимами и именами нарицательными и не всегда бывает достаточно четкой, так как нередко происходит переход слов из одной группы в другую, причем этот переход может осуществляться неоднократно, что представляет для нас особый интерес.

Многочисленные примеры предоставляет история фашизма. Некоторые топонимы, такие как *Дахау*, *Бухенвальд*, *Освенцим*, стали нарицательными (и не только в русском языке) для обозначения фашистских «фабрик смерти». Дахау – первый концентрационный лагерь в фашистской Германии, созданный в 1933 году на окраине одноименного города близ Мюнхена. Бухенвальд был построен на вершине горы Эттельсберг, возвышающейся близ города Веймара, административного центра земли Тюрингия. Веймар знаменит тем, что там жили и работали Шиллер и Гете. Поэтому предложение назвать концентрационный лагерь *Эттельсберг* было отвергнуто, тем не менее, несмотря на то, что буковый лес был любимым местом прогулок Гете, по предложению Генриха Гимmlера лагерь получил название *Buchenwald* (буковый лес). Так возник новый «топоним».

Об актуальности слова в языке свидетельствует его словообразовательная и синтаксическая продуктивность. В русский язык вошло словосочетание *Бухенвальдский набат*, обозначающее колокольный звон, впервые прозвучавший в день открытия мемориала на месте концлагеря в Бухенвальде в 1958 году. «Сообщение об этом событии услышал по радио фронтовик Александр

Соболев. Через два часа были написаны строчки: «Люди мира, на минуту встаньте!..» Стихи опубликовали в «Труде». Несколько дней спустя композитор Вано Мурадели говорил поэту по телефону: «Пишу музыку и плачу... Какие стихи!» Песня пришлась как нельзя кстати – ее повезли на Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Австрии, где она произвела на людей ошеломляющее впечатление» (АиФ Москва, 20.09.2000). Название песни В. Мурадели на стихи А. Соболева определило особое место слова *Бухенвальд* в русском языке.

Слово *Освенцим* оказалось наиболее употребительным в обыденной речи. Возможно, это связано с тем, что оно чаще других звучит в средствах массовой информации и что оно стало синонимом исторического периода, который называют *холокост*.¹ *Освенцим-Бжезинка* (польск. *Oświęcim-Brzezinka*), точнее – *Аушвиц-Биркенау* (нем. *Auschwitz-Birkenau*) – комплекс немецких концлагерей, располагавшийся в 1940–1945 гг. на юге Польши, около города Освенцим, в 60 км к западу от Кракова. В международной практике принято использовать немецкое название, но в российских СМИ по-прежнему используется польское, хотя и немецкое постепенно входит в употребление. В повседневной речи этот топоним получил нарицательное значение. Показательно, что не все носители русского языка имеют представление о его историческом смысле. На одном из интернет-форумов читаем: «Мы все знаем выражение – *худой, как освенцим*, но знаем ли мы реальное происхождение этого слова? Я вот только вчера узнала и была шокирована... Не для слабонервных». Ответная реплика: «Я думал, что нет на Земле человека, который этого не знает. Стыдно должно быть за незнание в таком возрасте таких слов, как Освенцим, Дахау и Бухенвальд».

После Второй мировой войны множество топонимов приобрели символическое звучание. Так, слово *Сталинград* вошло во все языки как символ стойкости и доблести. Битве за Сталинград суждено было стать самым важным сражением в Великой Отечественной войне, ее переломным моментом. 2 февраля 1943 прозвучали победные залпы в честь того, что советские войска отстояли Сталинград. Слова *Пёрл-Харбор* и *Хиросима* вошли во все энциклопедии мира и также стали в некотором смысле нарица-

¹ *Холокост* – по-гречески «огненная жертва». Истребление шести миллионов евреев в годы Второй мировой войны в концлагерях.

тельным. Слово *Хатынь* обозначает мемориальный комплекс на месте бывшей деревни Хатынь в память жителей белорусских сёл и деревень, уничтоженных фашистскими оккупантами. Актуальность этого географического названия подтверждается тем, что его используют для создания перифраз: *Все слышаны о сожженной гитлеровцами белорусской деревне Хатынь, но практически никто не знает, что у нас под боком, всего в 90 километрах от Петербурга, была своя «ленинградская Хатынь»* (МК в Питере, 03.11.2010).

Перифразы, которые используются для именованя определенных мест: *маленький Париж* – Одесса, *подмосковная Швейцария* – Звенигород, *Северная Венеция* – Петербург, свидетельствуют о приобретении некоторыми топонимами концептуального значения. Наряду с символизацией можно отметить иносказательное, часто ироническое употребление географических имен: *Эверест* – о выдающемся достижении, *Ниагара* – о сильных потоках воды, *финансовая Мекка* – биржа. Географические названия, употребляемые метонимически, сохраняют написание с прописной буквы, например: *Мюнхен* (в значении «соглашение с фашизмом»), *Версаль* (в значении «Версальский мир»), *Седан* (в значении «военный разгром»).

Семантизация культурного компонента значения топонима может происходить и в составе устойчивых выражений. По наблюдениям лингвистов группа фразеологизмов, содержащих географические названия, относительно малочисленна. Они сложились в глубокой древности, и их глубинный смысл, как правило, не до конца ясен и носителям русского языка. Это, например, выражения *язык до Киева доведет*, *открыть Америку*, *отправить в Тьмутаракань*, *содом и гоморра*, *небесный Иерусалим*, *галопом по Европам*, *кричать во всю Ивановскую*¹.

В словаре Даля находим последнее выражение несколько другим: *звонить во всю Ивановскую*. В 1600 году в Московском Кремле была сооружена колокольня Ивана Великого для Успенского, Архангельского и Благовещенского соборов, которые не имели собственных звонниц. Площадь перед колокольней называлась, соответственно, Ивановской. На ней во всеуслышание зачитывались царские указы, отсюда уже появилось и выражение

¹ Употребление в нарицательном смысле подобных имен в форме мн. ч. не требует замены прописной буквы на строчную.

кричать во всю Ивановскую. Со временем фразеологизм стал употребляться расширительно в значении: «изо всех сил, во всю мочь». Уже в «Пословицах русского народа» В.И. Даля приводятся поговорки: *дуй во всю Ивановскую, кутнуть во всю Ивановскую*, а А.П. Чехов напишет: *во всю Ивановскую трачу деньги*. Как видим, названия улиц также включены в процесс семантизации топонимов.

Катись колбаской по Малой Спасской (старое название улицы Карбышева в Петербурге) – поговорка, означающая «иди-ка ты отсюда» (или *гуляй, Вася, скатерью дорожка, иди к чёрту, сматывай удочки*). Она объясняется распространенной среди мальчишек в первой половине XX века привычке бесплатно ездить на сцепке трамвая (*на колбасе*, как говорили в связи с ее трубообразной формой).

Интересной и во многом трагической является судьба слова *Лубянка* – названия площади в центре Москвы. Происхождение его таково: в начале XVII века на месте ее в лубяных¹ шалашах продавали овощи и фрукты. С марта 1918 года на улице Большая Лубянка, находилась Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), созданная в декабре 1917 в Петрограде во главе с Ф.Э. Дзержинским. Лубянская площадь приобрела печальную известность благодаря дому, долгое время бывшему штабквартирой КГБ, – бывшее здание Страхового Общества «Россия», построенное в 1897 – 1898 гг. по проекту академика А.В. Иванова и позже реконструированное по проекту А. Щусева. Позже слово *Лубянка* превратилось в нарицательное, стало символом главного штаба советских, а затем и российских спецслужб. Наричательное *попасть на Лубянку*. Переименованная в площадь Дзержинского, Лубянка вновь возвращается на карту Москвы. Новое поколение москвичей постепенно утрачивает историческую память (*Мало ли площадей в Москве!* – из слов студентки).

30 октября 1990 г., в День памяти жертв политических репрессий Московский фонд «Мемориал» устанавливает на площади памятник жертвам Гулага – *соловецкий камень*, привезённый из Соловков, – еще один топоним, имеющий исторические коннотации. Но на этом история Лубянки не заканчивается. После взрывов на станциях метро «Парк Культуры» и «Лубянка» слово

¹ Лубяной – сделанный из луба, внутренней коры дерева, как правило, липы.

Лубянка начинает ассоциироваться с терроризмом и пополняет печальный список: *Печатники, Беслан, Дубровка, Домодедово...* Этот список пополнился словом *Манежка* после событий, произошедших на Манежной площади. В топониме *Беслан* уже закодирована информация о терроризме и гибели детей. Это слово стало знаковым и используется для обозначения сходных ситуаций. Например, телерепортаж, в котором речь идет об убийстве трехлетнего мальчика в ходе захвата террористами заложников в Камбоджи, назван *Камбоджийский Беслан* (НТВ, 16.06.05). Исторически и эмоционально значимыми являются номинации. Он отсылает нас к трагическим событиям в Беслане 1 сентября 2005 года. *Берлинская стена, Чернобыль, Чечня*. Слово *Чечня* вошло в современный словарь как символ военных действий и связанных с ними трагических событиях: *Как сказал однажды президент России, у нас «кругом Чечня»* (ЛГ, 30-06.05.03).

Камбоджийский Беслан (название телерепортажа, НТВ, 16.06.05). В телерепортаже речь идет об убийстве трехлетнего мальчика в ходе захвата террористами заложников в Камбоджи. Еще не зная содержания репортажа, можно предположить, что речь идет о терроризме и гибели детей, так как *Беслан* отсылает нас к трагическим событиям 1 сентября 2005 года и в данном контексте использован как знак, символ страшной трагедии, связанной с гибелью детей от руки террористов.

Немногочисленны топонимы, имеющие положительные коннотации. Среди них *Бродвей (Broadway)*, одна из главных улиц Нью-Йорка (нарицательное значение – прогулочная улица); *Клондайк* – река на северо-западе Канады, правый приток реки Юкон. В бассейне Клондайка находится одноимённый золото-промышленный район, известный «золотой лихорадкой», вызванной в конце XIX в. открытием месторождений золота (нарицательное значение – источник неисчерпаемого богатства).

Топоним *Тверская* в некоторых текстах символизирует «злачное место». *На Рамбле, местной Тверской, мнутя немногочисленные трансы в кожаных мини-юбках вперемежку с проститутками* (МК, 20.11.02). Рамбла – улица в Барселоне.

Имена собственные часто используются для обобщенного обозначения однородных предметов, становясь нарицательными, при этом прописная буква во многих случаях заменяется строчной. Так, являются нарицательными именами и пишутся всегда со строчной буквы названия животных, предметов, изделий (тка-

ней, напитков и др.), образованные от географических названий, например: *сенбернар* (порода собак), *циндалли* (сорт вина), *боржоми*, *эссендуки*, *нарзан* (названия минеральной воды), *херес*, *мадера*, *бордо*, *абрау-дюрсо*, *кюрасо* (названия вин); *бордо* (цвет вина, произведенного в Бордо), *бостон* (ткань, танец), *болонья* (плащ); *хохлома*, *гжель* (предметы народных промыслов); *гаванна* (сигара), *панама* (шляпа).

То же касается их обобщенного (переносного) употребления: так, со строчной буквы пишутся *содом* (полный беспорядок, хаос), *ходынка* (массовая давка людей в толпе), *камчатка* (задние ряды в зале, в классе), но сохраняют прописную букву в переносных значениях *Мекка*, *Вандея*. Вандея – департамент на западе Франции, у побережья Атлантического океана. В дальнейшем это название стало нарицательным. *Вандея* – слово-символ. Это не просто одна из самых драматичных и кровавых страниц Французской революции. Уже давно отделившись от своего конкретного историко-географического содержания, понятие «Вандея» вошло в современную политическую лексику как синоним контрреволюции низов.

В Толковом словаре русского языка устойчивые словосочетания, включающие прилагательные, производные от топонимов, фиксируются как фразеологические единицы *берлинская лазурь*, *магдебургские полушария*, *магдебургское право*, *африканский загар*, *малиновый звон*, *арктический холод*, *сибирские холода*, *сибирское здоровье*, *африканская жара*, *африканские страсти*, *лондонский туман*, *парижский шик*, *европейский лоск*.

Обратимся к выражениям *берлинская лазурь* и *магдебургские полушария*. Краситель синего цвета с поэтическим названием *берлинская лазурь* появился в Германии около двухсот лет назад. Точных данных о времени и авторе его открытия не сохранилось: об этом не было никаких научных публикаций, сохранялся в тайне и способ получения нового вещества. Полагают, что берлинская лазурь была случайно получена в начале XVIII в. в Берлине красильным мастером Дизбахом (www.krugosvet.ru).

Магдебургские полушария – две плотно прижатые друг к другу металлические полусферы, которые трудно разъединить, если из пространства между ними откачан воздух. *Магдебургские полушария* сделаны в г. Магдебург (отсюда название) в 1654 О. Герике, который при их помощи наглядно продемонстрировал существование атмосферного давления.

В последние годы в нашей публицистике очень активно употребляется фразеологизм *гамбургский счет*, по *гамбургскому счету*: по строгому счету, не допускающему никаких подтасовок. Выражение обязано своим распространением в русском языке рассказу В. Шкловского «Гамбургский счет» (1928). Когда-то, раз в год или реже, бойцы из разных стран собирались в Гамбурге и боролись по-настоящему, по-честному, чтобы для себя выяснить, кто чего стоит. Отсюда и пошло – по *гамбургскому счету*.

Топонимы выступают как исходная база метонимии, например «местность – жители местности»: *кавказец*, *сибиряк*, *яснопольянец* и т.п.; «страна – правительство или народ страны»: *Отказ Ирана от своих амбиций поставит сложные проблемы перед Вашингтоном* (из газет); столица государства – правительство или государство (ср. употребление слова *Вашингтон* в предыдущем примере); место – явление, восходящее к этому месту: *Бостон* (карточная игра, танец, ткань), *техасы* (брюки), *амур* (рыба); ограничивающий понятие элемент – понятие в целом: *сдать Грецию*, *Рим* (экзамены по истории Греции, Рима); лицо, место, дата – период времени или событие: *дух Хельсинки* (дух решений Совещания в Хельсинки), *чемпион Монреаля* (олимпийских игр в Монреале), *день Бородина* (Бородинского сражения). Топоним *Бородино* отсылает к историческим событиям во время войны 1812 г., к победе русских войск над французскими близ деревни Бородино. Таким образом, в современном контексте *Бородино* может обозначать всякую победу вообще. *Это было настоящее Бородино!* (Новая газета, 04.11.02). *Бородино* в этом тексте означает реакцию участника местной футбольной команды на победу в матче между школами.

Преобразования в области формы не всегда рожают семантические процессы, ср.: *Каспийское море – Каспий*, *Ленинская библиотека – Ленинка* и др. Не возникает здесь и образности, так как отсутствует момент сопряжения двух понятий, поиска точек их соприкосновения.

Предметом отдельного исследования могли бы стать топонимы, связанные с ощущениями разных модальностей, например: *Сахара*, *Африка* (жара), *Северный полюс* (холод).

Особую группу топонимов представляют слова, являющиеся названиями сортов, марок, типов изделий: «*Волга*», «*Жигули*», «*Ока*» (марки автомобилей); «*Саратов*» (холодильник). Названия этого типа семантически не связаны со своими денотатами, они

лишь отсылают к ним, и это составляет основу символичности, которая преобразуется в чистую условность.

Интересные результаты может дать когнитивный подход к изучению топонимов. Характерно, что не все географические названия в равной степени подвержены концептуализации: «Для носителей русского языка Америка несомненно концепт, ибо это не столько название страны (кстати, ни одна из стран не называется так) и тем более не столько название одного из континентов (какового названия ведь тоже нет), а в первую голову "культурно-ментально-языковое" образование, символизирующее процветание, империю зла, богатство, передовые технологии, врага №1, предел мечтаний русского обывателя, самую справедливую страну мира...» [Грузберг 2002: 61]. Название страны может восприниматься, например, как символ высокого социально-экономического статуса, престижа. В этом случае мы имеем дело с определенным стереотипом: *Заметьте, их [депутатов] дети при этом не гниют в окопах, а благополучно учатся в **англиях**, **швейцариях**, **америках**...* (из письма читательницы как реакция на трагедию «Норд-Оста», «Известия», 4.11.02.). Написание слов со строчной буквы и употребление в форме множественного числа в данном случае указывает на то, что слова приобрели нарицательное значение. Как тут не вспомнить гоголевского героя, оказавшегося среди петербургской роскоши: *Копейкин мой встал кое-как с своей деревяшкой в приемную, прижался там в уголку себе, чтобы не толкнуть локтем, можете себе представить какую-нибудь **Америку** или **Индию** – раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу эдакую. <...> Понатолкался было нанять квартиру, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете ковры – **Персия**, судьба моя, такая... словом, относительно так сказать, ногой попираешь капиталы* (Н.В.Гоголь. «Мертвые души»).

Географическая карта – неисчерпаемый материал для исследователя русского языка. Нам не дано предугадать, какие точки на карте мира будут источником новых значений слов: недавние события в Тунисе уже стали причиной появления слова *тунисизация*, Египет будоражит мир акулами Шарм-эль-Шейха и бессонными ночами Каира. Кто следующий?

Литература

- Брагина А.А. От номенклатурного знака к названию предмета // Русский язык в школе. 1970, №6.
- Гоголь Н.В. Собрание сочинений. М, 1978, том 5.
- Голев Н.Д. Мотивационные типы ономастических образований в художественной литературе и публицистике // Номинация в ономастике //Сб.статей / Под ред. М.Э. Рут. Свердловск, 1991.
- Грузберг Л.А. Концепт, или Почему Америка – концепт, а Финляндия – нет? // Филолог. 2002, № 1.
- Мильчин А.Э. , Чельцова Л.К. Справочник издателя и автора. Редакционно-издательское оформление издания. М., 2003.
- Плавинская Н. Ю. Исторический лексикон. XVIII век. М, 1996.
- Успенский Б.А. Европа как метафора и как метонимия (применительно к истории России) // Вопросы философии, 2004, №6.

ГЛАГОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И МНОГОЗНАЧНОСТЬ ГЛАГОЛА¹

При изучении употребления русских падежных форм у иностранных студентов среди прочих проблем часто возникают следующие:

1) запоминание случаев, когда управление существительного не совпадает с управлением однокоренного глагола: *любить родину – любовь к родине, страшиться будущего – страх перед будущим* и т.п.;

2) различение вариантов управления после существительного и/или глагола, например: *бежать между деревьев – между деревьями; спросить брата – спросить у брата, отзыв о диссертации – отзыв на диссертацию, запрос о состоянии склада – запрос по состоянию склада* и т.п.

Возможность выбора смущает иностранцев: им хочется иметь чёткие правила разграничения предложно-падежных форм тогда, когда они не равнозначны, либо уверенность в том, что в русской речи действительно безразлично, какую из форм употребить (в том случае, если конкурирующие формы полностью взаимозаменяемы). Наша статья посвящена анализу (предложно-)падежных форм существительных, выступающих после глагола *наблюдать* и отглагольного существительного *наблюдение*.

В современном русском языке встречаются следующие модели управления у рассматриваемых существительного и глагола.

1. *Наблюдать*

1.1. *Наблюдать* + Вин. пад.²: *Мне интересно наблюдать жизнь — любопытно, как она устроена; Незавидна участь тех, кто выбирает экспертов по экспертизе и, наблюдая разногласицу мнений, бывает принужден определяться самостоятельно; Родители в этот период ежедневно наблюдают изменения, происходящие с малышом и ра-*

¹ Эта статья выполнена в рамках исследовательского проекта № 4605003/1/9 «Актуальные проблемы изучения и преподавания русского падежа», осуществляемого при финансовой поддержке Исследовательского Бюро Тегеранского университета.

² Примеры из НКРЯ.

достно отмечают его достижения; В итоге у дверей бутика можно было **наблюдать картину**, свидетелем которой удаётся стать далеко не каждый день.

1.2. **Наблюдать + за + Твор. пад.** Несмотря на дважды принимавшийся дождь, люди не расходились, а с интересом **наблюдали за развитием действия** на экране; Понять всё это можно только, **наблюдая за жизнью** ребёнка очень пристально и участвуя в этой жизни; Учёные, **наблюдающие за повседневной жизнью** морских коньков, не могут на них удивиться; Постепенно расширялась компетенция прокурора Верховного суда СССР, который получил право **наблюдать за законностью постановлений** наркоматов и иных центральных учреждений СССР.

1.3. **Наблюдать + над + Твор. пад.** По данным НКРЯ, данная модель управления отмечается только в текстах XIX века: Татары, как видно, не доверяли Александру и находили нужным особенно **наблюдать над Тверью** (Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. 1862-1875 гг.). В современном русском языке такая модель управления довольно редка. В Интернете с помощью Яндекса нам удалось обнаружить следующие примеры: В правительстве, наконец, определили, кто будет **наблюдать над процессом превращения** нынешнего МПС в АО «Российские железные дороги». www.gazeta.ru; Забавно **наблюдать над реакциями соседей и прохожих!** А как вы издеваетесь над соседями? forum.theprodigy.ru; В тюрьме есть время **наблюдать над самим собой**. Я обнаружил, что я куда более высокоразвитое существо, чем я о себе думал, когда жил на свободе. okasler.tk; Косово, превратившись в некое подобие Вавилона, дало еще одну возможность – **наблюдать над представителями определенных наций** и... отказываться от стереотипов. www.srpska.ru.

2. Наблюдение (-я)

2.1 **Наблюдение + Род. пад.:** **Наблюдение НЛО над Америкой.** Еще одно наблюдение необычного и гигантского НЛО (одного или нескольких) произошло вечером 13 марта 1997 года над городом Феникс, столицей штата Аризона, в США tainy.net; **Наблюдение основного массива** – статистическое несплошное наблюдение, предполагающее исключение из со-

става совокупности малозначащих единиц и исследование основной ее части. Глоссарий.ру.

2.2. **Наблюдение** + **за** + Твор. пад.: Экологический контроль ставит своими задачами: **наблюдение за состоянием окружающей среды** www.eclife.ru; Биологический мониторинг – экологический мониторинг, основанный на **наблюдении за реакцией** живых организмов на загрязнение окружающей среды.

2.3. **Наблюдение** + **над** + Твор. пад.: Интегрированный урок чтения во 2-м классе по теме: "Наблюдение над характеристиками героев, над языком сказки "Винни-Пух" festival.1september.ru; Само собой понятно, что в начальной школе, особенно с учениками, приходящими из разных деревень, трудно проводить четырёх- или трёхкратное **наблюдение над температурой**. antonioracter.narod.ru

О том, что проблема выбора управляемой формы здесь существует, но не всегда осознается даже авторами практических пособий и стилистических рекомендаций, свидетельствует следующая цитата из справочника по русскому языку, размещенного на сайте издательства «Лицей» <http://www.licey.net> (авторы Балашова Л.В., Дементьев В.В.): «При глаголах зрительного восприятия объект обычно выражается формой винительного падежа с предлогом *на* (*смотреть на картину*). Под влиянием этой конструкции в речи частотны ошибки типа: *любоваться на море* вместо нормативного – *любоваться морем*. Обратите внимание на управление следующих глаголов: *наблюдать за кем-либо; приглядеться к кому-либо, чему-либо*. **Аналогичное явление можно наблюдать** [жирный шрифт наш – Х.З.] при использовании слова *анфас* (лицом к говорящему). Под влиянием конструкции *сфотографировать в профиль* распространённой ошибкой становится использование предлога *в* и при слове *анфас* в подобных сочетаниях. Нормативной конструкцией будет следующая: *сфотографировать анфас*». Парадоксально, но, только что обратив внимание на нормативность конструкции *наблюдать за кем-либо*, автор справочника тут же сам использует глагол *наблюдать* в беспредложной конструкции с винительным падежом: *наблюдать аналогичное явление*.

О нестабильности предложной формы после глагола **наблюдать** и существительного **наблюдение** свидетельствуют и следующие тексты Интернет-новостей. В первом – в заглавии – одна

форма (после глагола), а в первом же предложении – другая (после существительного):

РОССИЯ БУДЕТ НАБЛЮДАТЬ НАД АРКТИКОЙ ИЗ КОСМОСА. *О новой космической системе наблюдений за Арктикой сообщил заместитель генерального конструктора НПО им. С.А. Лавочкина Владимир Ефанов, выступая на 32-х Академических чтениях по космонавтике; Эту систему специалисты планируют создать вместе с Росгидрометом к 2010 году; В ее задачи входит постоянное метеорологическое наблюдение за арктической полярной областью и разведка полезных ископаемых.*

Возможно, использование конструкции **Над + Твор. пад.** в заголовке данной новости обусловлено желанием журналиста подчеркнуть, что наблюдение будет вестись в буквальном смысле слова сверху – из космоса.

Во втором тексте существительное *наблюдение* употреблено автором в последовательных предложениях (заголовок и первое и второе предложение текста) с разными предлогами: **В 2010 ГОДУ СТАРТУЕТ КОНТРОЛЬ И НАБЛЮДЕНИЕ НАД ДИНАМИКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ.** *В 2010 году в Китае начнется осуществление всестороннего контроля и наблюдения за динамикой безработицы. Путем наблюдения за увеличением и снижением рабочих мест на отдельных городских предприятиях можно будет, в конечном счете, разработать своевременный доклад по безработице в провинциях, районах, городах и во всем Китае.* <http://russian.people.com.cn>

Особенно знаменательно то, что управляемый компонент в заголовке и в первом предложении текста один и тот же: *наблюдение над динамикой безработицы, наблюдения за динамикой безработицы.*

Значит ли это, что в современном русском языке разные модели управления глагола *наблюдать* и существительного *наблюдение* взаимозаменяемы? В том, что это не так, сразу же убедится иностранец, который попробует во всех случаях, когда ему требуется употребить в речи данный глагол или существительное, использовать только одну модель управления. Как же выработать практическое правило?

В Академической грамматике глагол **наблюдать** рассматривается в параграфе, посвященном вариативному беспредложно-предложному управлению: «Вин. п. – тв. п. с предлогом *за*: *наблюдать кого-н. и за кем-н. (незнакомца и за незнакомцем;*

вин. п. – с оттенком устарелости; но только: *врач наблюдает больного*)» [Грамматика 1980; § 1768]. Данная формулировка не только не дает никаких практических сведений по выбору формы после данного глагола, но и включает неверную стилистическую помету. Для того чтобы проверить, связана ли вариативность управления с семантическими особенностями глагола *наблюдать*, обратимся к словарям. В разных словарях ЛСВ глагола *наблюдать* по-разному соотносятся с моделями управления. Так, в словаре Д.Н. Ушакова читаем:

НАБЛЮДАТЬ, *а́у, а́ешь*, несов. 1. с союзом "что" или "как" и кого-что. Внимательно следить глазами за кем-чем-н. *С интересом наблюдал, как играют дети. Меня наблюдал человек за деревом.* Пришвин. 2. кого-что. Внимательно следя за кем-чем-н., изучать, исследовать (книжн.). *Н. затмение солнца. Н. ход событий. Врач наблюдает больного.* 3. кого-что и с союзами "что", "как". Встречаясь с каким-н. явлением, замечать, воспринимать. *Ты знаешь, что я, в самые великолепные мгновения человеческой жизни, не в состоянии перестать наблюдать.* Тургенев. 4. за кем-чем. Иметь надзор за кем-чем-н., охранять кого-что-н. *Н. за порядком. Н. за ребенком. Милиционер наблюдает за уличным движением.* || Следить за чьими-н. действиями, выслеживать кого-что-н. *За Пушкиным, сосланным в с. Михайловское, наблюдал местный священник. Она вчера как-то особенно за мной наблюдала.* Тургенев. 5. кого-что. Ухаживать за кем-чем-н., заботиться о ком-чем-н. (простореч.). *Наблюдал свою лошадку, добывал оброк.* Некрасов. 6. что. Соблюдать, придерживаться чего-н. в чем-н. (устар.). *В своей одежде он всегда наблюдал самую последнюю моду.* Пушкин.

В Малом академическом словаре под ред. А.П. Евгеньевой система значений глагола *наблюдать* выстраивается следующим образом: **1. перех.** и за кем-чем. Внимательно следить глазами за кем-, чем-л. [*Елена*] знала, что за ней будет наблюдать Шубин. Она не ошиблась: Шубин не спускал с нее глаз. Тургенев, Накануне; *Князь Андрей, не вступая в разговор, наблюдал все движения Сперанского.* Л. Толстой, *Война и мир*; [*Валька*] стоял у штурвала – и наблюдал, каким образом повинуется воле человека корабль. Первенцев, *Валька с торпедной «девятки».* **2. перех.** и без доп. Видеть, замечать, встречать. *Нравился ему снег, бледные фонарные огни – и особенно этот прозрачный, нежный, наивный, точно девственный тон, какой в природе можно наблю-*

дать только два раза в году. Чехов, Припадок; Мне самой несколько раз пришлось наблюдать страшную картину опустошительного действия огня. Сушкина, Там, где шумит океан и царит вечное лето. **3. перех.** Внимательно следя за кем-, чем-л., изучать, исследовать. *Наблюдать жизнь животных.* – Нам, природоведам, интересно наблюдать разнообразнейшие формы борьбы за жизнь в природе. Соколов-Микитов, Ленкорань. **4. за кем-чем и (устар.) над кем-чем.** Осуществлять надзор за кем-чем-л., следить за выполнением, соблюдением чего-л., заботиться о ком-, чем-л. *Наблюдать за порядком.* [Отец] бóльшую часть дня должен был проводить на мельнице, наблюдая над разными работами. С. Аксаков, Воспоминания; [Аркадина:] *Наблюдай за сыном. Береги его.* Чехов, Чайка. **5. перех. устар.** Соблюдать что-л., придерживаться чего-л. в чем-л. *У себя принимала она весь город, наблюдая строгий этикет.* Пушкин, Пиковая дама; [Меркулов] известен за солдата серьезного и обстоятельного: в одежде наблюдает опрятность. Куприн, Ночная смена.

Различия бросаются в глаза уже в первом значении, которое формулируется обоими словарями как ‘внимательно следить глазами за кем-чем-н.’. Если словарь Ушакова указывает, что в данном значении реализуется управление «с союзом "что" или "как" и кого-что», то в МАСе стоит грамматическая помета «перех. и за кем-чем». Управление с предлогом **над** в словаре Ушакова не отмечено, в МАСе отмечено как устаревшее, что противоречит современному употреблению. Есть и другие несоответствия. Таким образом, словари тоже не дают полных практически применимых рекомендаций для использования глагола *наблюдать* в речи.

Изучение большого количества контекстов позволило нам в учебной книге для персоговорящих студентов продвинутого уровня сформулировать правила употребления глагола *наблюдать* с разными (предложно-)падежными формами, двигаясь не от ЛСВ к модели управления, а противоположным путем – разграничивая значения, выражаемые в разных моделях управления. Следующее правило позволяет студентам выполнять все необходимые упражнения. «Конструкции *наблюдать за кем-либо, кем-либо, вести наблюдение за кем-либо, кем-либо* и *наблюдать что-либо, кого-либо* почти синонимичны. Однако у них есть небольшой различающий их оттенок значения. *Наблюдать за кем-либо, кем-либо* и *вести наблюдение за кем-либо, кем-либо* = ‘следить, пристально рассматривать, изучать’: *Телескоп служит*

для того, чтобы **наблюдать/вести наблюдения за небом**; Нескольким полицейским было поручено **наблюдать/вести наблюдение за домом**, где скрывался предполагаемый убийца. Различие между этими двумя конструкциями – стилистическое: **вести наблюдение за чем-либо, кем-либо** используется в книжном стиле, как это мы видели в двух приведенных примерах, но не в повседневной разговорной речи. Можно сказать: *Кошка забралась на подоконник и внимательно наблюдала за собакой*, но нельзя: **Кошка забралась на подоконник и вела наблюдение за собакой*. Конструкция **наблюдать что-либо, кого-либо** обозначает ‘видеть, заметить, зарегистрировать, отметить’: *Солнечное затмение можно будет наблюдать на всей территории России*; *Я наблюдаю существенный прогресс в ваших знаниях* = Я замечаю, отмечаю большой прогресс в ваших знаниях. Ср. с предложением *Этот научный руководитель вообще не наблюдает за прогрессом своих студентов* = Он не следит за прогрессом своих студентов, не обращает на него внимания». Конструкция **наблюдать над чем-либо, кем-либо** используется носителями русского языка как синонимичная конструкции **наблюдать за чем-либо, кем-либо**, но имеет более ограниченное употребление. Иностранцам пользоваться ей необязательно.

Таким образом, нам удалось совместить семантическую, грамматическую и стилистическую информацию в едином дидактическом пространстве.

Что касается конструкций с глаголом *контролировать* и существительным *контроль*, с которыми *наблюдать* и *наблюдение* соседствуют как парадигматически (в системе языка), так и синтагматически (в текстах), их мы рассматриваем как синонимичные, взаимозаменяемые: *контролировать кого-что, держать под контролем кого-что, осуществлять контроль чего, за кем-чем, над кем-чем*. Здесь разные модели управления не связаны с оттенками значения. Например: *Ректорат контролирует проведение вступительных экзаменов на всех факультетах университета* = *Ректорат держит под контролем проведение вступительных экзаменов на всех факультетах университета* = *Ректорат осуществляет контроль за / над проведением / контроль проведения вступительных экзаменов на всех факультетах университета*; *Контроль за / над окружающей средой / контроль окружающей среды* – сопоставление полученных данных о состоянии окружающей среды с установленными крите-

риями и нормами техногенного воздействия или фоновыми параметрами с целью оценки их соответствия [Глоссарий ру].

Если *наблюдать*, *наблюдение*, *контролировать*, *контроль* – это слова, давно существующие в русском языке, то существительное *мониторинг* – заимствование достаточно новое. И оно демонстрирует беспредложно-предложную вариативность управления: *Авиационный мониторинг – мониторинг окружающей среды из пределов тропосферы, осуществляемый с самолетов, вертолетов и других летательных аппаратов, не поднимающихся на космические высоты; Дистанционный мониторинг – авиационный или космический мониторинг, а также мониторинг за средой с помощью приборов, установленных в труднодоступных местах Земли, показания которых передаются в центры наблюдения с помощью методов дальней передачи информации: по радио, проводам, через спутники и т.п.* [Глоссарий ру]. Про вариативность модели управления *мониторинг* чего или за чем можно сказать, во-первых, то, что эта вариативность не связана с оттенками значения (то есть перед нами случай, аналогичный *контролировать*, а не *наблюдать*), во-вторых, что чаще встречается сочетаемость с родительным беспредложным, которую и следует, очевидно, признать нормативной. Управление формой *за + Твор. пад.* есть результат аналогии с моделью управления глагола *следить* и существительного *слежение*, которое, как показывают данные специальных словарей, наряду с существительным *наблюдение*, часто используется для толкования слова *мониторинг*: *Базовый мониторинг – слежение за общебиосферными явлениями без наложения на них региональных антропогенных влияний; Глобальный мониторинг – слежение за общемировыми процессами и явлениями в биосфере Земли и ее экосфере, включая все их экологические компоненты и предупреждение о возникающих экстремальных ситуациях* [Глоссарий.ру].

Помимо аналогических тенденций развитие подобной вариативности управления связано с возможностью разного языкового осмысления объекта действия, названного глаголом и признаковым существительным. Рассмотренная группа глаголов является одним из примеров разного соотношения семантики глагола с вариативностью управления. Аналогичного изучения заслуживают глагол *экспериментировать* (*с + Твор. пад., над + Твор. пад.*), существительное *запрос* (*Род. пад, о + Предл. пад., по + Дат. пад.*) и ряд других единиц.

Литература

Захраи С.Х., Сидорова М.Ю. Русский падеж: правила и употребление. Тегеран, 2011 (в печати).

Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981 – 1984. <http://dic.academic.ru>

Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935-1940. <http://ushakovdictionary.ru>

ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МАЛЕНЬКИХ НАБЛЮДЕНИЙ

(ЭТО, ЭТОТ)

1. Употребление указательных местоимений ЭТО или ЭТОТ (ЭТА, ЭТО, ЭТИ), на первый взгляд, не таит в себе никаких «подводных камней»: ЭТО указывает на сам предмет или лицо, а ЭТОТ на признак предмета или лица. Сравните: *ЭТО станция «Пушкинская» – ЭТА станция – «Пушкинская»; ЭТО наш директор – ЭТОТ человек – наш директор.*

Однако, если мы обратим внимание на соотношение данных местоимений в вопросах и ответах, мы обнаружим странную закономерность: при некоторых вопросительных словах выступает только ЭТО, а при других только ЭТОТ. Например: *Какая ЭТО станция?, Какой ЭТО город?, Какие ЭТО журналы?, Чей ЭТО словарь?, Чья ЭТО собака? Чьи ЭТО слова? и т.п.*

Причем, в ответе возможны два варианта – с ЭТО и с ЭТОТ: *ЭТО станция «Пушкинская» / ЭТА станция – «Пушкинская»; ЭТО слова Пушкина/ ЭТИ слова – Пушкина; ЭТО словарь Нины/ ЭТОТ словарь – Нины.* Вариант с ЭТО интонационно более нейтрален.

При других вопросительных словах, когда речь идет о признаке предмета в самом широком смысле слова, мы наблюдаем совсем другую закономерность: в вопросе только ЭТОТ, а в ответе – два варианта. Например: *Кому ЭТОТ памятник? – ЭТО памятник Пушкину / ЭТОТ памятник – Пушкину; Кому ЭТА посылка? – ЭТО посылка Нине/ ЭТА посылка Нине; О чем ЭТА книга? – ЭТО книга – о войне / ЭТА книга – о войне; Для чего ЭТА ручка? – ЭТО тормоз/ ЭТА ручка – тормоз; С чем ЭТИ пирожки? – ЭТО пирожки с мясом/ ЭТИ пирожки – с мясом и т.п.*

И только при вопросительных словах ГДЕ? КОГДА? КАК? – полная «симметрия» вопроса и ответа: *ГДЕ ЭТОТ памятник? – ЭТОТ памятник на Тверской; КОГДА ЭТОТ праздник? – ЭТОТ праздник в сентябре; КАК называется ЭТОТ город? – ЭТОТ город называется Тверь.*

Возможно, такое различие в употреблении ЭТО и ЭТОТ при разных вопросительных словах свойственно именно русскому языку. Сравните с английским: *Какая ЭТО улица? – Which street*

is THIS?; Чей ЭТО словарь? – Whose is THIS dictionary?; Где ЭТОТ словарь? – Where is THIS dictionary?. А в ответах, как и в русском, может быть два варианта: *THIS is Tverskaya* или *IT is Tverskaya*.

2. Особняком стоят вопросы типа *Что ЭТО ЗА памятник?, Что ЭТО ЗА человек?* Здесь вопросительное слово ЧТО синонимично определительному КАКОЙ, и поэтому в вопросе закономерно употребляется ЭТО, а не ЭТОТ. Роль ЗА в данном случае определить трудно. Такой тип вопросов выступает преимущественно в разговорной речи, иногда достаточно нейтрально, иногда при выражении недовольства, отрицательной оценки. Сравните: *Что ЭТО за башня?, Что ЭТО за деревня?, Что ЭТО за музей?, Что ЭТО за животное?, Что ЭТО за тон? Что ЭТО за ответ?, Что ЭТО за дела такие?* и т.п.

3. В разговорной речи местоимение ЭТО может выступить в такой позиции, когда вообще трудно определить его синтаксическую роль, однако явно ощутима особая эмоциональная окраска всего высказывания – чаще всего негативная, пренебрежительная оценка чего-либо. Например: *Кому ЭТО он звонит?, Кого ЭТО он привел?, Что ЭТО он притащил?, Что ЭТО он задумал?, Что ЭТО он болтает?*

4. Местоимение ЭТО может выступить в ответе, как бы «вмещающая в себя» всю ситуацию, о которой шла речь в вопросе. Например: *Что ЭТО зазвенело? – ЭТО стакан разбился?; Что случилось? – ЭТО машины столкнулись; Кто там? – ЭТО Коля пришел; Что ЭТО за шум? – ЭТО у Коли вечеринка.*

Итак, функционирование морфологических единиц в живой речи может оказаться значительно сложнее того, что «вытекает» из их семантических характеристик – в отрыве от реальных высказываний. Особенности употребления местоимений ЭТО и ЭТОТ проявляются в достаточно частотных коммуникативных позициях, и с ними придется познакомиться тех, кто изучает русский язык как иностранный.

СВОЙ среди СВОИХ.

1. Говоря об употреблении местоимения СВОЙ, мы все время должны учитывать три разных фактора:

1) семантику самого этого местоимения, его притяжательность, его синонимичность с местоимениями *мой, твой, наш, ваш, его, её, их;*

2) синтаксическую позицию «хозяина» – это должно быть существительное или местоимение в именительном падеже, то есть подлежащее;

3) отнесенность к первому, второму или третьему грамматическому лицу: употребление СВОЙ вместо *мой, твой, наш, ваш* возможно, а вместо *его, её, их* – обязательно.

Это «триединство» необходимых условий объясняет невозможность употребления СВОЙ там, где его очень хочется употребить благодаря его яркой притяжательности. Например, можно сказать: *Я люблю СВОЙ дом*, но нельзя сказать *Мне нравится СВОЙ дом*; *Он не любит СВОЮ собаку*, но *Ему надоела ЕГО собака*; *Он удивлен решением СВОЕГО отца*, но *Его удивило решение ЕГО отца*; *Князь был убит СВОИМИ слугами*, но *Князя убили ЕГО слуги*; *Она не была понята СВОИМИ детьми*, но *Её не поняли ЕЁ дети* и т.п.

Однако вопреки указанному «триединству» условий СВОЙ можно употребить в предложениях типа: *У него есть СВОЯ комната*, *У них есть СВОИ проблемы*, *У него СВОИ планы*, и т.п. «Хозяин» – не в именительном падеже, в именительном падеже то, что ему «принадлежит»!

В чем причина этого парадокса? Но одинаково ли значение СВОЙ в предложениях: *Он любит СВОЙ дом* и *У него есть СВОЙ дом*; *Он высказал СВОЕ мнение* и *У него есть СВОЁ мнение*? Думается, что в предложениях с «у кого» кроме простой притяжательности СВОЙ имеет дополнительное значение – «собственный», «отличный от других». Чтобы выразить это значение с помощью других притяжательных местоимений, нужно выделить их интонационно: *Мы любим НАШ дом* (а не этот), *Я высказала МОЁ мнение*, *Это не НАШ выбор* (нас заставили).

Такое СВОЙ может выступить в любой синтаксической позиции: *СВОЯ ноша не тянет*, *СВОЯ рубашка ближе к телу*, *От СВОЕЙ судьбы не уйдешь*, *СВОИ дети дороже*, *На СВОИХ двоих туда не дойти*.

2. Есть еще один случай употребления СВОЙ, в котором не действует закон «триединства». Например: *Кто там? – СВОИ*; *СВОИ люди – сочтемся*; *СВОЙ свяка видит издалека*, *СВОЙ среди чужих*, *чужой среди СВОИХ*; *Нужно было бежать к СВОИМ*; *Он предал СВОИХ*, *У него были везде СВОИ люди* и т.п. Здесь СВОЙ имеет вообще не притяжательное значение, а значение «близкий», «знакомый», «не чужой».

3. Частным случаем употребления СВОЙ могут служить императивные конструкции, в которых «хозяин» не назван, но подразумевается: *Возьмите СВОИ вещи; Пригласите СВОИХ друзей; Позвоните СВОИМ родителям; Возьмите СВОИ слова обратно* и т.п.

4. Особый случай – конструкции с модальными словами, где «хозяин» в дательном падеже (!) или вообще не назван, так как это «всякий», «любой». Например: *Ему придется ответить за СВОИ слова; Вам надо знать СВОЙ язык; Ему лучше взять СВОЙ словарь; Ей удалось сдать все СВОИ экзамены досрочно; Мне нужно позвонить СВОИМ друзьям; Ему удалось доказать СВОЮ правоту; Надо знать СВОЁ место; Нужно любить СВОЮ страну, СВОЙ народ; О СВОИХ недостатках лучше молчать, СВОИХ учеников нужно защищать.*

5. При обучении иностранцев русскому языку можно столкнуться и с рядом случаев, когда мы вообще не употребляем притяжательное местоимение (в том числе СВОЙ)¹, – в отличие, например, от английского языка.

Например: *Он положил голову на руки и заснул – He put HIS hands and went to sleep; Она забыла зонтик – She forgot HER umbrella; Я взял тетрадь и стал записывать – I took MY book and began to write; Я потерял словарь – I lost MY dictionary; Он надел шляпу и ушел – He put HIS hat and left; Мне надо позвонить брату – I need to phone MY brother.*

Итак, наблюдения показывают, что в употреблении самых простых русских слов могут скрываться трудности, которые русский говорящий просто не замечает.

ОСТРОЖНО: ИСКЛЮЧЕНИЯ!

1) В языке немало явлений, которые представляются нам логически необоснованными с точки зрения существующих систем, в которых определённое содержание находит отражение в определенной форме. Эти явления представляются нам случайными сбоями в системе. Например, почему адресат речи, который мы обычно называем существительным или местоимением в дательном падеже, при некоторых «глаголах речи» оказывается в винительном («говорить кому? рассказывать кому?», но «спрашивать кого?, поздравлять кого?, ругать кого?, позвать кого?» и т.п.) Или

¹ В каком именно случаях – вопрос малоизученный.

почему, задавая вопрос, мы говорим «Какая это станция?», «Какой это город?», «Какая это книга?», «Чей это словарь?», «Чьи это вещи?», хотя при других вопросительных словах мы употребляем местоимение «этот», а не «это»: «О чём эта книга?», «Кому этот памятник?», «Для чего эта кнопка?», «Где этот город?», «Когда этот праздник?» и т.п.

Почему, объясняя употребление местоимения «свой», мы указываем, что «хозяин» обязательно должен быть назван существительным или местоимением в именительном падеже (поэтому «Я люблю свой город», но «Мне нравится мой город»), а потом обнаруживаем случаи типа «Мне нужно позвонить своим друзьям», «Ей придется заботиться о своих родителях», «Вам лучше остановиться у своих знакомых», «Нужно любить свою страну, свой народ» и т.п.

Эти модальные конструкции придется рассматривать в качестве исключений. При обучении иностранцев русскому языку учёт исключений особенно важен, т.к. речь идет не только о строгости правил и классификаций, но о самой возможности построения языковой единицы по модели или о необходимости её простого заучивания.

2) Исключения обычно представляются случайностью, пока не обнаружены и не поняты «истоки» данного явления. Что же лежит в основе появления исключений? Если мы это понимаем, исключение перестает быть для нас случайностью.

Например, с древности в русском языке существует форма предложного падежа на – У: «на берегу», «на лугу», «на полу», «на мосту», «в лесу», «в дыму» и т.д. Это особое окончание, не поддержанное особым значением, не стало продуктивным: эта «веточка» развития системы оказалась тупиковой. Однако со временем не произошло и «подравнивания» к системе, и не появилось «в лесе», «на береге» и т.п. Этот «обломок» несложившейся системы просто стал исключением.

В противоположность этому, формы родительного падежа типа «стакан чаю», «ложка сахара», «бочка мёду», «со страху» постепенно умирают: их заменяет системная форма на – А: «стакан чая», «бочка меда», «со страха». Так же «умирает» родительный падеж после переходных глаголов при отрицании: его активно вытесняет винительный, из-за явной синтаксической пустоты родительного. И теперь в качестве исключения мы выделяем случаи обязательности родительного. Например, при наличии «уси-

ленного» отрицания (Сравните: «Он не получал эту телеграмму/этой телеграммы», но «Он не получал никакой/ ни одной телеграммы»).

Исключением может стать не только «осколок» прошлого, но и «росток» нового – как следствие развития системы. Например, приходится заучивать наизусть формы множественного числа на –А/ –Я для существительных мужского рода: «города», «дома», «доктора», «профессора», «якоря» и т.д. Но этот список исключений держится только на стремлении учёных-лингвистов «держаться и не пушать», так как реально это живой процесс, и каждодневно появляются «слесаря», «тренера», «крема» и т.д. Мы упорно сохраняем форму «звонИт», хотя спокойно произносим «грУзит» (а было ведь «грузИт»!). Этот процесс перехода ударения вперед у определенных глаголов еще в XIX веке описал Я. Грот¹.

Таким образом, исключения рождаются в результате остановки развития или, напротив, как следствие еще не закончившегося развития.

3) Что же лежит в основе появления новой системы? Это может быть формирование новой особой системы, – внутри более широкой по значению. Например, объясняя употребление предлогов «в» и «на», мы обычно в качестве исключения рассматриваем предложно-падежные сочетания типа «на собрании», «на митинге», «на демонстрации», «на конгрессе», «на съезде», «на приеме» и т.д.², в которых употребление предлога «на» не мотивировано нахождением на поверхности. Предлог «на» здесь не противопоставлен локальному предлогу «в».

В этих случаях локальность вообще условна: она «поддерживается только возможным вопросом «Где это было/ будет?»». Характерно, что к подобным формам может быть поставлен и

¹ Труды Я.К. Грота. Филологические изыскания (1852-1892), Т.2. Спб, 1899, С.263-272.

² Это достаточно большая группа: «на уроке», «на лекции», «на консультации», «на занятии», «на дискуссии», «на суде», «на матче», «на соревновании», «на спектакле», «на балете», «на представлении», «на танцах», «на вечеринке», «на празднике», «на олимпиаде», «на встрече», «на свидании», «на сходке», «на летучке», «на обеде», «на банкете», «на фестивале», «на репетиции», «на параде», «на собеседовании», «на репетиции», «на параде», «на собеседовании», «на зачете», «на экзамене», «на тренировке», «на работе», «на практике», «на войне», «на фронте», «на стройке», «на похоронах», «на прогулке», «на охоте», «на рыбалке», «на сенокосе», «на свадьбе», «на дуэли», «на экскурсии», «на именинах» и т.д.

вопрос «Когда это было/ будет?», что невозможно по отношению к чисто локальным формам. По существу, речь идет не о месте, а о собрании людей – с самыми разными целями. Это не исключения, не случайность: это появление особой системы (с особой семантикой), в которой, однако, используется форма, омонимичная локальной. И эта система развивается (обратите внимание: «на саммите», «на презентации», «на дискотеке», «на тусовке»). По отношению к этой системе исключением будут формы «в бою», «в путешествии», «в походе», «в командировке», и под.

Появление новой системы может привести к образованию вообще другого грамматического разряда. Это произошло, например, со страдательными причастиями настоящего времени, образованными от глаголов несовершенного вида.

Среди этих причастий (их образование, кстати, не очень продуктивно) есть и такие, в семантике которых явно ощутим модальный элемент – значение невозможности осуществления какого либо действия. Например: «незабываемый», «непроходимый», «непознаваемый», «неузнаваемый», «необучаемый», «невыносимый», «непереносимый», «неконтролируемый», «неприкасаемый», «непотопляемый», «непробиваемый», «невидимый», «незримый», «неделимый», «негасимый», «неизменяемый» и т.д.¹

Что роднит эти слова с причастиями? Отглагольность; системные суффиксы -ем/ – им; необходимость только краткой формы в позиции предиката; сочетаемость с творительным падежом деятеля; значение настоящего времени, являющегося базовым значением для всеобщности.

Особенность – только модальное значение. Этой семантической особенностью можно было бы пренебречь, если бы в языке не возникло другое образование – с таким же модальным значением, но от глаголов СВ! Это нарушило всю систему образования страдальных причастий. И выход был найден: такие модальные причастия стали считать прилагательными. Этот разряд оказался очень продуктивным: по численности он гораздо больше, чем реально употребляемые страдательные причастия на -емый/ –имый без модального значения. Например: выполнимый – невыполнимый, излечимый – неизлечимый, наказуемый – ненаказуемый, разрешимый – неразрешимый, преодолимый –

¹ Возможность проявляется значительно реже: «осязаемый», «обтекаемый», «терпимый», «изменяемый».

непреодолимый, достижимый – недостижимый, предсказуемый – непредсказуемый, растворимый – нерастворимый, объяснимый – необъяснимый, обозримый – необозримый, совместимый – несовместимый, сопоставимый – несопоставимый, приемлемый – неприемлемый, сравнимый – несравнимый, осязаемый – неосязаемый, осуществимый – неосуществимый, и т.д.

Этот разряд активно пополняется за счет научной и общественно-политической лексики.

Многие из таких прилагательных имеют только отрицательную форму: непобедимый, непостижимый, неотвратимый, неукротимый, незаменимый, неустрашимый, непоколебимый, неотразимый, неутомимый, неугасимый, непримиримый, неопровержимый, неповторимый, неизмеримый, неотделимый, неразличимый, неоспоримый, невосполнимый, неотъемлемый, нерасторжимый, неистребимый, несокрушимый и др.

Таким образом, на основе специфического модального значения родилась новая система. В ней сохранились особенности страдательных причастий настоящего времени, в ней используются те же морфемы – ем/ – им, но слова образованы от глаголов СВ. А как же быть с теми, которые образуются от глаголов НСВ? Их, очевидно, придется признать исключениями и последовательно перенести в разряд прилагательных. Характерно, что «модальные» прилагательные от глаголов НСВ можно истолковать только с помощью глаголов СВ: «незабываемый» – невозможно «забыть», «неузнаваемый» – невозможно «узнать», «непроходимый», – невозможно «пройти», «необучаемый» – невозможно «обучить», «непереносимый» – невозможно «перенести», «невидимый» – невозможно «увидеть», «неделимый» – невозможно разделить» и т.д.

Некоторые страдательные причастия настоящего времени, являясь «источком» формирования новой системы, сами впоследствии оказались в ней исключениями.

Итак, соотношение системности и случайности, нормы и исключения достаточно сложно: случайности в виде исключений могут быть «обломками» старой, но не сложившейся системы, или «ростками» новой, развивающейся системы, еще не «узаконенной» нормой.

КОНТЕКСТУАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННЫЕ КОМПОЗИТЫ В ИНТЕРНЕТЕ И СМИ

Среди языковых средств, активно используемых в современном русском языке, в частности в печатных и электронных СМИ, одним из достаточно интересных является образование композитов типа *риэлтор-практик*, *юрист-жилищник*, *оператор-рецепционист*, *кассета-освободительница*, *концерт-презентация*. Традиционно в работах по синтаксису образования такого рода трактуются как подчинительные словосочетания, компоненты которых соединены на основе согласования [Белашапкина 1977: 33]. При этом уточняется, что речь идет об особом виде согласования, а именно о приложении, когда в качестве зависимого слова с определительным значением выступает существительное, которое уподобляется главенствующему слову-существительному в падеже [Грамматика-70: § 1139; Грамматика-80(2): §§ 1820-1823; КРГ-89: §§ 354-357]. Отмечается, что «на основе приложения в современном русском языке активно формируются приобретающие качества отдельного слова названия новых явлений и предметов: *диспут-семинар*, *письмо-запрос*, *здание-наряд*, *гараж-стоянка*, *каталог-проспект*, *смотр-конкурс*» [Грамматика-80(2): § 1820]. Правда, в этом случае не уточняется, когда именно можно говорить об отдельных словах, каковы критерии для этого.

Между тем в ряде работ по словообразованию все сочетания типа приведенных выше рассматривают как сложные составные слова, образованные по продуктивной модели путем сложения самостоятельных существительных без помощи интерфикса [Граудина и др. 2001: 120-127, 245-261; Николина и др. 2005: 101-102; Шанский 2005: 269-272]. Отмечают, что входящие в эти образования существительные продолжают выказывать определенную формальную автономность, сохранив свою способность к самостоятельному словоизменению. В то же время, по мнению некоторых исследователей, в частности Н.М. Шанского, на цельнооформленность сложных составных слов, как, например, *язык-основа*, *школа-интернат*, *самолет-разведчик*, указывают наличие одного основного ударения, закрепленный характер местополо-

жения компонентов и смысловое единство [Шанский 2005: 269-272]. Смысловое единство, сопровождающее формальное единство, отмечают также другие авторы: так, в [Граудина и др. 2001: 121] подчеркиваются неравноправные семантические отношения между компонентами, при которых первый компонент является семантически определяемым и несет основную смысловую нагрузку, а второй компонент является определяющим и выступает как приложение к первому компоненту, привнося дополнительную информацию. Там же указывается, что грамматический род всего сложносоставного существительного определяется по роду первого слова (например, *многоступенчатая ракета-носитель*), что соответствует подчинительным отношениям между компонентами.

Как видно, описание формальных и смысловых характеристик этих образований в основном идентично, независимо от того, трактуются ли они как словосочетания, сформированные по принципу приложения, или как сложные составные слова. Разница в том, что во втором случае встречаются утверждения, касающиеся цельнооформленности сложных составных слов, в частности утверждения наличия у них одного основного ударения и закрепленного характера местоположения компонентов. И именно эта разница в трактовке объясняет отмеченное терминологическое различие. Дело в том, что к сложносоставным существительным относят не только образования типа вышеприведенных, но и многие образования, в которых первый компонент является несклоняемым. Как раз здесь появляются случаи, где, как нам представляется, можно говорить об одном основном ударении или о едином ударении (выражение Е.А. Земской [1999: 369]), а также о закрепленном порядке компонентов. Это такие слова, как *плащ-палатка* и *генерал-майор*, в которых первый компонент имеет побочное ударение, ср. [Орфоэпический словарь 1999]. Наоборот, во многих случаях, где оба компонента склоняются, вряд ли правомерно – вопреки утверждению Н.М. Шанского – говорить об одном основном ударении, например, в таких образованиях, как *город-герой* или *выставка-продажа*. В других случаях нельзя говорить ни о едином ударении, ни о закрепленном порядке компонентов, например, в образованиях *боевик-комедия* и *комедия-боевик*, *брошюра-комикс* и *комикс-брошюра*. Есть и третий, переходный, тип композитов, а именно те образования, у которых, преимущественно в разговорной речи, появилась тен-

денция к несклоняемости первого компонента (с согласованием в роде уже по последнему компоненту) – это, прежде всего, *диван-кровать* и *вагон-ресторан*. Здесь словари дают разные просодические пометы в зависимости от склоняемости или несклоняемости первого компонента: «дива́н-крово́ть, дива́на-крово́ти, *м* и дива́н-крово́ть, дива́н-крово́ти, *жс*» и «ваго́н-рестора́н, ваго́на-рестора́на, *м* и ваго́н-рестора́н, ваго́н-рестора́на, *м*», см. [Еськова 1994; Орфоэпический словарь 1999]. Получается, что данные композиты с утраченной склоняемостью первого компонента имеют одно основное ударение, а те же композиты со склоняемостью обоих компонентов – два основных ударения. Но если существование просодического различия между двумя парадигматическими рядами в общем не вызывает сомнений, когда речь идет о падежных формах, кроме форм именительного и винительного падежа единственного числа, то постулирование такого же различия между этими последними «омонимичными» формами кажется нам контринтуитивным. Трудно представить себе, чтобы говорящие делали различие в произношении форм *диван-кровать* или *вагон-ресторан* в зависимости от того, склоняют они первый компонент этих композитов в других падежах или нет. С другой стороны, все композиты типа рассмотренных выше и в т. ч. такие же новые образования, появляющиеся в повседневном общении и в СМИ, воспринимаются говорящими как цельные, цельноформленные. Одним из признаков этого является почти повальное написание этих образований через дефис. В устной речи, которая, конечно, первична по отношению к письменной, цельноформленность композитов, как нам представляется, во всех случаях выражается в слитном произношении и в большем акцентном весе второго компонента, даже когда оба компонента несут основное ударение. Можно думать, что композиты в просодическом отношении похожи на именные подчинительные словосочетания типа *книга отца*, в которых, согласно проведенному Т.М. Николаевой исследованию, определяющее существительное, (в нашем случае *отца*), следующее после определяемого (*книга*), приобретает акцентный вес. Как подчеркивает Т.М. Николаева, речь здесь не идет об очевидном акцентном выделении, которое «всегда перцептивно ощущается и добавляет очевидную смысловую строку». Наоборот, все здесь происходит на «подковерном» уровне, когда для говорящего существует выбор и он его осуществляет практически неосознанно» [Николаева 2000: 287].

Итак, проведенный нами предварительный разбор материала привел нас к выводу, что хотя рассматриваемые образования, которые мы впредь будем называть композитами, имеют разные просодические схемы и, в частности, могут иметь не только одно, но и два основных ударения, но в любом случае просодическая цельность этих образований обеспечивается слитным произношением и большим акцентным весом второго, определяющего компонента. При этом, хотя, видимо, несклоняемые первые компоненты, как правило, носят побочное ударение, а склоняемые – основное, как мы видели на примере форм *диван-кровать* и *вагон-ресторан*, положение о просодической разнице в зависимости от склоняемости/несклоняемости первого компонента не всегда является бесспорным. Что же касается порядка следования компонентов, то он, как оказывается, не всегда фиксирован. Мы это отметили выше, и на это указывается также в [Граудина и др. 2001: 122], где приводятся такие примеры, как *песня-романс* и *романс-песня*, *усадьба-музей* и *музей-усадьба*, *библиотека-вагон* и *вагон-библиотека*, *автомат-закусочная* и *закусочная-автомат*. Именно композиты без фиксированного порядка следования компонентов будут предметом нашего дальнейшего рассмотрения. Нас будут интересовать семантические факторы, допускающие или препятствующие «мене мест» компонентов, а также синтаксические, контекстуальные и коммуникативно-прагматические условия для этого.

Но сначала уточним, какие принципиальные требования должны предъявляться к компонентам, входящим в интересующие нас композиты: во-первых, это должны быть самостоятельные существительные, а во-вторых, компоненты должны обозначать одно и то же, т. е. называть один и тот же денотат по-разному. Тем самым из нашего поля зрения сразу исключается ряд образований, у которых первый компонент неизменяем, и которые, помимо этого, составляют неоднородную группу в словообразовательном и семантическом отношении. Это приведенные в [Николина и др. 2005: 102] примеры продуктивных в современной речи сложносоставных существительных *бизнес-клуб*, *Горбачев-центр*, *попкорн-аппарат*. Легко убедиться, что здесь сложенные вместе компоненты называют совершенно разные денотаты и что речь идет о синтаксических кальках: *бизнес-клуб* и *попкорн-аппарат* калькированы с английских образований *business club* и *popcorn machine* (причем первые компоненты

представляют собой относительно недавние прямые заимствования); *Горбачев-центр*, в свою очередь, образован по аналогии с иностранными названиями, как *Kennedy Center*, *Lincoln Center* и т.д.¹ Встречаются частичные заимствования, построенные по аналогии с вышеуказанными синтаксическими кальками, но с «оригинальной» второй частью, как, например, взятые из газет образования *бизнес-варяг* и *экспресс-оценка*. Есть, конечно, и полные заимствования, как *прайс-лист* и *экзит-полл* из английских наименований *price list* и *exit poll*. Кроме того, есть множество на первый взгляд похожих наименований, у которых несклоняемый компонент вообще не может восприниматься как самостоятельное существительное: это, например, случаи, описанные, в частности, в [Граудина и др. 2001: 245 и сл.], когда первый компонент является символом буквы или аббревиатурой типа *икс-лучи*, *бека-эмульсия*, *аш-кислота*.

Перейдем к нашему анализу. Напомним, что оба компонента рассматриваемых нами композитов должны быть самостоятельными существительными. Материалом служат примеры, взятые из периодической печати и Интернета, а также из Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>) и – в ограниченном объеме – из художественной литературы. По нашим, правда, несистематическим наблюдениям, композиты распределяются преимущественно по двум лексико-семантическим группам: те, у которых оба компонента являются названиями лиц (например, *юрист-криминалист*), и те, у которых оба компонента являются названиями предмета или понятия в широком смысле (например, *фильм-катастрофа*). Кроме того, имеется группа композитов, где первый компонент является названием предмета или понятия в широком смысле, а второй компонент – названием лица (например, *фильм-долгожитель*), и, наконец, в нашем материале есть отдельные примеры композитов, в которых первый компонент является названием лица, а второй – названием предмета или понятия в широком смысле (например, *человек-легенда*). Что касается композитов, содержащих названия животных или

¹ Любопытно замечание акад. В.Г. Костомарова, процитированное в [Граудина и др. 2001: 252], по поводу аналогичного образования "*Горбачев-фонд*": «Появился "*Горбачев-фонд*" – такая терминологическая помесь иностранного с нижегородским – в переводе на русский: фонд Горбачева. В обиходной речи этот фонд обычно называют по-русски: *Горбачевский фонд*, *фонд Горбачева*, а иногда и в разговоре – *Горбачевка*».

растений (например, *кошка-рыболов* или *пшеница-кубанка*), то они в нашем материале отсутствуют и не будут приниматься нами во внимание. Итак, рассмотрим выше отмеченные четыре группы с разным распределением первого и второго компонентов (K1 и K2):

I. K1 [название лица] – K2 [название лица]

I.1 Отношения перекрещивания (интерсекции)

Композиты в этой группе чаще всего сложены из компонентов, денотаты которых представляют собой пересекающиеся классы объектов, и в результате денотатом самих композитов является подкласс объектов, общих для этих двух классов. Что касается сигнификативного значения (сигнификата)¹ данного подкласса, то оно в принципе представляет собой сложение сигнификатов двух классов, или сигнификативное значение такого композита является сложением сигнификативного значения обоих компонентов. Однако при этом признаки, составляющие сигнификат первого компонента (K1) выступают на первый план, а признаки, составляющие сигнификат второго компонента (K2), находятся на втором плане. Именно это положение отражено в вышеупомянутых характеристиках этих образований как подчинительных словосочетаний или сложных составных слов, и именно это объясняет, почему в СМИ встречаются такие композиты, как *путешественник-экстремал*, *садовод-энтузиаст*, но вряд ли найдешь композиты с обратным порядком компонентов, хотя в принципе ничто не препятствует образованию таких композитов. Просто не так часто приходится в рассказе о каком-то любителе экстремальных приключений сразу уточнять, что эта страсть связана именно с путешествиями, или при упоминании об увлекателе человеке добавлять, что эта черта характера проявляется именно в связи с садоводством.

I.1.1 Возможная «мена местами» у компонентов

Во многих случаях, однако, при соответствующих контекстуальных и коммуникативно-прагматических условиях можно встретить композиты со взаимно «обратным» расположением компонентов, т.е. можно, условно говоря, наблюдать «мену местами» у компонентов. В следующей паре примеров предложение

¹ Термины *сигнификат*, *денотат*, *референт* используются здесь в соответствии с [Кобозева 2000].

(1a) описывает посещение видным политиком учебного заведения, и поэтому в роли К1 выступает форма лексемы *студент*, а предложение (1б) взято из объявления вакантного и, видимо, низкооплачиваемого места, и поэтому лексема *студент* представлена уже на месте К2:

(1a) *Первый вице-премьер пообщался со студентами-программистами* [Известия]¹

(1б) *Ищется программист-студент для разовой сдельной работы.* [<http://forum.tsure.ru>]

В (2a) речь идет о части депутатского корпуса, а именно той части, которая состоит из членов партии «Единая Россия». В (2б), наоборот, речь идет об одном из тех членов партии, которые одновременно занимают выборное место в органе власти:

(2a) *Депутаты-«единороссы» не поддержат разработанный «Справедливой Россией» законопроект о внесении изменений в Уголовный кодекс РФ* [<http://edinros.er.ru>]

(2б) *Муж – преуспевающий единоросс-депутат. Свекор – бывший председатель облсуда* [<http://www.4vsar.ru/articles>]

В (3a) и (3б) предметом разговора являются соответственно разведчики и партизаны, что определяет выбор лексемы для К1:

(3a) *Тому самому бывшему советскому разведчику-партизану, который...* [Известия]

(3б) *Партизанский отряд Дмитрия Медведева боевые действия в тылу врага начал с августа 1941 года на Брянщине. Партизаны-разведчики закладывали взрывчатку под рельсы и рвали вражеские эшелоны* [<http://www.rg.ru>]

В (4a) речь идет о каких-то лекарственных препаратах, и тут интервьюируемый выступает прежде всего как врач. Напротив, в контексте разговора об альпинистах в (4б) естественно выбрать форму лексемы *альпинист* в качестве опорного существительного на месте К1:

(4a) *Спросил в прошлом году у врача-альпиниста про этот набор, он сказал, что ничего о нем не знает, но то, что смешивать препараты нельзя – это точно.* [<http://talks.guns.ru>]

¹ Здесь и далее выделение жирным наше.

(46) *Ведь Вам после Эльбруса скорее всего захочется снова куда-то в горы в следующем году и снова возникнут проблемы безопасности. С другой стороны, альпинисты-врачи тоже очень нужны и в альплагерях и на сборах.* [<http://www.risk.ru>]

Конечно, не всегда порядок следования компонентов определяется коммуникативно-прагматическими условиями, как в предыдущих 4-х парах примеров. В частности, в паре (5а) и (5б) определяющим для выбора форм лексемы «специалист» для К1 и К2, по-видимому, было существование устойчивых сочетаний *молодой специалист* и *специалист по (бытовым холодильникам)*:

(5а) *Вместе с ним в Сталинград приехала молодой специалист-механик* [<http://www.astrogalaxy.ru>]

(5б) *Перестановка двери должна производиться механиком-специалистом по бытовым холодильникам организации* ... [Инструкция к холодильнику]

1.1.2 Возможная «мена местами» у компонентов при регулярном встречающемся акцентном выделении

Многочисленную группу композитов составляют такие, в которых один из компонентов является названием лица по половому признаку. Как правило, такие названия представлены в К1: *мужчина-политик, мужчина-лидер, мужчина-специалист, мужчина-сибиряк; женщина-врач, женщина-инженер, женщина-специалист, женщина-адвокат, женщина-юрист, женщина-лейтенант, женщина-парикмахер, женщина-йог, женщина-снайпер, женщина-профессор*. Композиты с формой лексемы *женщина* встречаются чаще, чем композиты с формой лексемы *мужчина*, что, конечно, обусловлено тем, что множество одушевленных существительных и не в последнюю очередь таких, которые называют человека по профессии или роду деятельности, являются существительными мужского рода и не образуют соотносительных словообразовательных пар с существительными женского рода типа *учитель – учительница, студент – студентка, школьник – школьница*. Правда, помимо таких композитов, как *женщина-врач, женщина-профессор, женщина-адвокат, женщина-лейтенант*, встречаются слова *врачиха, профессорша, адвокатша, лейтенантша*, но такие варианты являются стилистически окрашенными и воспринимаются как разговорные, про-

сторечные или даже негативно-пренебрежительные. И в этой группе наряду со стандартным расположением форм лексем *мужчина* и *женщина* на первом месте встречаются образования с обратным порядком следования компонентов, т.е. с названием лица по половому признаку не на месте К1, а на месте К2. При этом такая «мена местами» компонентов регулярно сопровождается акцентным выделением, что сигнализирует контрастное противопоставление, а именно по отношению к противоположному полу. Данное положение хорошо иллюстрируют примеры (6)-(9):

- (6) *Врачи-ж"еницины при беседе с пациентом больше подчеркивают положительные перспективы лечения... Врачи-мужч"ины чаще рассматривают свою профессию как работу "ремонтника" ... [Наука и жизнь]¹*
- (7) *Сумки женской половины проверяла красивая милиционер-ж"енищина, ну а мужчин соответственно — представитель сильной половины. [http://www.vsesmi.ru/news]*
- (8) *Руководитель-мужч"ина, налаживая отношения с подчиненными, привык полагаться на логику, руководитель-ж"енищина принимает решения интуитивно. [http://nasgroup.ru]*
- (9) *На западе количество игроков-ж"енищин примерно равно количеству игроков-мужч"ин, у нас же мужчин в 7 раз больше! [http://www.onlinecasinos.ru]*

Сказанное, конечно, не означает, что акцентное выделение, сигнализирующее контраст, возможно только при обратном порядке следования компонентов. Но здесь от читателя (а не от слушателя) требуется чуть больше усилий для такой интерпретации:

- (10) *Мы вместе ездили в Данию – она руководила нашими гастролями, – и я заметил, что в тех ситуациях, где мужч"ина-начальник обязательно унёсся бы в какое-нибудь препятствие, она легко выходила из положения благодаря своей мягкой женственности и обаянию. [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)]*
- (11) *Я наблюдал сцену, когда мужч"ина-игрок не платил крупье, и вскоре они начали обращаться к нему: «Мадам». [Аргем Тарасов. Миллионер (2004)]*

¹ Акцентное выделение, которое здесь и далее обозначено двойным апострофом, было выявлено нами в результате опроса около двадцати русскоговорящих студентов филологического факультета МГУ весной 2010 года.

К только что рассмотренным композитам примыкают образования, в которых в значении одного из компонентов присутствует не только половой признак (взрослого, совершеннолетнего) лица, но и разного рода добавочные содержательные элементы. Имеются в виду композиты, как *девушка-лейтенант*, *тетка-парикмахер*, *девчонка-фотограф*, *мальчик-попутчик*, *девушка-провинциалка*, *дама-автомобилистка*, *девочка-подросток*, *мальчик-подросток*. Нетрудно убедиться, что семантико-прагматическая функция названия на месте K1 в приведенных композитах разная и что можно их распределить по шести группам:

- 1) K1 указывает на пол и возраст, например, *девушка-лейтенант*, *девочка-оператор*;
- 2) K1 указывает на пол (совершеннолетнего лица) и субъективную оценку, например, *тетка-парикмахер*;
- 3) K1 указывает на пол, возраст и субъективную оценку, например, *девчонка-фотограф*, *девчонка-убийца*;
- 4) K1 указывает на возраст и дублирует информацию о поле, содержащуюся в K2, например, *мальчик-попутчик*, *мальчик-безобразник*, *девушка-провинциалка*, *девушка-мигрантка*, *девочка-героиня*;
- 5) K1 указывает на субъективную оценку и дублирует информацию о поле (совершеннолетнего лица), содержащуюся в K2, например, *дама-автомобилистка*.
- 6) K1 указывает на пол и дублирует информацию о возрасте, содержащуюся в K2, например, *девочка-подросток*, *мальчик-подросток*.

Как видно, благодаря подобным названиям в качестве одного из компонентов композиты могут передавать достаточно тонкую семантическую и прагматическую информацию. Что касается возможной «мены местами» компонентов, то здесь она не сопровождается регулярным акцентным выделением, сигнализирующим контрастное противопоставление. Этот факт, по-видимому, объясняется тем, что в этих последних названиях присутствует несколько признаков, кроме чисто полового, вследствие чего не очевидно, с чем, собственно, идет противопоставление.

Вообще важно отметить, что и в тех случаях, когда одним из компонентов является форма лексемы *женщина* или *мужчина*, финальная позиция этого компонента не обязательно сопровождается акцентным выделением. Нет такого выделение, например, в таких устоявшихся сочетаниях, как *герой-мужчина*, *красавец-*

мужчина, или в других случаях, когда нет противопоставления, как в (12):

- (12) *Когда съемка закончилась, устроили традиционное застолье. Виталий улыбнулся: – Я очень боялся работать с режиссером-женщиной. Я вообще человек конфликтный.*
[Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001)]

1.1.3 Особые случаи «мены местами» без изменения смысла

Определенную внешнюю схожесть с только что рассмотренной группой композитов показывают образования, в которых один из компонентов является названием лица по родственному или семейному признаку, как *жена-врач*, *жена-студентка*, *сестра-студентка*, *муж-пьяница*, *брат-алкоголик*, *мама-блокадница*, *отец-генерал*. Данная группа, однако, стоит особняком, поскольку компонент с формой лексемы типа *жена*, *брат*, *отец* обычно обозначает не класс объектов, а конкретный, индивидуальный объект, т.е. используется для отсылки к референту. Следовательно, в этом случае мы, строго говоря, имеем дело не с перекрещиванием, а с включением референциального объекта в класс объектов, составляющий денотат. Здесь наряду со «стандартным» порядком следования, при котором данный индивидуальный объект, названный в K1, характеризуется с разных сторон существительным на месте K2, часто встречается и обратный порядок, например *красавица-жена*, *придурак-муж*, *пьяница-муж*, *изменщик-муж*. Однако и в этом случае опорным словом остается название определенного лица по родственному или семейному признаку и перестановка не влечет за собой изменения смысла композита. Вследствие этого и нет основания ни для какого акцентного выделения. Тем не менее, наверно, можно предположить, что те или иные контекстуально-прагматические условия могут играть определенную роль в выборе порядка следования компонентов. И вполне возможно, что у разных носителей языка есть свои личные предпочтения. Но однозначно судить о влиянии контекстуально-прагматических факторов представляется затруднительным. Так, в двух следующих парах примеров даже притяжательные местоимения не влияют на порядок компонентов, хотя можно было бы подумать, что они тяготеют к названиям лица по родственному или семейному признаку, т.е. в данном случае к лексемам *муж* и *жена*:

- (13а) *Мы выбрали второе, и несколько лет прожили со свекровью и ее **мужем-пьяницей***. [В.С. Балина. Три сестры // «Звезда», 2001]
- (13б) *Недавно история Оли М. получила продолжение. В больницу поступил ее **пьяница-муж***.
[<http://magazines.russ.ru/znamia/2007>]
- (14а) *Во-первых, зачастую по этой причине появляются разлады с мужем, которому хотелось бы гордиться своей **женой-красавицей**, одетой со вкусом*. [Мария Сорокина. Модная штучка. Найди свой стиль (2002)]
- (14б) *Володя очень ревновал свою **красавицу-жену***.
[<http://gazeta.aif.ru>]

С другой стороны, при анализе следующей пары примеров возникает заманчивое предположение, что выбор композита *отец-генерал* в (15а) мотивирован тем, что в семейной обстановке родственные связи выступают на первый план, а обратный порядок следования *генерал-отец* в (15б) связан с тем, что здесь явственнее проступают властные качества отца:

- (15а) *Было видно, что Максим действительно старался, готовя ужин для **отца-генерала**, который вынужден работать даже по воскресеньям*. [Александра Маринина. Чужая маска (1997)]
- (15б) ***Генерал-отец** был резко против посещения лекций, и чтобы освободиться от родительской опеки, ей пришлось вступить в брак с П.И. Боковым*. [<http://www.gallery.moip.msu.ru>]

В рассматриваемую здесь группу, конечно, не входят композиты, употребляемые в генерических высказываниях, как в примере (16), в котором говорится о любых мамах, бросающих своих детей:

- (16) *Странное социальное явление **мамы-отказники***
[<http://liveinternet.ru/tags/отказники>]

В этом случае речь идет о перекрещивании двух классов объектов, составляющих денотаты двух компонентов, и в таком употреблении композит примыкает к предыдущей группе I.1.2.

I.2 Отношения включения (инклюзии)

Многочисленную группу композитов составляют такие, в которых первый компонент называет широкую профессию, а второй уточняет специализацию. В [Крылова, Максимов, Ширяев 1997: 12] в качестве примеров таких образований приводятся сочетания *слесарь-инструментальщик*, *столяр-краснодеревщик*, *учитель-математик*. Однако нельзя не заметить, что данные примеры неоднородны: если в композите *учитель-математик* речь идет о перекрещивании двух денотатов и можно в принципе представить себе сочетание *математик-учитель*, то в композите *столяр-краснодеревщик* второе наименование является гипонимом первого, т.е. множество объектов, составляющее денотат слова *краснодеревщик*, включено полностью во множество объектов, составляющее денотат слова *столяр*. В этом последнем случае, конечно, невозможен обратный порядок следования компонентов. Что касается третьего приведенного примера: *слесарь-инструментальщик*, то и здесь, по-видимому, следует признать отношения включения между наименованиями. В толковом словаре Кузнецова слову *инструментальщик* дается толкование: «Рабочий, специалист по изготовлению инструментов». Вообще довольно мало примеров композитов с безусловной гипонимической корреляцией – среди однозначных в этом отношении можно назвать *художник-баталист*, *художник-портретист*, *художник-пейзажист* и названия врачей с той или иной специализацией, как-то *врач-хирург*, *врач-терапевт*, *врач-ортопед*, *врач-педиатр*, *врач-дерматолог*, *врач-невропатолог*, *врач-стоматолог* и др. В последнем ряду примеров безусловные отношения включения, конечно, связаны с лицензионным характером врачебной деятельности, но когда речь идет о других видах деятельности, которыми может заниматься человек с врачебной профессией, появляются отношения перекрещивания между денотатами двух компонентов и данное ограничение по порядку следования уже не действует, как мы видели в случае с *врачом-альпинистом* или *альпинистом-врачом* в (4а)-(4б); то же самое можно сказать и о таких сочетаниях, как *врач-парашютист*, *врач-администратор*, *врач-криминалист*. Но, конечно, когда речь идет о характеристике лиц по профессии, надо иметь в виду, что даже при существовании отношений перекрещивания между денотатами все же есть стандартный, предпочтительный при прочих равных условиях порядок следования компонентов, а именно на первом месте название признанной широкой профессии, а на втором – уточне-

ние или название менее распространенной профессии. К обычным в роли K1 названиям относятся приведенные выше *слесарь-, учитель-, художник-, врач-,* а также *преподаватель-, инженер-, экономист-, юрист-,* как, например, в композитах *преподаватель-гуманитарий, преподаватель-историк, инженер-строитель, инженер-дорожник, инженер-программист, экономист-менеджер, экономист-аудитор, экономист-теоретик, юрист-международник, юрист-жилищник, юрист-криминалист.* Когда же «сталкиваются» названия, которые оба обычно встречаются на месте K1, бывают случаи, когда одно название чаще всего «берет верх»: так, сочетание *инженер-экономист* встречается чаще чем *экономист-инженер.* В других случаях очевидных предпочтений нет, и – как было проиллюстрировано выше в I.1.1 – порядок следования компонентов определяется коммуникативно-прагматическими условиями, как в (17а) и (17б), либо синтаксическим фактором (присутствием при одном из названий несогласованного определения в родительном падеже), как в (17в):

(17а) *В 1985 году окончил Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства по специальности **инженер-преподаватель.*** [<http://www.chebarcul.ru>]

(17б) *Аутентичный инженерный текст – это текст, принадлежащий учебно-научному и научно-техническому подстилям и написанный **преподавателем-инженером** для инженера (или будущего инженера), на «языке посвященных»* [<http://5ka.su/ref/bank>]

(17в) *В статье рассматриваются некоторые аспекты профессиональной педагогической деятельности **инженера-преподавателя технического вуза,** как фактора эффективности процесса обучения студентов инженерных специальностей* [<http://elibrary.ru>]

I.3 У денотатов нет общих элементов

Случаи, когда два компонента, входящие в композит, обозначают денотаты, у которых нет общих элементов, крайне редки, но все же встречаются. Одним из таких примеров является *мужчина-ребенок* в (18), где взрослый мужчина не может в реальности одновременно быть ребенком. Он может вести себя как ребенок, но от этого он не перестает быть взрослым мужчиной. В данном примере получается сложение двух сигнификатов – сигнификата слова *мужчина* и сигнификата слова *ребенок* – при со-

хранении денотата слова *мужчина*, т.е. речь идет о взрослом мужчине, который, по мнению говорящего, наделен определенными детскими свойствами. Разумеется, эта единица не может быть названа композитом с обратным порядком следования.

(18) *Эйфман— обаятельный человек, такой мужчина-ребёнок, которому нужно, чтобы его любили. Лили сошла от него с ума.* [Сати Спивакова. Не всё (2002)]

Иную ситуацию наблюдаем в (19). В этом примере композит *мужчина-женщина* сложен из компонентов, денотаты которых перекрещиваются. Из контекста видно, что имеется в виду некое перевоплощение, вследствие чего мужчина становится виртуальным гермафродитом:

(19) *Как из этой коллизии выходят? При существовании обряда инициации этот процесс должен был уже закончиться: обряд есть условие приема в мужской союз. Из этой коллизии выходят различно: руководитель обряда переодевается женщиной. Он **мужчина-женщина**. Отсюда прямая линия ведет к переодетым в женщин богам и героям (Геракл, Ахилл), к гермафродитизму многих богов и героев.* [В.Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки (1946)]

II. К1 [название неодушевлённой сущности] – К2 [название неодушевлённой сущности]

Композиты, состоящие из компонентов, обозначающих неодушевленные сущности, принципиально отличаются от рассмотренных выше композитов с двумя названиями лиц. Если у тех композитов, как мы видели, за редкими исключениями денотат состоит из элементов, общих для денотатов двух компонентов (т.е., попросту говоря, речь идет об определенном подмножестве людей, которые соответствуют обоим названиям одновременно), то ситуация с композитами, состоящими из названий неодушевленных сущностей, гораздо сложнее. Главная проблема в том, что бывает очень трудно определить денотативное и сигнификатое значения тех или иных предметов, абстрактных понятий или ситуаций. Возьмем для примера лексемы *фен* и *обогреватель*. В изолированном употреблении все как будто просто: мы все имеем представление о том, что мы назовем фенами и что мы назовем

обогревателями, иными словами, мы без особых колебаний определяем, какие объекты входят в каждый из двух классов, которые составляют денотаты лексем *фен* и *обогреватель*; равным образом, если нас попросят объяснить, на основании каких признаков мы здесь употребляем слова *фен* и *обогреватель*, иными словами, если нас попросят объяснить сигнификативное значение двух лексем, то и здесь мы, скорее всего, не будем особо затрудняться. Но как со встречающимися композитами *фен-обогреватель* и *обогреватель-фен*? О каких приборах, агрегатах идет речь? Обозначают ли *фен-обогреватель* и *обогреватель-фен* одни и те же объекты в экстралингвистической действительности? И понимает ли специалист-профессионал в той или иной области то же самое, что и мы, обыватели, под словами *фен* и *обогреватель*?

II.1 Отношения перекрещивания (интерсекции)

Как можно было ожидать, исходя из вышесказанного, в этой группе труднее найти случаи контекстуально обусловленной смены компонентов местами, но они встречаются. В (20а) важно сообщить, что была выпущена брошюра, а то, что она оформлена как комикс, подается как дополнительная информация. В (20б) противопоставляются разные типы комиксов, и поэтому этот компонент на первом месте:

(20а) *Еще в 2007 году Федеральная миграционная служба выпустила **брошюру-комикс** для гастарбайтеров* [Известия]

(20б) *Неслучайно стали появляться **комиксы-брошюры** и **комиксы-учебники** с объяснением некоторых физических явлений, исторических событий и т.д.* [<http://www.proza.ru>]

В (21а) финальная позиция компонента *презентация* объясняется именным управлением (*презентация книги*), т.е. синтаксическим фактором, а в (21б) инициальная позиция этого компонента связана с тем, что о презентации упомянуто в предшествующем предложении, т.е. здесь действует коммуникативно-прагматический фактор:

(21а) **Концерт-презентация** книги В.В. Задерацкого «Per aspera...» [<http://www.glinka.museum>]

(21б) Приглашаем всех на презентацию альбома Владимира Жукова. **Презентация-концерт** состоится в концертном зале... [<http://www.orige2promo.ru>]

И в (22а) можно усмотреть синтаксический фактор, определяющий порядок следования компонентов, а именно наличие именного управления (*съёмка новых выпусков*). А в (22б) и (22в) нет очевидных факторов, ни синтаксических, ни контекстуально-прагматических, которые определяли бы порядок следования компонентов. Здесь выбор того или иного варианта, видимо, зависит от того, что для говорящего/отправителя является важнее – *съёмка* или *концерт*:

(22а) **Концерт-съёмка** новых выпусков телепрограммы "Аншлаг" [<http://www.moscowshows.ru/afisha>]

(22б) Первая **съёмка-концерт** посвящена переходному, "смутному" времени, из которого русский человек постоянно выбирается. [<http://www.rg.ru>]

(22в) Ежегодный **концерт-съёмка** "Взрослые и дети" [<http://show-good.ru>]

Вообще во многих случаях примеры не содержат явных контекстуальных или других указателей, объясняющих тот или иной порядок следования компонентов. Когда, например, мы встречаем композиты *форум-выставка* и *выставка-форум*, мы можем предположить, что в первом случае для говорящего важнее подчеркнуть, что речь идет о мероприятии, где участники могут обсудить те или иные вопросы и проблемы, а во втором – главным событием является выставка, в связи с которой проводится дискуссионный форум. Аналогичную мотивировку можно предположить, например, для пар *прихожая-холл/холл-прихожая*, *боевик-комедия/комедия-боевик*, хотя порой, как кажется, тот или иной порядок следования компонентов носит достаточно условный характер. Так, вряд ли покупатель найдет хоть какую-нибудь значащую разницу между теми *фильтрами-кувшинами* и *кувшинами-фильтрами*, которые продаются для очистки водопроводной воды. И похожее наблюдение, видимо, легло в основу приведения упомянутых выше примеров типа *песня-романс/романс-песня* в [Граудина и др. 2001: 122].¹

¹ Несмотря на процитированное выше утверждение в [Грамматика-80(2): § 1820], что, в частности, *смотр-конкурс* приобретает качество отдельного слова,

II.2 Отношения включения (инклюзии)

В этой группе у нас нет примеров безусловного включения денотата второго компонента в денотат первого. Но в нашем материале есть по крайней мере один пример, где в повседневной речи можно говорить о гипонимической корреляции между компонентами, а именно композит *машина-внедорожник*. Хотя в принципе можно найти также композит *трактор-внедорожник*, для современного обывателя слово *внедорожник* ассоциируется именно с легковой машиной (с повышенной проходимостью). Соответственно ни о какой «мене местами» компонентов речи не идет.

II.3 У денотатов нет явных общих элементов

Случаи, когда у денотатов, входящих в компоненты композитов, нет явных общих элементов, в этой группе не редкость. Это композиты, как *фонд-пирамида*, *гараж-«ракушка»*, *фраза-тень*, *фильм-катастрофа*, *фильм-легенда*, *бренд-легенда*, *матч-реваниш*, *компания-однодневка*, *город-миллионник*. Во всех этих случаях второй компонент вносит только сигнификативное значение – в дополнение к денотативному и сигнификативному значениям, выражаемым первым компонентом. Ясно, что здесь не бывает равнозначных композитов с обратным порядком компонентов. Нетрудно заметить, что нередко в таких композитах К2 используется как метафора: *гараж-«ракушка»* – это гараж, который напоминает большую ракушку, не являясь ей; *фраза-тень* – это фраза, которая находится как бы в тени, составляя определенный подтекст; а *фонд-пирамида*, как в (23), – это фонд, который устроен как пирамида:

- (23) *Вчера временный управляющий фондом-пирамидой Мейдоффа сообщил о реализации имеющихся активов.* [Финансовые Известия]

на одной и той же интернет-странице сайта Москомархитектуры (<http://www.mka-info.ru>) можно найти в одинаковом контексте «объявляют открытый **смотр-конкурс** на...» (2010 г.) и «объявляют открытый **конкурс-смотр** на...» (2009 г.), что показывает определенную условность проводимого в Грамматике-80 разграничения между словосочетаниями, образованными по принципу приложения, и отдельными словами.

Другой характерной чертой многих композитов, и не только в этой группе, является то, что К2 можно представить как результат разного рода трансформаций, как-то *фильм-легенда* < *легендарный фильм*; *компания-однорезка* < *однорезная компания*; *город-миллионник* < *миллионный город*; *матч-реванш* < *матч*, дающий возможность получения реванша; *фильм-катастрофа* < *фильм о катастрофе*. Некоторые композиты вообще можно объяснить только таким образом, например, *город-миллионник*, поскольку самостоятельного существительного *миллионник* не существует.

III. К1 [название неодушевлённой сущности] – К2 [название лица]

К этой группе мы относим такие композиты, как *фильм-долгожитель*, *башни-близнецы*, *город-герой*, *кассета-освободительница* (А. Маринина), *фирма-спасительница*, *фирма-заемщик*, *фирма-застройщик*, *компания-продавец*, *компания-владелец*, *компания-мать*, *компания-наследница*, *компания-виновник*, *компания-виновница*, *концерн-производитель*. Внешне эти сочетания похожи на композиты в предыдущей группе. Разница в том, что здесь в позиции К2 выступают лексемы, которые в самостоятельном употреблении или всегда, или обычно называют людей. К первым относятся исконные названия людей, например *близнецы*, *мать*, *герой*, ко вторым можно причислить существительные с суффиксами *-тель*, *-ник*, *-щик*, *-ец*, *-лец* и др. (вкл. соответствующие женские варианты), мотивированные глаголами (глагольными словосочетаниями), например *долгожитель*, *спасительница*, *наследница*, *заемщик*, *продавец*, *владелец*, а также в отдельных случаях – существительные, мотивированные прилагательными, например *виновник*, которое образовано с помощью суффикса *-ик*, ср. [Грамматика-80 (1)]. Здесь общее значение композитов строится на метафорическом переносе, и обратный порядок следования компонентов исключается.

IV. К1 [название лица] – К2 [название неодушевлённой сущности]

И в последней рассматриваемой нами группе композитов вторые компоненты являются метафорическими выражениями. Подобно сказанному в II.3, второй компонент вносит в композит только дополнительное сигнификативное значение и не участвует в денотативном значении композита, денотат которого обознача-

ется только первым компонентом. Это такие сочетания, как *человек-легенда*, *философ-легенда*, *человек-миф*, *человек-тень*, «*человек-оркестр*» (об известном политике, который играет на многих музыкальных инструментах) и не слишком лестное, по крайней мере для русского менталитета, наименование *женщина-танк*:

(24) *Прямо на нее смотрела с экрана энергичная женщина-танк, прижавшись модным костюмом к поджарому, обаятельному мужчине.* [<http://reporter-smi.ru>]

Разумеется, и здесь о мене компонентов местами в общем случае говорить не приходится. Правда, есть по крайней мере одно исключение: встречаются и *человек-чудо*, и *чудо-человек*. Но последний композит явно образован по аналогии с устоявшимися сочетаниями *чудо-дерево*, *чудо-печка* и др.

Проведенный нами анализ, имевший целью хотя бы в первом приближении прояснить роль семантических факторов для образования композитов и обрисовать некоторые синтаксические, контекстуальные и коммуникативно-прагматические условия для выбора того или иного порядка следования компонентов, выявил самые разные взаимоотношения между двумя компонентами, составляющими тот или иной композит, и в связи с этим – разные условия для «мены местами» компонентов. Особое внимание было обращено на роль просодического фактора и, в частности, на условия для акцентного выделения. Была продемонстрирована роль не только денотативного, но и сигнификативного значения для интерпретации композитов, и было показано, что в тех случаях, когда нет общего денотата у двух компонентов, составляющих композит, появляются предпосылки для метафорического переноса.¹ Перед нами, как нам кажется, очень интересное и выразительное языковое средство, которое заслуживает своего места в практике преподавания русского языка как иностранного.

Литература

¹ Встречающиеся утверждения о том, что компоненты композита называют один и тот же денотат, ср. формулировку Р. Беленчиков: "Die Komponenten eines Binomens benennen ein und dasselbe Denotat auf unterschiedliche Weise" [Belenschikow 1998: 240], нуждаются по меньшей мере в уточнении.

- Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.
- Большой толковый словарь русского языка. Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб, 1998.
- Грамматика современного русского литературного языка АН СССР. М., 1970.
- Русская грамматика. Т. 1-2. М., 1980.
- Граудина Л.К., В.А. Ицкович, Л.П. Катлинская. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
- Еськова Н.А. Краткий словарь трудностей русского языка: Грамматические формы. Ударение. М., 1994.
- Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык. Под ред. В.А. Белошапкиной. 3-е изд., испр. и доп. М., 1999, с. 286-441.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.
- Краткая русская грамматика. Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М., 1989.
- Крылова О.А., Максимов Л.Ю., Ширяев Е.Н. Современный русский язык. Теоретический курс. Ч. IV. Синтаксис. Пунктуация. М., 1997.
- Николина Н.А., Фролова Е.А., Литвинова М.М. Словообразование современного русского языка. М., 2005.
- Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000.
- Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. Под редакцией Р. И. Аванесова. 6-е изд. М., 1999.
- Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М., 2005.
- Belentschikow R. Benennungsweisen // Russisch im Spiegel des Deutschen. Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich. Hrsg. Wolfgang Gladrow. Frankfurt am Main, 1998, S. 209-242.

ОБОБЩЕННЫЙ СУБЪЕКТ ДЕЕПРИЧАСТИЯ

Важным синтаксическим свойством деепричастия является двунаправленность его синтаксической связи – с субъектом и, в типичном случае, с глаголом-сказуемым при обязательной ко-референтности субъекта деепричастия и глагола-сказуемого. Как показал анализ материала, субъекты деепричастия разнообразны в формальном и семантическом отношении. В семантическом плане они различаются прежде всего степенью определенности: представлены определенные, неопределенные и обобщенные разновидности. В силу специфики семантики обобщения следует обратить внимание иностранных студентов на обобщенный субъект; он и рассматривается в данной статье.

Обобщенный субъект определяется в синтаксисе как «<...> один, любой, безразлично какой и притом каждый член <...> (некоторого собирательного – О.Ч.) множества» [Ломтев 1972: 139]. Вводится понятие обобщенного деятеля – это любой деятель, любое синтаксическое лицо [Лекант 1974: 25]. Следовательно, деепричастие сочетается с обобщенным субъектом, представленным как любой, каждый, как любое лицо – носитель основного и добавочного действия. Субъект выступает в двух формах – в именительном падеже (прямой) и косвенных падежах (косвенный).

По степени концентрации семантики обобщенности рассматриваемые субъекты неоднородны: центр, ядро составляют субъекты, выраженные определительными местоимениями, периферию занимают субъекты, выраженные сочетанием существительных с определительными местоимениями, между ними по направлению от ядра к периферии располагаются субъекты, представленные личными местоимениями, репрезентанты субъектов и субъекты, выраженные сочетаниями определительных субъектов с личными. Существенно, что функционирование определительных местоимений в качестве субъектов сопровождается их субстантивацией.

Максимальное выражение обобщенности субъекта определительными местоимениями *весь* (в форме множественного

числа *все*), *всякий*, *каждый*, *любой* предопределено наличием у них семы обобщенности, хотя и неодинаковой по содержанию, но важной и обязательной составляющей их семной структуры. А.А. Уфимцева, исследуя природу наименований, установила, что *весь* – в высшей степени обобщенное слово [Уфимцева 1977: 36], а *всякий*, *каждый*, *любой* служат «<...> для выделения отдельного члена из множества в форме единичности» и выражают «<...> своими значениями то, что характерно для всех представителей данного множества», выполняя функцию обобщения и индивидуализирующую [там же: 47]. По мнению Н.Ю. Шведовой, перечисленные местоимения, в том числе и *любой*, включаемое ученым в разряд прилагательных, выражают «<...> смысл, охватывающий всех по определенному счету или вообще по считаемому количеству» [Шведова 1998: 136]. Приведем примеры: *Все* *вопросительно* *установились* *на старика*, *ожидая* *продолжения* (М. Алданов)¹; *Всякий*, *услышав* *эти стихи*, *задумается* *о своем месте* *в жизни* (газ.); *Очертив* *условный магический круг*, *больший* *или меньший*, *каждый* *живет* *в самом собой* *ограниченной* *клетке* *и относится* *к этому* *умозрительному* *пространству* *тоже по-разному* (Л. Улицкая); *А сейчас* *любой* *может* *вложить* *средства* *на фондовом* *рынке*, *купив* *паи* *в паевом* *инвестиционном* *фонде* (ПИФе) (газ.).

Обобщенное значение нередко получают субъекты, выраженные личными местоимениями 1 и 2 лица обоих чисел. Показательно, что только личные местоимения в функции субъекта обладают свойством изменять присущее им определенное значение на обобщенное, определительные же местоимения во всех условиях употребления сохраняют свою специфическую субъектную семантику.

Обобщенное значение личных местоимений, не будучи основным, первичным, формируется в конкретных условиях употребления: контекст и конкретная ситуация речи оказываются достаточными для идентификации субъекта. Влияние контекста на ту или иную реализацию «общего значения» грамматических категорий не отрицается в лингвистике. Его отмечает Т.В. Булыгина [Булыгина 1980: 354]; контекстную поддержку обобщенно-личности не исключают авторы «Коммуникативной

¹ Здесь и далее полужирным шрифтом выделяется деепричастие, подчеркиванием – его обобщенный субъект.

грамматики русского языка» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 154], его учитывает при анализе категории субъективности В.В. Химик [Химик 1990].

Обобщенным субъектом деепричастия выступает личное местоимение 1-го лица мн. числа *мы* при реализации им значения, квалифицируемого В.В. Химиком как «я + все, т.е. это говорящий и всякий адресат и любое лицо за пределами речевого акта» [Химик 1990: 48]. *Зная законы, мы можем предсказать явление* (А. Лосев); *Читая Шекспира, Рабле или Достоевского, мы каждый раз по-новому видим вечные тексты* (В. Колесов) – в данном предложении семантика обобщенности субъекта актуализируется словосочетанием *каждый раз*; *Отправляясь в магазин за сахаром или колбасой, нам и в голову не придет брать с собой весы* (газ.). Обобщенные субъекты Дпр, выраженные местоимением 1-го л. ед.ч. *я*, нами не зафиксированы, возможно, в силу специфики последнего: как установил Д.Н. Шмелев, «форма 1-го лица единственного числа настолько определенно относит действие к самому говорящему, что не поддается даже контекстному “перенесению” на другие лица» [Шмелев 2002: 292].

Обобщенное значение в условиях контекста может получить местоимение *ты*, где ему «<...> придается особый обобщающий оттенок, отнимающий у него индивидуально-личный характер» [Пешковский 2001: 373]. Вот примеры такой реализации: *Может быть, это привилегия молодости: все в тебе интересно всем вокруг, все взрослые жадно обо всем рассказывают, а ты раздражаешься в ответ, **не догадываясь**, что это счастливое любопытство пройдет, едва ты повзрослеешь* (Г. Башкирова); *Надо быть хорошио уверенным, что, **вырвав** дерево, ты посадишь на его месте новое, оно приживется и вырастет* (В. Токарева). В отличие от субъекта *ты*, в субъекте деепричастия *вы* нередко совмещаются значения определенности и обобщенности, не всегда дифференцированные. Так, в контексте предложений *Увидев индюшек со своим предводителем, вы непременно остановитесь ими полюбоваться* (газ.); *Принимая в течение трех дней наш антибиотик, вы избавитесь от пневмонии* (газ.) субъект деепричастий *вы*, с одной стороны, обозначает адресата, а с другой – не исключает любое, каждое лицо, включая говорящего. Подобная недифференцированность значений субъекта имеет стилевую закрепленность: она обычна в прескриптивных текстах, в текстах реклам, консультаций. Вместе с тем недифференцированность

снижается, если консультация, предназначенная для многих, всех, подается как ответ на вопрос адресата: тогда она направлена к конкретному, определенному субъекту деепричастия. Сравним недифференцированный субъект *вы* в предложении *Выйти из садоводческого товарищества вы имеете право в любой момент, написав* соответствующее заявление на имя председателя и определенный субъект *вы* в предложении-реплике диалога: *Может ли председатель отказать мне в выходе из членов СНТ или разрешить мне выйти из членов товарищества, запретив при этом пользоваться инфраструктурой? – Выйти из садоводческого товарищества вы имеете право в любой момент, написав* соответствующее заявление на имя председателя (газ.). Косвенный субъект *вам* в безличных и инфинитивных предложениях также приобретает обобщенное значение: *Находясь на разгрузочной диете, вам не стоит полностью отказываться от участия в праздничных застольях* (газ); *Заранее обзаведитесь лекарствами, иначе лежать вам бессмысленно на койке, возлагая* наивные надежды на врожденный иммунитет (газ.).

Семантика обобщенности, формирующаяся только в контексте, весьма актуальна для репрезентантов субъектов – флексий глаголов 2-го и 3-го лица: *Побывав в Лондоне, лучше понимаешь* Диккенса (Д. Гранин); *Но мне кажется, что каждый раз, выпадая из обыкновенной жизни, немного умираешь* (Л. Улицкая); *Кто тебе прочел указ о том, что, раз полюбив, любят всю жизнь?* (А. Битов). Нельзя не заметить, что степень обобщенности репрезентанта субъекта несколько ниже в сравнении с субъектом – личным местоимением.

Значение обобщенности субъекта деепричастия заметно снижается в сочетаниях определительных местоимений с личными и лично-указательными: *любой из нас (вас, их), каждый из нас (вас, их); всем нам (вам, им)* и под., где личные местоимения, с одной стороны, актуализируют семантику обобщенности, а с другой – снижают ее, внося элемент конкретизации в обобщение: *Но, потеряв возможность купить дешевый продукт на базаре, любой из нас пойдет в магазин* (газ.); *Каждому из них хочется, окончив школу, занять достойное место в жизни* (газ.).

Между тем субъекты деепричастия в установленных нечленимых сочетаниях также неоднотипны по степени обобщенности, что предопределено структурно-семантическими свойствами этих сочетаний. Одни из них построены по схеме *опреде-*

лительное местоимение в именительном/дательном падеже + предлог из + личное/лично-указательное местоимение в родительном падеже и имеют значение избирательности – вычленяют один член из множества, перенося акцент на отмеченную А.А. Уфимцевой индивидуализирующую функцию местоимений *каждый, всякий, любой* и снижая тем самым обобщенность семантики нечленимого сочетания. Схема других сочетаний – *определяющее местоимение + личное/лично-указательное местоимение*, причем оба компонента имеют форму одного падежа – именительного или дательного: *все мы (вы, они), всем нам (вам, им)*. Они характеризуются более высокой степенью обобщенности, свойственной местоимению *весь* и поддерживаемой личным местоимением: актуализируется значение обобщенности – общности количества, состава того или иного множества, исключая вычленение какого-либо элемента из этого множества. Ср. приведенный выше пример *Но, **потеряв** возможность купить дешевый продукт на базаре, любой из нас пойдет в магазин* (газ.) и *Но, **потеряв** возможность купить дешевый продукт на базаре, все мы пойдем в магазин*. И перефразированное приведенное выше предложение с косвенным субъектом: *Всем им хочется, **окончив** школу, занять достойное место в жизни*.

Периферия обобщенных субъектов представлена сочетаниями существительного с определятельными местоимениями при актуализации семантики этих местоимений-определений, по существу и формирующих тип субъекта: ***Взойдя** на Олимп славы, любой человек оказывается под прицелом любопытствующих взглядов* (газ.). Согласно справедливому утверждению Н.Д. Арутюновой, исследовавшей роль определения внутри номинаций, «некоторая независимость от смысла номинации приходит к определению, когда в нем сосредоточена новая информация, а в имени дается лишь опора для определения. <...> Между определением и существительным часто возникает семантическая связь, причем <...> имя “идет навстречу” определению, фиксируя тот аспект предмета, к которому относится атрибут» [Арутюнова 1977: 345]. Так и при формировании субъекта деепричастия: ориентация на обобщенный субъект регулируется соответствующим местоименным прилагательным при существительном.

Своеобразны градационные синтаксические ряды обобщенных субъектов деепричастия: *Нам всем, каждому на своем месте, необходимо всеми силами работать над формированием*

идеологии нового российского общества. И делать это постоянно: дома, воспитывая собственных детей, на предприятиях, улучшая жизнь своих сотрудников (газ.). Субъекты деепричастий *воспитывая, улучшая* занимают позицию в первом парцелляте. В сочетании субъекта со значением максимального обобщения *нам всем* с субъектом *каждому* при сохранении семантики обобщения актуализируется индивидуализирующее значение субъекта *каждому*, что способствует выражению индивидуального в общем и может быть расценено как один из приемов экспрессивного синтаксиса.

Итак, обобщенные субъекты деепричастия, сохраняя свою семантическую доминанту ‘любой, каждый, любое лицо – носитель основного и добавочного действий’, различаются разной степенью ее проявления в зависимости от их морфологического выражения и контекста.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
- Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М., 1974.
- Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
- Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.
- Уфимцева А.А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) // Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
- Химик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л., 1990.
- Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998.
- Шмелев Д.Н. Стилистическое употребление форм лица в современном русском языке // Шмелев Д.Н. Избранные труды по русскому языку. М., 2002.

НЕКОТОРЫЕ СЛУЧАИ РЕТРОСПЕКЦИИ И ПРОСПЕКЦИИ РЕЧЕ- ВОГО АКТА «ИЗВИНЕНИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Извинения бывают постфактум (post-factum) и префактум (pre-factum). При первых говорящий\извиняющийся просит прощения за свой поступок после совершения действия, т.е. акт извинения находится в постпозиции к совершенному действию (ретроспективное извинение). При вторых говорящий / извиняющийся просит прощение за свой поступок до его совершения, т.е. акт извинения находится в препозиции к будущему действию (проспективное извинение).

Приведем дефиниции слов «ретроспективный» и «проспективный» в русском языке. В Новом словаре иностранных слов Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. дают следующие определения словам «ретроспективный» и «проспективный»: – «ретроспективный» (фр. *rétrospectif* <лат. *retro* назад + *spectare* смотреть) –...обращенный к прошлому, посвященный рассмотрению прошлого, например ретроспективный взгляд... [Захаренко и др. 2008: 730].

– «проспективный» – направленный в будущее [там же: 685].

Проспективное извинение

Проспективное извинение может содержать превентивную направленность. Слово «превентивный» заимствовано из французского языка. В Новом словаре иностранных слов находим толкование слова «превентивный» следующим образом: «превентивный [фр. *préventif* <лат. *praeventus*] – предупреждающий, предохранительный; опережающий действия противной стороны» [там же: 671].

Превентивное извинение говорит о таком извинении, при котором говорящий-извиняющийся предупреждает собеседника о чем-либо, предохраняет его от чего-либо. При превентивном извинении говорящий извещает адресата о такой ситуации, когда уже некогда принять решение и нужно выслушать его и акт изви-

нения находится в препозиции к действию, за которое говорящий извиняется.

Браун и Левинсон представляют следующую классификацию превентивных извинений: а) указание на нарушение покоя, б) сообщение о препятствии, в) ссылка на давление обстоятельства [Brown, Levinson 1987: 187–190].

а) указание на нарушение покоя:

В России извинения за нарушение покоя адресата менее распространены, ведь в России добрым человеком считается тот, к кому всегда можно обратиться [Ратмайр, 2003: 221].

Указание на нарушение покоя может сочетаться со смягчением\усилением просьбы\вопроса говорящего. Усиление просьбы осуществляется при помощи указания на важность отнятого времени у адресата, на то, что просьба говорящего оказывает большие затруднения для собеседника, она трудна для него и слишком дорога для говорящего-извиняющегося. Сравните следующие примеры:

Простите, я знаю что Вы очень заняты, но, может, если будет у Вас время, Вы проконсультируете меня.

Извините, у меня к Вам огромная просьба, подскажите мне, пожалуйста, где можно поднять архивы по жителям Тугульма, я ищу документы на своих родственников.

б) сообщение о препятствии:

При данном превентивном извинении говорящий называет какие-либо препятствия, которые заставляли его обратиться не в то место, куда надо, или не к тому, к кому нужно обратиться. Формулами сообщения о препятствии могут быть следующие: *Я бы не спросила Вас, но...; Видите, я, наверно, обратилась не в то место, но...; Я не хочу Вас беспокоить, но...; Я ненавижу самовосхваление, но...; Мне очень неудобно говорить, что...; Вы никогда не беспокоили меня, я знаю, но...; Я надеюсь, Вы на меня не обидитесь, если я скажу, что... [там же].* Например:

Извините, я, наверно, обратилась не в то место, но не подскажите, где находится Национальная библиотека?

в) ссылка на давление обстоятельства:

Эту группу представляет превентивное извинение, при котором говорящий-извиняющийся ссылается на давление обстоятельства. К формулам данной группы можно отнести следующие

щие: *Никто, кроме Вас, не может...; Я просто не в состоянии...; Я полностью потерян...* [там же]. Сравните следующие примеры: **Простите**, я просто не в состоянии помочь Вам, так как мои финансы на исходе.

Извините, доктор, но никто, кроме Вас, не может вылечить ее.

Характерной чертой превентивных извинений является то, что в ответ на обращения\просьбы с «вводной» формой извинения за нарушение покоя и занятие времени у адресата говорящий не ждет перлокутивного акта прощения вины. Такие извинения не требуют в ответ никаких обязательных реплик о прощении действия говорящего. К некоторым случаям превентивно-проспективного извинения можно отнести следующие:

– извинения в роли обращения:

Извините, я приезжий, только сегодня утром приехал и не знаю никого: я случайно зашел в эту улицу и хотел спросить... (И.А.Гончаров, Обрыв);

Извините, можно пройти? (В.Сорокин, Очередь);

– извинения за вопрос, отнятое время, любопытство и т.п.: В русском языке извинения за отнятое время у адресата «можно услышать лишь от очень хорошо воспитанных людей» [Ратмайр 2003: 224].

Акт извинения в роли обращения к незнакомому лицу употребляется как вежливая вводная форма перед вопросом, замена на «*Скажите, пожалуйста*». При этом речевой акт извинения осуществляется, чтобы соблюсти нормы этикета и вежливо задать уточняющий вопрос: *Извините за нескромный (деликатный) вопрос; Извините, что спрашиваю; Простите за вмешательство (любопытство, беспокойство)* и т.п. Сравните ниже следующие примеры:

– **Извините** за нескромный вопрос: какое содержание вы получаете? (А.П. Чехов, Беседа пьяного с трезвым чертом);

– **Простите**, что вмешиваюсь, – заговорил вдруг Гнушке и поднял указательный палец, – *Вспомните, что сказано: не убий!* (В.Набоков, Подлец);

– *Честь имею кланяться*, – сказал я, – **прошу извинить** за беспокойство. (А.П.Чехов, Пустой случай);

– извинения за просьбу:

– *Завербуйте меня. Да, да!... Завербуйте! Простите* меня за скорую просьбу, но время деньги. Вы же контрразведчик, вам нужен результат. (Э.Г.О.Гасанов, Вербовка).

– *У вас работает человек, которого я люблю... – из глаз Женьки покатались слезы. – Простите* меня за эту дурацкую комедию... Но я хочу его видеть... (И.И.Лобановская, Жертва).

Границы извинения в роли обращения, просьбы и извинения перед вопросом определить невозможно. Например, извинения перед вопросом очень часто выступают одновременно как обращение к адресату, или извинения для введения в ситуации просьбы могут играть и роль обращения.

К случаям применения превентивных извинений относится употребление извинения с перспекцией к будущему времени, т. е. говорящий извещает адресата в такой ситуации относительно своего намерения, относящегося к будущему времени. К вышеуказанному можно отнести действие-несогласие с коммуникантом, отказ говорящего выполнять какое-л. действие в будущем или протест (нарушение максимы согласия). Например:

– *Простите, господа, – вступила в разговор Маша, – но не могли бы мы все-таки двинуться в путь? Зачем нам время попусту растрачивать, когда вы упомянули о возможной опасности?* (А.Ветер, Время крови).

Или в следующей ситуации: клиент попросил таксиста остановиться на минутку, чтобы купить сигареты, в это время к таксисту подошла девушка и попросила довезти ее до ближайшего телефонного автомата, таксист указал ей пальцем на ближайший автомат, находящийся через дорогу; когда девушка шла к автомату, ее сбила машина:

– *Я не могу ехать дальше, – сказал таксист, – вы мне ничего не должны, извините, – он пожал плечами* (И.Ю.Воронов, Исполнение самых простых желаний).

– Превентивный акт извинения можно использовать тогда, когда говорящий-извиняющийся спешит куда-то, устал или не хочет продолжать беседу. Это относится к нарушению максимы согласия, а иногда и к нарушению максимы такта:

– *Виноват, мне... мне пора ехать, – забормотал он, не поднимая глаз. – Матап, уж восемь часов!* (А.П.Чехов, Володя).

К перспективному извинению можно отнести ситуации применения формулы извинения «Постарайся/Постарайтесь про-

стить меня!»). Она характерна для прощания и разрыва отношений с кем-л.

Ретроспективное извинение

Ситуации выражения извинения вежливости за нарушение принципа Кооперации П. Грайса и принципа Вежливости Дж. Лича могут иметь как и проспективную, так и ретроспективную направленность. К случаям выражения чисто ретроспективного извинения можно отнести нижеследующие моменты:

– когда один коммуникант заставляет другого извиняться за происходящую ситуацию: его внимание на речевое/неречевое действие говорящего и, следовательно, его реакция, в том числе корректировка ошибочного речевого действия, станет поводом для ответного акта извинения. Например:

Зачем же ты уголок отшиб? – кричит Сережка и злобно тарачит на него глаза. – Зачем же ты, я тебя спрашиваю, уголок отшиб?

– **Прости**, Христа ради. (А.П.Чехов, *Художество*).

Отрицательная реакция на перебивание речи и нежелание слушать коммуниканта имеет тоже ретроспективную тональность:

– *Сорви-голова, это Маня сказала, она всегда меня называет так... – неожиданно прерывает Асю Ванечка и с тем же злоеющим видом грозит пальцем сестре, которая отрицательно трясет головой и лукаво смеется в свою очередь.*

– **Pardon!** я еще не кончила... – *останавливает Ванечку Ася. – В четвертых, что вы – хорошенький и пригоженький. В-пятых, что вы – сказочный принц* (Л.А.Черская, *Волшебная сказка*).

Извинения за словесный проступок, оговорку и ошибку в речи и, следовательно, за нарушение максимы качества носят ретроспективный характер:

– *Ну, торт говорю, триперный. (...)*

– *Ой, **извините** товарищ генерал, я хотел сказать приторный (покраснел до ушей).* (Э.Г.О. Гасанов, *Власть*).

Формулы извинения, часто содержащие понятие признание вины, греха, носят ретроспективную направленность. К ним относятся нижеследующие формулы извинения:

го о готовности исправить оплошность, употребляются обычно тогда, когда «говорящий допускает, что его слова, поступки могут восприниматься собеседником как обидные или оскорбляющие» [Балакай 2004: 189]. Формулы ⁽¹⁾ и ⁽²⁾ относятся к неофициально, обыденно-бытовой и дружеской обстановке общения и формулы ⁽³⁾ и ⁽⁴⁾ относятся к официальной речи. Например:

– *Если уж вы так оскорблены, – продолжал Николай Сергееч, – то извольте, я готов извиниться перед вами. Извините.* (А.П. Чехов, Переполох).

– «(Даже не знаю) Как мне извиниться перед Вами\тобой!» – это экспрессивная форма извинения, характерная для официальной речи [Балакай, 2004: 190]. Например:

– *Елена Васильевна, сию минуту я еду в магазины, кликну ключ, и у вас будет сегодня же сервис. Я не знаю, что мне и говорить. Как перед вами извиниться? Меня, безусловно, следует убить за сервис. Я ужасный неудачник, – отнесся он [Лариосик] к Ни- колке. – Я сейчас же в магазине, продолжал он Елене.* (М.Булгаков, Белая гвардия).

В отличие от конструкции «Виноват(-та)», которая характерна как для ситуации проявления вежливости, так и для ситуации признания вины, конструкция «Я виноват(-а) (перед вами\тобой)» употребляется только во втором случае и в постфактумной, ретроспективной тональности:

– *Я много виноват перед вами, почтеннейшая маменька, что не писал вам тотчас по моем прибывании в столицу.* (Н.В.Гоголь, Письмо М.И.Гоголь, 3 января. 1829)

– Формулой полного признания вины можно считать «Кругом виноват (-а)!»:

– *Послушайте, Василий Петрович... скажите мне откровенно, что такое с вами вчера поутру случилось?*

– *Виноват-с, Ольга Петровна, кругом виноват* (И.Тургенев, Нахлебник).

Ретроспективной формулой извинения – признания вины можно считать также формулу: «Я чувствую себя перед вами\тобой виноватым (за то, что...)!». Например:

– *Дорогой товарищ Семенов! Я чувствую себя очень перед тобой виноватым за то, что так долго не давал отзыва на твой роман «Двадцать первый год»* (А.Фадеев, Письмо А.М. Семенову, март 1939).

Признание вины и просьба простить возможны и при вопросительном тоне: «Извин(-ите)(ишь)\Прост(-ите)(-ишь) меня?». Данная форма характерна для разговорной речи. Ее усиливает вопросительная форма. Например:

– *Брат! А простишь меня? Не хошь? А? – слезливо спросил он.* (М.Горький, Челкаш).

При извинении в ситуациях признания вины для разговорного языка характерно сочетание глаголов «извиниться», «просить извинения\прощения» с глаголами движения. При этом тяжесть вины оказывается большой, так что говорящий чувствует себя неудобно и испытывает чувство греха: «Я пришел(-ла)\приехал(-а) извиниться; просить извинения\прощения.» При данных формах вина произошла в прошлом времени и осознается в настоящее время. Адресант извиняется за то, что он когда-то обидел, оскорбил своего адресата:

– *Я приехал извиниться, Тимофей Васильич, – начал он. – Я был по отношению к вам немножко нелюбезен и даже, кажется, сказал вам какую-то неприятность. Вы, конечно, поймете мое тогдашнее возбужденное состояние, вследствие наливки, выпитой у той старой канальи, и извините...* (А.П. Чехов, Рerpetuum mobile).

Форма «(Это) (В этом) (Тут) моя вина» относится к разговорному стилю и характерна для неофициальной среды, в дружеской, интимно-доверительной тональности. Лексический состав данной формулы извинения имеет склонность к полному признанию вины:

– *Но я-то жене, разумеется, не сказал, что это не она виновата, и не он виноват. Виноват тут только я, это моя вина, моя карма, мои грехи с замужними дамами. Все в жизни возвращается.* (Э.Г.О.Гасанов, Раковина Девы).

Форма «Я винюсь перед вами\тобой». Это форма признания своей вины, извинения. Синонимом может стать «Я виноват(-та) перед вами\тобой»:

– *Любовь Гордеевна. Какая гордость, Митенька! До гордости ли теперь! Ты, Митенька, не сердись на меня, не попомни моих прежних слов: это только девичья глупость была одна, я винюсь перед тобой! Не шутики с тобой шутить, а приласкать бы мне тебя, бедного, надо было.* (А.Н.Островский, Бедность не порок).

В формулах извинения «Я ошибся(-лась).» и «Ошибка вышла.» лексический состав содержит признание ошибки адре-

сантом. Данные выражения характерны для разговорного стиля и являются синонимами. Словесные компоненты «ошибка» и «ошибаться» говорят о невольной вине и, как правило, являются попыткой ее исправления. Часть сферы употребления данной формулы извинения относится к словесным проступком, к нарушению постулата качества. Акт признания ошибки может осуществляться моментально, сразу после нее. Данные формы, как правило, сопровождаются другой формулой, содержащей просьбу простить: «Виноват, ошибся», «Простите, ошибка вышла» и т.п.:

– *Ах, вы об этом... Да, конечно, это тоже в некотором роде светопреставление. Я, кажется, ошибся, извините. Вы говорите, «камни за пазухой», хотя следовало бы сказать, «нечто тяжелое в морозильнике»...* (Г.К.Честертон, Три рассказа о патере Брауне: пер. А.Кудрявицкий).

Формула «(Я) каюсь» характерна для ситуации признания вины, ошибки и сожаления о случившемся. Распространение данной формы возможно при помощи предлога «в», союзной конструкции: «в том, что...» и условной придаточной конструкции: «Если виноват(-а)\согрешил(-а)..., каюсь»:

– *...забудем все прошлое... простим друг другу... Если виноват – каюсь... Вот вам рука моя!* (В. Крестовский, Петербургские трущобы).

Для формул «Мой грех!», «Был грех!», «Есть мой грех перед вами\тобой!» и «Я грешный(-ая)» также характерна ретроспективная тональность:

– *Был грех, каюсь... Да был – молодцу не укор!.. Что ж у смерда и не похороводиться? Не думал я только, что тебе все станет ведомо* (Л.Г.Жданов, Под властью фаворита).

– *Вы меня оградить хотели? – спокойно и незлобно спросил он.*

– *Есть, ваша милость!... Есть грех наш перед вами!* – раскаянно поклонился Фомушка. (В.Крестовский, Петербургские трущобы)

– *Ой, – говорит, – а я-то, грешная, в лампадку вместо елeah керосин наливала, вот ведь дура-то, прости Господи... Чтой-то теперь будет с того, милый, а? Как думаешь?...* (А.В.Иличевский, Бутылка).

Форма выражения сожаления от случившейся вины – «Мне очень жаль, что так случилось!»:

– *Вы только что, любезная Ольга Олеговна, сказали, позвольте напомнить: Мне очень жаль, что так случилось. Надеюсь, со-*

жаление искреннее. Так сделайте же следующий шаг – извинитесь! (В.Тендряков, Ночь после выпуска).

Формулы «Не сердись\сердитесь (на меня)!» и «Вы\Ты (еще) сердитесь\сердишься (на меня)?» говорят о неофициальности ситуации общения, и, как правило, выражают извинение нижестоящего по возрасту перед вышестоящим. Вопросительная форма выражения «Вы\Ты (еще) сердитесь / сердишься (на меня)?» означает усиленную просьбу о прощении:

– ***Ты еще сердишься, Илька? Ну... прости меня... Я виновата... Я оскорбила и твоего отца и тебя... Каюсь в этом и прошу прощения.*** (А.П.Чехов, Ненужная победа);

– *Прямо – затмение... ах ты, батюшки! И как не утонули? Даже понять нельзя... Фу ты, господи!.. Ребята... вы – того... **не сердитесь, праздника ради... простите уж!.. Помутилось в уме у меня, что ли-то... Верно: я подбил... экой старый дурак...*** (М.Горький, Ледоход).

Для русской бытовой сферы характерно употребление формы «Господи, прости!»\«Прости, Господи!», особенно тогда, когда хотят сказать что-то нехорошее про человека: за словесный проступок, употребление в речи сниженных нецензурных слов или при критике. Данная форма является ситуативным покаянием. При этом вина оказывается небольшой и вольной. Данное извинение обращено к Богу, в «ты»-форме адресата. В большинстве случаев данная ситуация имеет ретроспективную тональность, а в рядов случаях наблюдается интересный момент (не ретроспективное, не проспективное извинение), а акт извинения скорее всего совершается одновременно со словесным проступком, за который говорящий извиняется:

– *На старые сапоги дают четыре пуда зерном, на новые – шесть. Какая, прости господи, юбка бабья – и на нее полтора – два пуда. Потому что Азия там, фабрик нет, а народ избалованный на разные вещи...* (А.С.Неверов, Ташкент – город хлебный).

– *Уж куда эта нехристь торопится – ума не приложу! – ругался Порша. – Крестьянин – тот к пашне рвется, а эта погань куда бежит? Робить не умеет, а туда же бежит... Чисто как лесное зверье, прости ты меня, господи!..* (Д. Мамин-Сибиряк, Бойцы).

Таковы основные моменты, при которых речевой акт извинения реализуется в ретроспективном или в проспективном значении. Там, где данный акт осуществлен в значении призна-

ния вины и греха, он имеет ретроспективную тональность. Что касается извинения-вежливости и извинения за нарушение максимум Кооперации и Вежливости, выражающие его формулы могут иметь как ретроспективный, так и в проспективный характер. Извинения-обращения, извинения в роли просьбы и вопроса имеют превентивно-проспективную направленность.

Литература

Балакай А.Г. Толковый словарь русского речевого этикета. М., 2004.

Капитонова Т.И. Как вы скажете по-русски? Учебное пособие по русскому речевому этикету для иностранных студентов I-II курсов негуманитарных вузов // Т.И.Капитонова, С.В.Захаров, М.В.Бабина\Под ред. Т.И.Капитоновой. СПб, 2008.

Новый словарь иностранных слов: свыше 25000 слов и словосочетаний. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В.М., 2008.

Ратмайр Ренате. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры\Пер. с нем. Е. Араловой М., 2003.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение. // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XVI. М., 1985.

Brown P., Levinson S.C. Politeness: Some Universals in language Usage, Cambridge, 1987.

ВЫМЫШЛЕННЫЕ ЯЗЫКИ И ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ

Конструирование вымышленных языков (ВЯ) в настоящее время выступает в нескольких формах:

- 1) игровая и экспериментальная деятельность энтузиастов лингвоконструирования (конлангеров) в Интернете (подробно см. [Сидорова, Шувалова 2006; Шувалова 2006];
- 2) создание фантастических языков для произведений литературы, кинематографа и компьютерных игр;
- 3) в некоторых университетах материал для теоретического изучения и вид практической деятельности студентов-лингвистов.

В наших работах [Шувалова 2005; 2009] обоснована значимость ВЯ как объекта научного исследования и рассмотрен ряд аспектов, в которых они представляют интерес для лингвиста – ученого и преподавателя. Данная статья посвящена обсуждению вопроса: являются ли проекты ВЯ, разрабатываемые «наивными» и профессиональными лингвистами и представляемые ими в Интернете, подтверждением так называемых *языковых универсалий* или, напротив, внешняя и внутренняя лингвистика ВЯ, возникающих по воле одного человека и ограниченных только его фантазией, заставляют усомниться в их существовании?

Дадим ответ сразу. Обширный материал, проанализированный нами, свидетельствует: ВЯ, с одной стороны, являются проявлением языковых универсалий, сформулированных для естественных языков, с другой – преодолением некоторых из них. Неограниченные универсалии (типа «Во всех языках есть согласные») реализуются в ВЯ, в то время как универсалии имплицативные («Если в языке есть свойство X, то в нем должно быть и свойство Y») с легкостью нарушаются.

Поскольку невозможно проанализировать отношение ВЯ ко всем утверждениям, постулируемым в лингвистике в качестве универсалий¹, рассмотрим лишь несколько важнейших универсалий, по работам Ч.Ф. Хоккета [Хоккет 1998] и Дж. Гринберга [Гринберг 1970].

ВЯ служат прекрасной иллюстрацией к первой языковой универсалии, сформулированной Ч.Ф. Хоккетом: «Любое человеческое общество имеет язык» (если понимать эту универсалию шире – «Любое общество

¹ Постоянно пополняющаяся база данных по языковым универсалиям университета г. Констанц (Германия) (<http://www.ling.uni-konstanz.de/pages/proj/sprachbau.htm>) в начале 2000 г. насчитывала около 1600 утверждений, касающихся разных уровней языка, претендующих на статус универсалий.

разумных существ...»). Нельзя сконструировать «немой» вымышленный мир. Более того, на практике зачастую вымышленные миры вырастают именно вокруг языка. Именно так в свое время случилось и со Вселенной великого Толкина, который писал в 1958 г. сыну Кристоферу: *Nobody believes me when I say that my long book [The Lord of the Rings – О.Ш.] is an attempt to create a world in which a form of language agreeable to my personal aesthetic might seem real. But it is true. An enquirer (among many) asked what the L.R. was all about, and whether it was an allegory. And I said it was an effort to create a situation in which a common greeting would be elen si-'la lu-'menn omentielmo ['A star shines on the hour of our meeting'], and that the phrase long antedated the book*». Так продолжает происходить и сейчас.

Вторая универсалия Хоккета: «Ни один <биологический> вид, кроме человека, не имеет языка», – преломляется в проектах фантастических конлангов весьма интересным образом. С одной стороны, многочисленны попытки изобретения языков для негуманоидных вымышленных рас, с другой – изобретателям очень редко удается учесть негуманоидное строение существ, для которых придумывается язык, в самой структуре языка. Над ними довлечет антропоцентризм естественных языков. Так, большинство создателей ВЯ априорно принимают, что речевой аппарат народов – носителей этих языков устроен по образу и подобию речевого аппарата людей и приспособлен к произнесению примерно тех же звуков и их восприятию. Более того, если сравнить звуковые системы фантастических языков с возможностями, реализованными в различных языках Земли, мы видим, что конлангеры, как правило, используют лишь малую долю этих возможностей. Они берут за основу распространенные в национальных языках звуки, указывая лишь на некоторые особенности их произношения.

В то же время *наличие у любого языка вокально-слухового канала* оказывается весьма важной универсалией для ВЯ. Создатели конлангов, выложенных в Интернете, прекрасно понимают, что никто и никогда не будет говорить на их языках-моделях, и тем не менее тщательно разрабатывают звуковой уровень, потому что без этого язык не будет языком.

Далее Хоккет утверждает: «У любого человеческого языка есть традиция». Вымышленный язык (если проект реализован, а не заброшен автором на полпути) имеет традиции двух типов: внешнюю (историю его создания и взаимоотношений с другими языками этого конлангера, поскольку многие разрабатывают не один, а несколько ВЯ) и внутреннюю (вымышленную традицию в вымышленном мире).

Как правило, приступая к созданию вымышленного языка, автор не задумывается о его истории. Он конструирует на синхронном уровне алфавит и фонетическую систему, грамматику и семантику. Если проект переходит к более разработанной стадии, то возникает вопрос не только

о развитии языка «вперед» – о добавлении новых слов, совершенствовании фонетики, графики, семантики и грамматики, но и об истории языка. Автор задумывается, какими могли быть предшествующие стадии развития языковой системы, созданной им как бы «на пустом месте», причем все ВЯ предстают перед нами уже на высокой стадии своего развития. Ни один конлангер не занимается моделированием самого начального этапа своего языка.

Тем более важна оказывается диахроническая перспектива, если вымышленный народ, использующий язык, и мир, населенный этим народом, обретают свою историю. Соответственно, в описание ВЯ вводятся элементы диахронии, того, что мы назвали бы «исторической фонетикой, грамматикой, лексикологией» или «историей литературного языка». Есть ряд типичных элементов истории языка, которые часто используются конлангерами, например, противопоставление современного ВЯ его состоянию «архаической эпохи» или противопоставление живого ВЯ языку «священных книг», например: «Фонетика алиярского языка звездной эпохи отличается упрощенной системой фонем по сравнению с архаическим языком священных книг. Кроме того, для гласных языка звездной эпохи характерен переход количественных характеристик в качественные. Произношение, различающее долготу и краткость культивируется только в среде священнослужителей и используется при чтении молитв и священных текстов... Согласные в архаическом языке делились на сильные и слабые (последние обозначаются в традиционном письме подстрочной точкой). Такое разделение строго проводится в каноническом тексте Сареджа, но в языке звездной эпохи оно сохранилось только для "j", "l", "c/h", "jj/dz(z)" и "v/w» (<http://espada.org.ru/lingva/ali.php>).

Первое место по глубине разработки диахронной проблематики занимают, конечно, исследования языков Толкина. В фундаментальном пятитомнике «Словарь эльфийских языков» Э. Ж. Клоцко привел следующую версию развития языка квэнья, послужившую для толкинистов источником дебатов и стимулом к дальнейшим лингвистическим изысканиям:

1. Протоэльфийский и общеэльдарский: 1133-1179 й. (йсен =144 солнечных года). Характерные фонетические изменения: *b* переходит в *v*.

2. Староквэнийский:
1179-1250 й. Румил создает письменность (сарати).
1200 й. При дворе короля Ингвэ возникает «ваниаризованная» (от названия эльфийского племени ваниар) форма квэнья - Ингвэа, или Ингвиквэнья.

1200-1250 й. Расхождение нолдорского (племени нолдор) и ваниарского диалектов. Ответвляются языки линдар и телери.

3. Новоквэнийский: язык эльфийского племени Нолдор в Валиноре. Феанор создает письменность (тенгвар).

Характерные фонетические изменения: *th* переходит в *s*.

3. Квэнья изгнанников с 1496 й. Используется мигрировавшим племенем нолдор.

4. Книжный квэнья. Используется дуунэдайнми в исторических и научных работах.

5. Поздний квэнья. Эпоха правления короля Элессара.

Уже в самой терминологии проявляется следование модели построения истории естественных языков: использование сложных прилагательных с корнями *proto-*, *обще-*, *ново-*; терминов, характеризующих язык с темпоральной точки зрения (*поздний*) и с точки зрения противопоставления «книжности/разговорности» (*книжный*). Следование традиции проявляется и в том, какие важные этапы развития языка считает нужным выделить автор и с какими событиями истории народа эти этапы связываются (правление того или иного короля, миграция, расхождение племен).

Обратимся далее к универсалиям, связанным с системой языка. В любом ВЯ, как и в естественном, существует грамматическая система и она является иерархической. Каждая грамматическая система ВЯ более или менее четко подразделяется на морфологию и синтаксис. Она обязательно включает дейктические элементы, в том числе обозначение говорящего и слушающего, а также служебные слова (маркеры). Любой ВЯ имеет собственные имена. Во всех ВЯ слова классифицируются по частям речи, отражая тем самым утверждение Хоккета о грамматической неоднородности словаря. Универсальными являются противопоставления «имя» – «глагол» в классах слов и «субъект – предикат» (или «тема – рема») в структуре предложения. Во всех ВЯ различаются одностепенные и двухместные предикаты.

Весьма сильно проявляются универсалии на фонологическом уровне. Если Хоккет выражает осторожное сомнение в том, что фонемы «продуктивно» считать универсалиями, то для ВЯ продуктивность фонемного членения как базового уровня конструирования очевидна. Все ВЯ следуют сформулированным Хоккетом фонологическим универсалиям.

Иная картина возникает при попытке спроецировать на ВЯ имплицативные универсалии Гринберга, в частности в области синтаксиса и морфологии. Прежде всего, ВЯ успешно преодолевают обнаруженные Гринбергом в естественных языках ограничения на сочетание тех или иных грамматических признаков. При составлении таблицы, объединявшей классификацию языков по расположению субъекта-глагола-объекта, препозитивности-постпозитивности и месту качественного прилагательного, Гринбергу пришлось констатировать, что из 12 ячеек таблицы естественными языками заполняются только 7, а 5 остаются пустыми. Конструктор ВЯ не стеснен этими ограничениями и вполне может создать язык с набором параметров, не представленным в таблице Гринберга. Какими бы причинами ни объяснялись имплицативные

универсалии в естественных языках, у конлангеров нет причин им следовать и придерживаться правил типа «Если у глагола есть категории лица и числа или если у него есть категория рода, то у него обязательно есть категории времени и наклонения» или «Если в языке есть флексия, то в нем всегда есть деривация». Однако в том случае, если универсалия сформулирована в пределах одной грамматической категории и одно из значений этой грамматической категории воспринимается как исходное, такая универсалия сохраняется в ВЯ (например, невозможность в языке тройственного числа, если нет двойственного, и двойственного, если нет множественного).

Отступление от универсалий может быть более или менее сознательным и более или менее радикальным. В книге [Сидорова, Шувалова 2006] подробно проанализирован ВЯ Келен, автор которого С. Сотомайор во время изучения лингвистики в университете задумалась о возможностях конструирования языка, максимально не похожего на человеческий. Для решения этой задачи Сотомайор решила пойти по пути устранения одной из основных языковых универсалий и реализовала проект безглагольного ВЯ.

Что же у нее получилось? Вместо большого открытого класса глаголов в Келене представлен небольшой закрытый грамматический класс частиц – показателей предикативных и смысловых отношений (relationals), в которые вступают именные группы в предложении. Сочетание подобного показателя и именной группы образует простейшую структуру предложения. Этим частиц четыре¹.

LA - показатель существования именной группы, являющейся субъектом предложения, причем эта частица указывает на существование как таковое или на существование в каком-либо состоянии или пространстве:

- существование:

la jacēla

LA bowl(N.sg.)

'There exists a bowl' или 'There is the/a bowl';

- нахождение в состоянии:

la jacēla janēla

LA bowl(N.sg.) red(N.sg.)

'There exists a bowl, a red thing' или 'The bowl is red';

- нахождение в пространстве:

la jacēla sū jatēwa

LA bowl(N.sg.) on table(N.sg.)

'There exists a bowl on the/a table' или 'The/a bowl is on the/a table'.

¹ Заметим, что значения частиц несколько модифицировались автором от одной редакции келена к другой.

С частицей *NI* основная именная группа обозначает нечто, что претерпело изменение состояния (под влиянием какого-либо каузатора или без него) или местоположения (движение):

ōrra ñi jacēla jahūwa
completed NI bowl(N.sg.) broken(N.sg.)
'The bowl broke'.

Вторая валентность *ni* может быть занята именем лица или предмета, вызвавшего изменение состояния. Имя каузатора маркируется падежным показателем *ā*. Третья валентность – именем инструмента с падежным показателем *to*:

ōrra ñamma anāmāesi antōmi to jacāta
completed NI+3p.sg.agent ants(N.co.) flat(N.co.) TO shoe(N.sg.)
'She flattened ants with a shoe.'

Частица *SE* при именной группе обозначает, что эта группа называет нечто, имеющее источник и/или цель. Второе, не обязательное к заполнению место при этой частице может быть заполнено именем источника, маркированным либо показателем *ke* (целелеполагающий источник, одушевленный источник), либо *to* (нецелеполагающий источник, неодушевленный источник, инструмент), а также именем цели, маркированным показателем *mo* (бенефициант). Например:

selre anlāsi
SE+1p.sg.src/2p.sg.goal greetings
'From me to you, greetings', или 'I give you greetings', или 'I greet you';

anelnirne jamīra
SE(prog.)+1p.pauc.src/2p.pauc.goal fright
'From us(few) to you(few), a fright', или 'We are giving you a fright', или 'We are frightening you';

temme jacōña
SE(past)+3p.sg.src/3p.sg.goal kiss
'From her to him, a kiss', или 'She gave him a kiss', или 'She kissed him'.

Частицы келена (кроме *pa*) имеют формы словоизменения, которые выражают именно те грамматические категории, которые свойственны глаголам в естественных языках. Однако набор этих форм у частиц различный.

Так, *LA* имеет следующие временные, аспектуальные и модальные формы:

la – настоящее узואльное и гномическое;

an – настоящее актуальное;

te – имперфект;

reha – будущее определенное, "will be, must be";

heja – желательность, вероятность, "should be", "ought to be";

hie – гипотетичность, возможность "could be", "might be";

wa – отрицательная форма, которая у Сотомайор представлена только в настоящем времени – "is not".

NI не изменяется по временам, аспектам и наклонениям. Но когда каузатор изменения одушевленный, тогда эта частица ставится в следующей личной форме:

AGENT	Null	1p.sg	1p.ex.pc	1p.ex.pl	1p.in.pc	1p.in.pl	2p.sg	2p.pc	2p.pl	3p.sg	3p.pl
	ñi	ñalla	ñalna	Ñalta	Ñanna	ñanta	ñarra	ñarna	ñarta	ñamma	Ñamma

Пример:

ōrra ñalla jacēla jahūwa
 completed NI+1p.sg.agent bowl(N.sg.) broken(N.sg.)
 'I made the bowl break' или 'I broke the bowl'.

Для разных вариантов семантических отношений каузатора и пациенса существуют дополнительные правила изменения *ni*, включая взаимодействие с частицей *se*.

Частица *SE* получает личные формы, если любой из ее актантов одушевленный. Кроме того, *SE*, подобно *LA*, изменяется по временам:

s(e) - настоящее узуальное и гномическое;

an – настоящее актуальное;

t(e) – имперфект;

reh – будущее определенное;

hej - желательность, вероятность;

hi(e) – гипотетичность, возможность;

Вместо отрицательной формы используется частица *wā* в конце предложения:

temme jacōña wā
 SE(past)+3p.sg.src/3p.sg.goal kiss (neg.)

'From her to him, a kiss, not', или 'She didn't give him a kiss', или 'She didn't kiss him'.

Частица *pa*, как уже было сказано, не изменяется.

Таким образом, в сочетании с небольшим числом падежных показателей, например, *ke* – для агенса и исходного пункта или каузатора движения, *to* – для конечного пункта или цели и т.п., частицы келена дают возможность устанавливать отношения между именными группами в предложении. Поскольку относительные частицы выражают также время и лицо, их можно, по мнению создательницы языка, рассматривать как связки, что не делает келен более «человеческим». Ведь неизвестно ни одного человеческого языка, где было бы более одной асемантической связки или где существовали бы связки при отсутствии глаголов.

Можно ли признать, что Сотомайор действительно удалось преодолеть одну из языковых универсалий и создать язык без глаголов? И что тогда понимается под *глаголом*, если перечисленные частицы автор ВЯ отказывается причислить к этому классу? С семантической точки зрения, эти единицы являются, хотя и весьма общими, выражениями

пропозиций, создают при себе набор актантных позиций. С грамматической точки зрения, они предикативны в полном смысле этого слова: выражают отношения между субъектом (преддицируемым компонентом) и приписываемым ему признаком, а также отношения между говорящим и содержанием предложения в предикативных категориях времени, модальности и лица. Поэтому скорее можно говорить об ином понимании глагольности и особом составе класса глаголов в келене, чем о безглагольности этого ВЯ. Преодолеть языковую универсалию подобного рода не так-то просто, вероятно, даже невозможно.

Итак, и в отношениях с лингвистическими универсалиями, как и в других аспектах, ВЯ оказываются для лингвиста не только объектом, но и инструментом исследования, с помощью которого мы постигаем как существенные черты языка вообще и отдельных языков, так и характер осознания этих черт человеком. Этим лингвоконструирование отличается от тех обычных «применений языка», общим свойством которых Э. Бенвенист считал «неосознанность языка»: «Одно [общее свойство применений языка – О.Ш.] заключается в том, что сам факт языка при этом остается, как правило, неосознанным; за исключением случая собственно лингвистических исследований, мы очень слабо отдаем себе отчет о действиях, выполняемых нами в процессе говорения» [Бенвенист 1974: 104].

Кроме того, можно предположить, что в лингвоконструировании имеет место иное соотношение между категориями мышления и категориями языка, чем в естественных языках. Размышляя о соотношении языка и мышления, Бенвенист пишет: «Представляется удобным приступить к решению проблемы исходя из «категорий», играющих посредствующую роль между языком и мышлением. Они предстают не в одном и том же виде в зависимости от того, выступают ли они как категории мышления или как категории языка. Само это расхождение уже может пролить свет на сущность и тех и других. Например, мы сразу отмечаем, что мышление может свободно уточнять свои категории, вводить новые, тогда как категории языка, будучи принадлежностью системы, которую получает готовой и сохраняет каждый носитель языка, не могут быть изменены по произволу говорящего» [там же]. Творцы ВЯ изобретают не просто новые формы для готовых категорий, они могут «свободно уточнять» категории и «вводить новые», поскольку не получают систему языка готовой. Будучи не стесненными готовой системой языка, создатели ВЯ, в большинстве своем, «не стеснены» и строгими правилами современного лингвистического знания, что дает как отрицательные эффекты (например, непоследовательность, нарушения логики, терминологические несоответствия в грамматиках), так и положительные: не зная об имплицативных универсалиях или игнорируя их, конлангеры создают модели языков с необычными сочетаниями

категорий, демонстрируя возможность существования языковых систем, нарушающих эти универсалии.

Анализируя ВЯ, мы можем понять, какие свойства языка наилучшим образом осознаются людьми, какие представляются наиболее важными и стабильными, какие вызывают желание творчески их переработать. В лице конлангеров, которые не являются профессиональными лингвистами, специалисты-языковеды имеют возможность изучать в процессе языкового творчества людей, с одной стороны, являющихся «наивными говорящими», с другой – лингвистами-любителями, приобщившимися к языковедческой теории.

Литература

- Бенвенист Э. Общая лингвистика (под ред. Ю.С. Степанова). М., 1974
- Гринберг Дж. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. М., 1970
- Сидорова М.Ю., Шувалова О.Н. Интернет-лингвистика: вымышленные языки. М., 2006
- Хоккет Ч.Ф. Проблема языковых универсалий // Хрестоматия по курсу «Введение в языкознание». М., 1998. С. 79-88
- Шувалова О.Н. Креативность языковой личности или психическое отклонение? Вымышленные языки вымышленных миров // Пушкинские чтения. СПб, 2005. С. 314 – 316.
- Шувалова О.Н. Автореферат диссертации « Вымышленные языки в Интернете» (специальность 10.02.19 – теория языка). М., 2006.
- Шувалова О.Н. Конструирование языков в свете лингвокультурной оппозиции «свой-чужой» // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты. Ростов-на-Дону, 2009. С.266-268

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

А.А. КОРОСТЕЛЁВА

К ВОПРОСУ О ДОПУСТИМОЙ СТЕПЕНИ РАСХОЖДЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРЕВОДНОГО ФИЛЬМА И ОРИГИНАЛА (“Катынь” А. Вайды)

В данной работе мы намерены рассмотреть случай радикальной коммуникативной интерпретации переводного кинодиалога, служащий примером недопустимой модификации исходных коммуникативных параметров (отход от заложенных в оригинале параметров вплоть до полной антонимии), и проанализировать его с точки зрения тех языковых средств, которые порождают названный эстетический эффект.

Исследование выполнено методом семантического анализа коммуникативной системы языка, основы которого изложены в работах М.Г. Безяевой [Безяева 2002, 2004 а, б, 2005 а, б]. Этот подход предполагает противопоставление в рамках системы языка *номинативного* и *коммуникативного уровней*. Номинативный уровень связан с введением информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего. Семантика коммуникативного уровня связана с *позицией говорящего, позицией слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуацией*. Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия *целеустановки, вариативного ряда структур*, ее выражающих, и *инвариантных параметров средств*, формирующих эти структуры. Инвариантные значения коммуникативных единиц подчиняются определенным законам реализации (алгоритм антонимического развертывания параметров и возможность отнесенности к позиции говорящего, слушающего и к ситуации). Средства коммуникативного уровня языка могут быть разделены на две группы: это *собственно коммуникативные средства*, для которых функция выражения коммуникативных значений является первичной (частицы, междометия, интонация, порядок слов), и *средства, которые могут передавать номинативное содержание высказывания*, но способны также участвовать в формировании значений коммуникативного уровня (полнозначные лексические единицы, части речи и грамматические категории – вид, время, число, падеж).

При анализе интонационных средств мы используем метод интонационной транскрипции, разработанный Е.А. Брызгуновой [Брызгунова 1980, 1982].

Средства звучания наряду с частицами и междометиями входят в группу собственно коммуникативных единиц, которая наиболее ак-

тивно задействуется при создании коммуникативной дорожки переводного фильма в русском языке. Обладая собственной строго определенной семантикой, интонация и другие средства звучания могут очень серьезно влиять на характеристики персонажей, формируя значительно отличающиеся от оригинальных образы и взаимоотношения героев. При этом сама специфика коммуникативной интерпретации оправдывает и “узаконивает” значительные расхождения трактовок оригинальной и переводной речевых дорожек на коммуникативном уровне.

Допустимой при переводе можно считать такую коммуникативную интерпретацию, при которой интерпретаторы сохраняют некий общий взятый из оригинала параметр, ключевой, с их точки зрения, на данный момент для характеристики соотношения позиций говорящего, слушающего и ситуации; при этом они могут модифицировать его вплоть до антонимии и приращивать к нему дополнительные коммуникативные семы. Присутствовавшие в оригинале дополнительные коммуникативные семы при этом могут исключаться либо также модифицироваться. Недопустимая коммуникативная интерпретация при переводе возникает тогда, когда подменяется даже этот наиболее общий параметр, то есть из коммуникативной системы исходного языка не берется ничего, оригинал оказывается полностью отвергнут.

Можно было бы предположить, что для создания такой диаметрально противоположной трактовки широко задействуются различные группы средств, причем не только коммуникативных, но также и номинативных. Однако наблюдения показывают, что это не так. Ниже приводится анализ эпизода из фильма Анджея Вайды “Катень” (2007), показывающий, что полярно противоположная оригинальной трактовка может вырастать в переводе исключительно из средств звучания, при минимальной роли других единиц – как коммуникативного, так и номинативного уровней.

Польша. Конец Второй мировой войны.

К вдове генерала, расстрелянного в Катень, приходит ее бывшая домработница Стася.

Польский оригинал

Эва, дочь генеральши: Mamó, zobacz, kto przyjechał! Nasza Stasia się znalazła. A jaka elegancka!

Генеральша: Stasia! (Обнимаются). No, i przeżyłyśmy.

Стася: Tak. Przeżyłyśmy.

Генеральша: Siadaj. Martwiłyśmy się o ciebie.

Стася: No... ciężko było. Musieliśmy się ukrywać. Mąż... siedział w lesie... Był w Armii Ludowej.

Генеральша: Możemy Stasi jakoś pomóc?

Стася: Nie, dziękuję. Nie trzeba, teraz u mnie zupełnie inaczej. Edek... mój mąż... wiele teraz może.

Генеральша: Bo tu zostały rzeczy Stasi, w spiżarni, cały kuferek. Ewa, idź przynieś. W schowku!

Стася: Pani generałowo, chciałam... pani pamięta... Chciałam otdać. Powiedziałam, że przechowam – to przechowałam. Proszę.

Эва: A co nam Stasia przywiozła? (*Разворачивает сверток*). To szabla taty.

Генеральша: Bardzo ci dziękuję. (*Уходит в другую комнату*).

Стася: To ja już pójdę.

Эва: Stasiu, twój kuferek.

Стася: Nie, nie... nie. To na Czerwony Krzyż trzeba otdać, na biednych. Męża na starostę wyznaczili do Piotrkowa... No to trzeba jechać!

На улице. Муж Стаси, Эдек, ждет ее возле машины с шофером.

Эдек: Już myślałem, że postanowiłaś na służbie zostać!

Стася: No ale co ty, Eduś, całą wojnę pani generałowej nie widziałam... i...

Эдек: Panią to jesteś ty, pani starościno!

Перевод польской версии

Эва, дочь генеральши: Мама, смотри, кто приехал! Наша Стася нашлась! А какая нарядная!..

Генеральша: Стася! (*Обнимаются*). Видишь, мы пережили это все.

Стася: Да. Пережили.

Генеральша: Садись. Мы беспокоились за тебя.

Стася: Ну да... тяжело пришлось. Скрываться приходилось. Муж... был в лесу... воевал в Армии Людовой.

Генеральша: Стася, мы можем тебе помочь чем-нибудь?

Стася: Нет, спасибо. Не нужно, сейчас у меня совсем все по-другому. У Эдека, моего мужа, теперь большие возможности...

Генеральша: А то у нас тут твои вещи, Стася, остались в кладовке, целый сундучок. Эва, сходи принеси. В тайнике!

Стася: Госпожа генеральша, я хотела... вы помните... Хотела отдать вам. Я обещала, что сохранию – и сохранила. Вот.

Эва: А что нам Стася привезла? (*Разворачивает сверток*). Это папина сабля.

Генеральша: Благодарю тебя. (*Уходит в другую комнату*).

Стася: Ну, я уже пойду...

Эва: Стася, а сундучок?

Стася: Нет-нет. Это в Красный Крест надо отдать, для бедных. Мужа назначили в Пётрков старостой... Ну все, надо ехать!

На улице. Муж Стаси, Эдек, ждет ее возле машины с шофером.

Эдек: А я уж думал, ты там решила опять в услужение поступить!

Стася: Да что ж это ты, Эдек, я ж ведь всю войну не видела госпожу генеральшу, и...

Эдек: Госпожа теперь – это ты, госпожа супруга старосты!

В оригинальном звучании присутствует ряд приемов (не специфически польских, но близких к универсалиям), характеризующих взаимоотношения участниц диалога: это продвижение гласных вперед при улыбке (радость Эвы при виде Стаси), дрожание голоса от плача (Стася), повышение фонетического регистра как средство интимизации регистра общения, убыстрение темпа речи, отражающее заинтересованность говорящих в предмете разговора. Так, например, говоря: “То па Czerwony Krzyż trzeba oddać, na biednych” (*Это в Красный Крест надо отдать, для бедных*), – актриса использует повышение фонетического регистра в конце высказывания при нейтральном темпе речи и удлинение ударного гласного в слове “biednych”, что формирует искреннюю заинтересованность героини в этом благодеянии для бедных развития событий.

В польской версии речевое поведение Стаси, которая неожиданно в результате создания новой Польши и связанных с этим изменений в обществе оказалась хозяйкой положения (из прислуги стала “госпожой”), чрезвычайно деликатно. Она ни в коем случае не подчеркивает произошедшей перемены, ведет себя в отношении вдовы генерала “как обычно”, не меняя привычной манеры общения. Только финальный аккорд сцены заостряет вопрос о “перестановках” в социуме: муж Стаси, Эдек, который раньше был шофером у генерала, а теперь ездит в машине с собственным шофером, совершенно эксплицитно указывает жене на то, что госпожа теперь – она, Стася (в то время как положение вдовы генерала Армии Крайовой переосмысливается новым обществом как маргинальное).

Есть здесь и еще один аспект: в оригинале Стася совершенно явно старается избегать всякой акцентуации того факта, что муж генеральши погиб, в то время как ее собственный муж здоров и обеспечивает достаток в семье. Ее упоминания о муже не самоцель, не утверждение своего статусного превосходства, это никоим образом не подчеркивание самого факта наличия у нее мужа, да еще такого преуспевающего в изменившиеся времена. Каждое такое упоминание у нее обусловлено необходимостью (без этого не объяснить, что она делала в годы войны, почему она не нуждается сейчас в материальной помощи, почему ей срочно надо ехать). Так, в высказывании: “Edek... mój mąż... wiele teraz może” (*У Эдека... моего мужа, теперь больше возможности...*) оборот *mój mąż* выполняет роль пояснения: Стася тактично напоминает, кто такой Эдек, полагая, что собеседница не обязана помнить его имя.

О новом распределении ролей, о строящемся в Польше новом социалистическом обществе, в котором все будет перевернуто с ног на голову, нас заставляет подумать не поведение Стаси – простой и доброй

женщины, которая никак не переменяла своего отношения к генеральской семье, а значительно более тонкая и сложная цепочка ассоциаций, требующая от зрителей размышления, сопоставления, интеллектуальных усилий. Это придает фильму объем и глубину в глазах зрителя, которому предоставили возможность “своим умом” дойти до словно бы неочевидных выводов и исторических обобщений, показав всего лишь краткий разговор двух героинь – причем разговор об их собственных бедах и заботах, а отнюдь не о судьбах страны. Это один из приемов, обеспечивающих фильму художественный характер, создающих зазор между тем, что на экране, и тем, о чем непременно подумает зритель при восприятии картины, но подумает сам, без нарочитого “наталкивания на мысль”, – и тем ценнее для него будет полученное впечатление.

Русский звучащий перевод

Ева, дочь генеральши: Мама! // Смотри, кто приехал! // Наша
₂ ^{2³} ²
 Стася объявилась // . А какая элегантная! //
₂ ⁶

Генеральша: Стася // . (Обнимаются). Ну мы и пережили! //
₂ ^{1²} ⁶

Стася: Да уж // . Пережили // .
₂ ^{2ΛΛ}

Генеральша: Садись // . Мы беспокоились о тебе // .
₇ ²

Стася: ↑ Ах, / [т'а]жело было! // ↓ > –Мы должны были скры-
₄ ⁶ ⁶
 ваться... // → Муж сидел в лесах, / → был в Народной армии... //

Генеральша: Стася! // Как мы можем тебе помочь? //
^{2¹} ⁶

Стася: ↑ Не-ет, / < ↑ не нужно, / спасибо // . Сейчас у меня все
₂ ^{6³} ^{∩2¹} ² ³ ⁷ ³
 совсем по-другому // . Ежи¹, / мой муж... / сейчас многое может
 // .

Генеральша: Тут остались твои вещи, / Стася, / целый сундучок
₂ ² ² ^{1²}
 // . Ева, / иди принеси // . В тайнике // .
_{2³} ⁶ ³

Стася: Госпожа, / я хотела... // Вы помните? – / я хотела отдать
₆ ^{3²} ² ²
 // . Я сказала, что сохранию, – / и я сохранила! // Пожалуйста // .

¹ Ежи (вм.: Эдек) – ошибка актрисы озвучивания.

Отодвинутые назад гласные в речи Стаси – это прием, создающий сильнейший эффект дистанцирования с оттенком надменности: рассказывая, казалось бы, о своих горестях и тяготах, говорящий в то же время подчеркивает расстояние между собой и слушающими, вовсе не намерен эмоционально сближаться с ними. Что бы ни выпало на долю Стаси в войну, она постоянно дает понять между строк: ‘как бы там ни было, мы – это не вы, наши дела вас не касаются, вы нам не чета’. Встречающаяся в перечислении ИК-4 может дополнительно поддерживать эффект дистанцирования, но в основном он сформирован сегментными средствами.

Отказываясь от помощи, Стася в русском озвучании обливает презрением всех, кто смеет предположить, что ей нужна помощь (в отличие от оригинала, где ничего подобного не происходит).

$\overset{6^3}{\text{He-ет,}} \quad / \quad \overset{\wedge 2^1}{\text{<}} \quad \uparrow \quad \text{не нужно,} \quad / \quad \overset{_2}{\text{спасибо}} \quad //.$

$\underset{3}{\text{У}} \quad \underset{2}{\text{все}} \quad \text{совсем} \quad \text{по-другому} \quad //.$

$\underset{3}{\text{Ежи,}} \quad / \quad \underset{2}{\text{мой муж..}} \quad / \quad \underset{7}{\text{сейчас}} \quad \text{многое} \quad \text{может} \quad //.$

Высокий фонетический регистр в первых двух синтагмах выделяет информацию как сверхзначимую (‘обратите внимание, я не просто так говорю «нет»’), значение модальной реализации ИК- $\wedge 2$ с небольшим всплеском в предцентре раскрывается в данном случае как ‘вопреки вашему представлению о том, что я якобы должна нуждаться в помощи, я в ней нимало не нуждаюсь’, удлинение гласного передает стремление говорящего воздействовать на слушающего (‘успокойтесь, ваша помощь не требуется’) и одновременно привносит иронический смысл ‘я впечатлена вашим щедрым предложением (то есть вовсе не впечатлена)’. Формированию мощного оттенка презрения служит напряженное произнесение [с] в слове “спасибо”. Далее дважды повторенная ИК-3 призывает собеседницу сориентироваться на реальное положение дел, усвоить то, чего она, по-видимому, недопонимает, а с этой целью – прислушаться к вводимой далее информации. ИК-2 на слове “муж” дает разительное отличие от оригинала, где слова *mój mąż* (“мой муж”) вводились как нейтральное пояснение; она образует значение ‘реализован именно этот вариант, у меня в мужьях человек непростой, запомните получше, каков мой муж’, – это самоутверждение. Наконец, смычка на гласном центра в последней синтагме передает типичное русское презрение, базирующееся на идее расхождения позиций говорящего и слушающего (‘вы и не представляете, насколько многое в его власти, а вот мне это хорошо известно’).

Безразличие и подчеркнутое презрение ко всем участникам ситуации звучат в отказе Стаси забрать сундучок:

Ева: Стася, / твой сундучок // .
 \ \ 2

Стася: Нет-нет-нет, / это нужно отдать в Красный Крест, / для
| 1
бедных // .

С помощью замедления темпа речи героиня демонстрирует свою незаинтересованность в предмете разговора, а удлинение смычки [б] в слове “бедных” отражает презрение Стаси к беднякам.

Наконец Стася переходит к тому, для чего она в действительности явилась в этот дом – к сообщению о получении мужем должности, в самом деле связанной с большой властью: “Мужа назначили старостой

⁶
/ в Петркове // . Надо ехать!” . Напомним, что кульминацией визита Стаси и моментом ее торжества это оказывается только в русской интерпретации, ничего подобного нет в польском, где соответствующее высказывание связано скорее со смущением, неловкостью Стаси за свое неожиданное благополучие. В русском высказывании ИК-6 с удлинением призывает собеседниц обратить внимание на опущенную в данном случае закадровую информацию, известную как говорящему, так и слушающим (‘должность старосты – вы, конечно, представляете себе, что это означает’), а всплеск тона в “надо ехать!” формирует напоследок великолепное лицемерие (‘вопреки моему нежеланию ехать туда, где меня ждет роскошная жизнь, я все-таки должна’; нежелание, разумеется, ложное).

Переосмыслен также и финальный обмен репликами:

Эдек: Я уж подумал, что ты решила вернуться к ним на службу // .
 2 2 \ 5 \
Стася: Ну что ты, / Эдек, / я ведь всю войну ее не видела! //

Здесь совершенно исчез эффект, очевидный в оригинале – тихая, убыстренная, захлебывающаяся, полная робкого возмущения речь Стаси – “Да что ж это, да как же ты, Эдек, я ж ведь всю войну не видела госпожу генеральшу!..”. В этой реплике соединяются две тенденции: Стася не хочет лишний раз сердить мужа (появляется ласковая уменьшительная форма его имени – Eduś), но в то же время считает себя вправе возразить, уж очень он, с ее точки зрения, неверно смотрит на ситуацию. В польской версии, таким образом, заметно расхождение позиций Стаси и ее мужа: это он считает, что навещать теперь генеральшу, да еще и задерживаться у нее унижительно для их нового статуса, для самой же Стаси это естественно и необходимо. В русской версии это значимое противопоставление позиций Эдека и Стаси отсутствует.

Высокомерие, презрение, нарочитое подчеркивание перемены социальных ролей и обретенного превосходства над собеседницей в речи Стаси меняют не только отдельно взятый образ и не только ощущение от эпизода. В оригинале зрителю предоставлялось самому осмыслить, додумать, что стоит за показанным ему разговором, сделать обобщения, услышать за несколькими скупыми репликами поступь истории. В русской версии ему навязывают уже проинтерпретированный материал, из которого сделаны все выводы, зазор между сказанным и подразумеваемым исчезает, остается бьющая в глаза очевидность. Это представляет замысел режиссера и сценариста более плоским, чем он был в действительности.

Таким образом, наиболее базовая характеристика взаимоотношений говорящего и слушающего, которую можно извлечь из оригинального диалога (хотя социальные роли собеседниц изменились, их человеческие отношения остались прежними), оказывается отвергнута и заменена антонимичной при переводе. Такое расхождение в интерпретации характера было бы нормально для двух разных театральных постановок одной пьесы или для двух независимых экранизаций книги, но не тогда, когда две версии связаны отношениями оригинал – перевод. Наиболее примечательно при этом то, сколь малыми средствами достигаются описанные выше последствия для фильма: все коммуникативные средства, повлиявшие на образ, – это средства звучания, причем отнюдь не сводимые к интонации (в ряде случаев “убийственная” семантика обеспечивается фонетическим регистром высказывания, продвижением гласных вперед – назад, удлинением смычки согласного и под.). Ярчайшая (и даже недопустимая) коммуникативная интерпретация возникает благодаря работе одной скромной подгруппы единиц в рамках группы собственно коммуникативных средств. Многие из этих, столь “влиятельных”, как оказывается, средств находят свое отображение только в усложненной интонационной транскрипции, то есть их разрешено опускать при записи звучащей речи.

Литература

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

Безяева 2004а – Безяева М.Г. Ситуация как компонент коммуникативного значения// Вопросы русского языкознания. Вып.11. Аспекты изучения звучащей речи. М., 2004.

Безяева 2004б – Безяева М.Г. Принципы формирования значений русских коммуникативных конструкций// Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка... Труды и материалы. М., 2004.

Безяева 2005а – Безяева М.Г. Коммуникативные параметры. Формирование и “механизм” реализации (материалы к словарю коммуникатив-

- ных средств)// Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов. Материалы Международной научной конференции 24-27 апреля 2005 г. Волгоград, 2005.
- Безяева 2005б — Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия)// Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. М., 2005.
- Брызгунова Е.А. Русская грамматика. §§ 1-2, 15-171, 1900, 1918, 1923, 1925, 1936, 1947, 1951, 2125-2127, 2223-2230, 2629-2640, 3189-3194. Т. 1. М., 1980. Т. 2. М., 1982.
- Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
- Коростелева А.А. О роли коммуникативных средств в формировании двух образов одного персонажа// Слово. Грамматика. Речь. Вып. VI. М., 2004.
- Коростелева А.А. Об отборе коммуникативных средств при формировании жанровой принадлежности переводного фильма// Слово. Грамматика. Речь. Вып. VIII. М., 2006.
- Коростелева А.А. Проблема эстетической интерпретации образа средствами русского и польского языков (Вилли Вонка в к/ф “Чарли и шоколадная фабрика”)// Теория и практика звучащей речи. Вильнюс, 2007.
- Коростелева А.А. О роли средств коммуникативного уровня русского языка в интерпретации переводного фильма (“Rain Man” – «Человек дождя»)// Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. № 6, 2007.
- Коростелева А.А. Об особенностях коммуникативной интерпретации переводного фильма в русском, польском и ирландском языках// Слово. Грамматика. Речь. Вып. X. М., 2008.

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ РОЛЬ КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ В КЛАС-
СИЧЕСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ (ОРИГИНАЛ И
АДАПТАЦИЯ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ)

Коммуникативный уровень языка (в отличие от номина- тивного, задача которого – отражать информацию об объектив- ной действительности) отражает соотношение позиции говоря- щего, позиции слушающего и ситуации¹. Естественной формой существования этого уровня является звучащая диалогическая речь. В художественном произведении диалог выполняет важную роль – характеризует героев, раскрывает замысел автора.

В иностранной аудитории определенного уровня подго- товки представляется невозможным ознакомить учащихся со всей полнотой текста художественного произведения, требуются адаптации. Как правило, адаптирование представляет собой упрощение лексического, синтаксического материала, часто под сокращение или изменение попадают так называемые разговор- ные элементы и конструкции, относимые традиционной лингви- стикой к «междометным фразеологизмам» или «неразложимым сочетаниям».

С нашей точки зрения, грамотный подход к преподава- нию основ коммуникативного уровня позволит объяснить подоб- ные сочетания достаточно просто² и избавит от необходимости калечить авторский текст.

¹ Под *позицией говорящего* и *позицией слушающего* понимаются «физические, ментальные, коммуникативные действия участников общения как некая обобщенная данность», под *ситуацией* – «некие обстоятельства, которые воспринимаются говорящим, осознаются и квалифицируются им в том или ином аспекте, на который реагирует язык при формировании значения конструкций» [Безьева 2005:113]. Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия *целустановки*, *вариативного ряда структур*, ее выражающих, и *инвариантных параметров средств*, формирующих эти структуры.

² «Осознание коммуникативного уровня языка как особой семантической систе- мы имеет как теоретические, так и практические следствия в преподавании и русском, и иностранным студентам»; «это особенно важно для практики препо- давания РКИ, т.к. только знание и сопоставление семантических параметров конструкций позволяет избавить студентов-иностранцев от механического за- учивания структур, давая нить их использования в звучащей и письменной ре-

Знание алгоритма развертывания коммуникативных значений позволит почувствовать оригинальное художественное произведение, разовьет не только чувство языка, но и чувство прекрасного, эстетическое чутье учащихся. «Коммуникативная семантика позволяет увидеть способность коммуникативных средств «литературоведчески» точно акцентировать или вводить главные темы произведения, объяснить коммуникативные способы формирования главной черты характера героя или динамику изменения личности, показать модификацию отношений собеседников» [Безяева 2010: 751].

Работы школы семантического анализа коммуникативного уровня русского языка ([Безяева 2002, 2005, 2010], [Коростелева 2009], [Чалова 2006], [Балдова 2009] и др.) доказали, что правомерно говорить о функциональной роли коммуникативных средств в художественном произведении, или об их эстетической роли. Коммуникативные средства могут вносить существенный вклад в создание характеров героев, определенным образом высвечивать отношения персонажей, нагнетать напряжение, заострять или сглаживать конфликт в отдельных ситуациях и в произведении в целом. «Знание семантических особенностей коммуникативных структур позволяет объяснить эстетические текстовые эффекты, т.к. именно средства коммуникативного уровня по своей семантической природе (отражение соотношения позиций говорящего, слушающего, ситуации) призваны выстраивать отношения героев. При этом взаимоотношения между персонажами формируются не только выбором системы целеустановок, но, и прежде всего, коммуникативными параметрами конструкций, реализующих данные целеустановки, в том числе и в письменных текстах» [Безяева 2005: 128]. Истребление коммуникативных средств при создании адаптаций только на первый взгляд проходит незаметно, на самом деле теряется и глубина, и красота произведения.

чи», «не вызывает сомнения факт необходимости ввода семантического описания этого материала уже на начальном этапе параллельно с фактами номинативного уровня, необходимость чего кратно увеличивается для студентов, находящихся в среде естественных носителей языка, независимо от осваиваемой специальности, т.к. этот материал обеспечивает для них возможность общения» [Безяева 2005: 126].

Рассмотрим примеры функционирования коммуникативных единиц в повести А.С.Пушкина «Станционный смотритель» и рассказе А.И.Куприна «Куст сирени».

А) А.С. Пушкин, «Станционный смотритель»

Главный герой повести – во-первых, живой и сложный образ (размышление о ситуации и о жизни, признание собственных ошибок, самоирония), во-вторых, настроенный на свою любимую дочь отец (мысленное единение с дочерью, попытка влиять на нее для ее же блага), и, в-третьих, очень русский, народный характер (стремление разделить с миром свою боль, выплакать ее, покаяться). Обо всем этом говорят коммуникативные средства его реплик, которые невозможно, нельзя сократить. Причем, достаточно остановиться на некоторых примерах, чтобы понять это.

Вот как Самсон Вырин реагирует на вопросы рассказчика о судьбе его дочери Дуни. С самого начала читатель оказывается заинтригованным, вовлеченным в некую трагическую историю, весь смысл которой становится понятен лишь к концу произведения.

Оригинал	
Так вы знали мою Дуню? Кто же и не знал ее? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка-то была!... А я-то, старый дурак, не нагляжусь, бывало, не нарадуюсь; уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье?	
Адаптация 1	Адаптация 2
Так вы знали мою Дуню? Кто же и не знал ее? Ах, Дуня, Дуня! Что за девка была!... А я, старый дурак, не мог наглядеться, нарадоваться на нее.	Так вы знали мою Дуню? Ах, Дуня, Дуня! Какая же девушка была! Бывало, кто не проедет, каждый похвалит. А я-то, старый дурак, так радовался, когда смотрел на нее, так любил свою Дуню.

Так реализует значение несоответствия информации (того, что случайный проезжий, незнакомый человек спрашивает героя о его дочери) представлениям говорящего о норме, но очень быстро Вырин понимает, что на самом деле ситуация как раз соответствует норме, т.к. его красавицу-дочь запоминали все, кто хоть раз ее видел. (Об этом говорит следующее высказывание

(*Кто же и не знал ее!*¹): с помощью **же и** говорящий маркирует, что должное (его собственное понимание соответствия ситуации норме) не имело места, по аналогии с другими подобными ситуациями (многие проезжающие до этого интересовались Дуней, знали ее)). Этой репликой герой Пушкина возобновляет прерванный диалог с рассказчиком, надеясь на некие бенефактивные для него следствия из этой ситуации (он может обсудить то, что для него важно, с этим человеком).

Не зная еще того, что случилось с героями повести, читатели понимают, что дальнейшие события изменили всю их жизнь: **ах** внезапно сводит на нет всю предшествующую информацию (то, как счастлив отец был с умницей Дуней) и показывает, что Вырин до сих пор не смирился (непосредственность восприятия) с тем, что случилось потом, что помешало добиться желаемого (дальнейшего счастья до конца своих дней).

Что за девка-то была! – говорящий знает ситуацию в целом (**что, прошедшее время**): представляет счастливое единение семьи в прошлом и последовавшую трагедию, констатирует несоответствие поведения Дуни своим представлениям о норме ее поведения (**-то**). Предложенное в другой адаптации **Какая же девушка была!** – смягчает (девка – девушка), обесцвечивает, обедняет речь – говорит об отсутствии вариантов, о знании героем того, какой (положительной, как и должно было быть) была его дочь.

Переходя от оценки дочери к оценке себя самого (**а я-то**), герой признает, что и его поведение не соответствовало норме (рано радовался). Все произошедшее глубоко затрагивает личную сферу говорящего. Эти смыслы, вносимые коммуникативным – **то**, могут ускользнуть от понимания читателей адаптации. Буду-

¹ Можно предположить, что коммуникативные средства со времен Пушкина несколько изменили свои значения или их реализации. Возможно, иной стала сочетаемость коммуникативных единиц. Так сочетание **же и** в реплике **Кто же и не знал ее!** – кажется не очень естественным с современной точки зрения. На наш взгляд, при желании адаптировать текст для иностранной аудитории (с минимальными изменениями и максимальной адекватностью) можно было бы заменить эту фразу, например, на **Да кто же не знал ее!** – где **да** признает соответствие поведения собеседника ситуации (он запомнил Дуню, как и многие другие). Именно это значение адапторы стремились передать добавленной репликой: *Бывало**, *кто не проедет, каждый похвалит* (**бывало* – было не один раз – комментарий адаптаторов). Можно обойтись здесь и лаконичным **Кто ее не знал!** (как в популярной песне: «Конечно, Вася! Кто его не знает!»).

щее время (не нагляджусь, не нарадуюсь) в оригинале показывает понимание говорящим того, что совсем не обязательно было радоваться тогда, его горькую самоиронию. В то время как в адаптации с помощью *инфинитивов (не мог наглядеться, нарадоваться на нее)* говорящий дистанцируется и нейтрально ориентирует слушающего на норму. Другой вариант адаптации предлагает *так+прошедшее время (так радовался, так любил свою Дуню)* – отражает соответствие норме поведения (любви) говорящего и намекает на возможные следствия, которые скорее всего небенефактивны (в соседстве с номинативным саморазоблачающим *старый дурак*). Вторая адаптация представляется более адекватной авторской идее: здесь есть *свой (свою Дуню)*, подчеркивающее затронутость сферы интересов говорящего при расхождении позиций (одно думал раньше, другое думает сейчас).

Русский народный плач, причет слышится в финале исповеди героя. *Уж я/ей ли/ль не...* – ритмизированные повторы, как волны прибоя, выносят на слушателя боль преданного любимой дочерью отца. *Уж* – призыв (обращенный к собеседнику, к Дуне, к Богу, в конце концов) учесть позицию говорящего, учесть объективные обстоятельства его жизни: он в действительности реализовал тот вариант развития событий, к которому был склонен (любил Дуню, лелеял ее), но собеседник и сама Дуня могут сомневаться в подлинности этого (*ли*). Так эмоционально герой размышляет и убеждает. Все вместе это и довольно мягкий упрек, и открытый поиск сочувствия, над которыми доминирует непреходящая боль героя¹.

В бытовой сцене проводов офицера (с которым тайно от отца решила ехать Дуня) в адаптированных высказываниях Вырина потеряны вроде бы незначительные элементы смысла:

Адаптация – Оригинал

Чего ты боишься? – Чего же ты боишься?

¹ Даже в тех местах оригинала, где вся красота русских конструкций все же слишком сложна для объяснения и понимания, мы считаем возможным и необходимым, как в поэзии, дать почувствовать ритм речи и намекнуть на актуальные смыслы. «Плач» покинутого отца (...*уж я ли не любил моей Дуни, я ль не лелеял моего дитяти; уж ей ли не было житье?*) можно преподнести упрощенно, но близко: *Уж я ли не любил мою Дуню, уж я ли не заботился о моей деточке/доченьке?...*

Его высокоблагородие не волк и тебя не съест. – **Ведь** его высокоблагородие не волк и тебя не съест...

Прокатись до церкви. – ...прокатись-**ка** до церкви.

Отец обращает внимание дочери на то, что ее нерешительность, которую он объясняет страхом, необоснованна (*же* – должное спокойное отношение к ситуации не имеет места). Он шутит, т.к. сам совершенно спокоен и считает, что у всех участников ситуации (а это не только Дуня, но и присутствующий офицер) должно быть (но пока нет) единое понимание, мнение, представление о ситуации (*ведь*), обычной и безопасной. Отец своими руками выталкивает дочь из дома, полагая, что она просто менее компетентна и в ее намерение не входили такие действия, абсолютно соответствующие норме (*-ка*); так Вырин в присутствии постороннего человека несколько козыряет, гордится своими отцовскими правами. Все эти коммуникативные единицы настраивают слушателя и читателей на определенный лад, средства соответствия норме, уверенности в ней и маркеры единства понимания нагнетаются непосредственно перед тем, как ничего не подозревающему герою наносится смертельный удар: ситуация резко разошлась с нормой, мнение дочери о бенефактивности вступило в противоречие с принципами отца, герой оказался обманутым, покинутым.

Рассмотрев на примере повести «Станционный смотритель» роль коммуникативных средств в создании образа персонажа, перейдем к рассказу «Куст сирени», где на коммуникативных особенностях взаимодействия характеров строится развитие сюжета.

Б) А.И. Куприн, «Куст сирени»

В оригинале рассказа истерические черты характера героя, его слабых характерность и его необоснованное презрение к жене совершенно очевидны, как и ее искренняя включенность в его ситуацию, ее деятельное участие. В то же время в рассмотренной нами адаптации все «острые углы» сглажены за счет сокращения номинативных и, главным образом, коммуникативных средств настолько, что эти смыслы практически ускользают от читателей.

Диалог происходит сразу после возвращения домой с важного экзамена расстроенного мужа-студента; жена с нетерпением расспрашивает его, а он только отмахивается от вопросов:

Оригинал	Адаптация 1
Коля, ну как же твоя работа?	Коля, ну и как твоя работа?
- Ты скажи, всё равно ведь вместе обсудим. - Ну да, ну да, забраковали, если уж тебе так хочется знать. Неужели сама не видишь?... Вот тебе и академия! Через месяц опять в полк, да еще с позором, с треском. И это из-за какого-то поганого пятна... О, черт!	- Ну расскажи, пожалуйста, и мы вместе всё обсудим. - Что обсуждать?! Все пропало! ... Вот тебе и академия! Через месяц опять в полк, да еще с позором! И все из-за этого проклятого пятна!
- Какое пятно, Коля? Я ничего не понимаю. /.../ Какое же пятно, Коля?	- Какого пятна? - Обыкновенного! Зелёной тушью. /.../ И вот ночью, когда уже почти всё было сделано, я посадил пятно. Видимо, устал, хотелось спать...
- Ах, ну обыкновенное пятно, зелёной краской.../.../ Ну засиделся я вчера, устал, руки начали дрожать – и посадил пятно...	

Понять тревоги героя, не зная значения коммуникативных средств, непросто. Высказывание *Вот тебе и академия!* – только сбивает с толку иностранца, хорошо поработавшего со словарем, но не знакомого с алгоритмом развертывания коммуникативных значений. Между тем носителям русского языка совершенно очевидно, что в рассказе реализуется тот единственный вариант развития событий (*вот*), который не соответствует интересам говорящего (*личное местоимение тебе*) и не соответствует предполагаемому (*и*). Иными словами, мы догадываемся, что герой хотел в академию и рассчитывал туда попасть, но последние события лишили его этой надежды.

Сравним теперь впечатление, производимое оригиналом и адаптацией.

В адаптации жена строго встречает мужа (*ну и как твоя работа?*), как будто спешит (*ну*) проверить, соответствует ли си-

туация ее предположениям (**и**), можно даже усмотреть ноту неуважительной иронии в таком отношении жены к серьезным событиям в жизни ее супруга. Этого смысла нет в оригинальном тексте (*ну как же твоя работа?*), где акцент сделан на Верином ожидании (**ну**) нормального поведения от мужа: в норме, придя домой с экзамена, он сразу должен (**же**) поделиться новостями, но почему-то мрачно молчит.

В адаптации подбадривание жены похоже на поторапливание (*Ну расскажи, пожалуйста, и мы вместе всё обсудим*): она ждет ответа и уверена, что муж расскажет (**ну**). Русское *пожалуйста*, вставленное адаптаторами скорее всего для смягчения просьбы, придания ей вежливого характера, работает с противоположным эффектом – фиксирует негативное отношение говорящего к развитию ситуации. В оригинале (*Ты скажи, всё равно ведь вместе обсудим*) Вера с самого начала показывает свою обращенность к позиции мужа (личное местоимение **ты**) и объединяется с ним, акцентирует общность их взглядов (*ведь*), она действительно «вместе» с ним, не только физически, но и коммуникативно. (Коммуникативные средства, как жесты, как мимические движения, не лгут, они крепче связаны с подсознанием, чем средства номинативного уровня, осознаваемые и контролируемые рассудком.) С нашей точки зрения, более удачна по сравнению с упомянутой адаптацией 2, где идея единения передана иными средствами – коммуникативным *давай* (учет говорящим позиции слушающего и знание бенефактивной для всех логики развития ситуации): *Давай вместе обсудим всё*.

Хладнокровная (или равнодушная? осуждающая?) Вера в адаптации 1 молча слушает сбивчивые объяснения и лаконично задает уточняющие вопросы, повторяя структуру, цитируя мужа (*Какого пятна?*). В оригинале Вере передается эмоциональное состояние мужа, она не скрывает смятения не только номинативно (*Я ничего не понимаю*), но и коммуникативно: повторные обращения *Коля* – попытка упорядочить ситуацию, отрезвить мужа, получить от него разъяснения, которые должны появиться, но которых до сих пор (в нетерпеливом ожидании время растягивается) пока нет (**же**). Так Вера будет действовать на протяжении всей истории: отстаивать позицию мужа (*Но почему же он так уверенно говорит, что там нет кустов?* – оппонент мужа не должен был так говорить) и каузировать совместные действия в интересах собеседника (*Слушай, Коля, нам надо сию минуту*

ехать! Одевайся скорей – волевые императивы несовершенного вида говорят о том, что нужно им обоим).

Эту деятельную заботу жены, по всей видимости, совершенно не ценит муж. Однако понять это при чтении адаптации трудно. Обреченное возмущение **что+инфинитив** (*Что обсуждать!*) говорит о знании говорящим ситуации, по его мнению, и собеседник должен это знать; оба средства отсылают к понятию нормы; нормой в данной ситуации является не обсуждать произошедшее. Говорящий дистанцируется от собеседника, ничего не объясняет, ограничивается общим паническим *«всё пропало»*. В адаптации проступает отношение героя к ситуации, но не его отношение к собеседнику.

В оригинале многословные едкие реплики мужа производят впечатление, что именно на жене он привык вымещать всё, что не удастся ему в жизни. Повторяющиеся **ну да, ну да** (говорящий признает адекватность ситуации ожиданиям собеседника – ‘ты, такая умная, предположила правильно’, ‘тебе не терпится получить подтверждение собственной проницательности подтверждаю’) продублированы эксплицитно (*если уж тебе так хочется знать, неужели сама не видишь*). Следующие отсутствующие в адаптации **ну** (*Ах, ну обыкновенное пятно; Ну и окажется в конце концов, что я лгу...*) реализуют значение ‘отвечаю только потому, что ты настаиваешь’. Недовольство героя отражает и развертывание коммуникативных параметров **ах** по позиции собеседника (**Ах, ну обыкновенное пятно, зелёной краской**): неосведомленность (информационный ноль) собеседницы неадекватна ситуации, по мнению говорящего¹.

Герой и словами, и жестами (*«весь сморщился, точно от невыносимой физической боли»*) подчеркивает, что то, что важно для жены, то, о чем она спрашивает, не важно и не интересно для него. Такая реакция снова выдает эгоизм героя. Он выглядит не просто потеряннным или расстроенным, но свой негатив (напомним, причиной ситуации является именно его ошибка и его нежелание ее признать) направляет по адресу абсолютно преданной

¹ Та же реализация: *Про кого? – Ах, да про Берестова же!* [Безьева 2002: 562]. Возможно, междометие **ах** претерпело особые изменения в истории русского коммуникативного уровня. На эту мысль наводит обилие «ахов» в литературе XIX – начала XX веков в нейтральном, скорее всего, звучании; многое из этого сегодня кажется лже-формой, попой, актерством говорящего.

ему женщины. Презрением к жене прикрывается задетое самолюбие.

Оригинал	Адаптация 1
- ...Но почему же он так уверенно говорит, что там нет кустов? - Ах, господи, почему? Какие ты, ей-богу, детские вопросы задаешь. Да потому, что он вот уже двадцать лет местность эту знает лучше, чем свою спальню.	- Но почему он так уверенно говорит, что там нет кустов? - Да потому, что он вот уже двадцать лет изучает эту местность и знает её лучше, чем свою квартиру.
- Слушай, Коля, нам надо сию минуту ехать! Одевайся скорей. Николай Евграфович весь сморщился, точно от невыносимой физической боли. - Ах, не говори, Вера, глупостей. Неужели ты думаешь, я поеду оправдываться и извиняться. Это значит над собой прямо приговор подписать. Не делай, пожалуйста, глупостей.	- Слушай, Коля, надо сейчас же ехать! - Не говори глупостей! Неужели ты думаешь, что я поеду теперь оправдываться и извиняться.

В ответ на искренний вопрос, который показывает, что жена понимает, разделяет чувства мужа, его недовольство ситуацией (*Но почему же он так уверенно говорит, что там нет кустов?*) он упрекает ее за непонимание: **Ах, господи, почему? Какие ты, ей-богу, детские вопросы задаешь.** В адаптации эта реплика вовсе опущена, есть лишь ответ, начинающийся с «*да потому что*», где *да* (на фоне сдержанности героя адаптации так прорывается его негатив) – знак признания неадекватности жены ситуации (хотя ее вопрос – абсолютно нормальная реакция заинтересованного и включенного собеседника, не владеющего всей полнотой информации).

Сокращенные в адаптации сакральные формулы тоже вносят важный вклад в оригинальный образ. *Господи* говорит о

том, что происходит нечто, неподконтрольное воле говорящего, ситуация не соответствует норме, нарушает его интересы; *ей-богу* отражает стремление говорящего дистанцироваться от небезназначительного развития событий, от позиции собеседника. Мы снова видим, что ситуацию в целом герой принимает близко к сердцу, а вот позицию жены не желает понимать и учитывать. Его ответом на призыв жены сообща действовать, чтобы исправить ситуацию (*Слушай, Коля, нам надо сию минуту ехать! Одевайся скорей*), оказывается отговорка, он не воспринимает всерьез ее вариант действий: *Ах, не говори, Вера, глупостей*. Ответ в адаптации 1 (*Не говори глупостей!*) лишен также обращения к жене по имени, что подчеркивает еще большую дистанцированность мужа. Адаптация 2 смещает акцент на недоумение мужа: *Зачем? Куда?*

Чтобы завершить вклад сакральных формул в образ героя Куприна, приведем еще один пример «чистки» текста адаптаторами:

Оригинал	Адаптация 1
И <i>это</i> из-за <i>какого-то</i> поганого пятна... <i>О, черт!</i>	И <i>все</i> из-за <i>этого проклятого</i> пятна!
	Адаптация 2
	И <i>все</i> из-за пятна!

С помощью коммуникативного *-то* в оригинале говорящий фиксирует несоответствие реализованной ситуации своим представлениям о норме (одно случайное пятно стало причиной крушения его планов). Финальное *О, черт!* сообщает о том, что говорящий рассчитывал на иную качественную характеристику ситуации (герой считал, что остроумно преодолел проблему, выдав случайное пятно за нужный на плане объект – куст), а теперь его интересы нарушены, ситуация отклоняется от социальных норм (*черт*), его предположение (что проблема снята, что одно пятно не может испортить оценку и жизнь) не соответствует полученному знанию (*о*): проблема лишь обострилась из-за лжи, вся карьера под угрозой.

Ничего этого нет в адаптации, где реплики диалога безлики. Так говорят машины, но не близкие люди (об эмоциях можно догадаться лишь по восклицательным знакам и отдельным оценочным лексическим единицам «позор», «глупость», «прокля-

тый»). Оригинал предлагает разнообразие коммуникативных показателей эмоционального состояния героев, а также их отношений.

Характеры и отношения неразрывно переплетаются друг с другом и формируют пеструю ткань художественного произведения. В сюжетах классической русской литературы, построенных на внутренних, психологических мотивах, роль коммуникативных средств особенно важна. Далеко не все выводы можно сделать, не все понять, не так прочувствовать, опираясь лишь на адаптации.

Роль хорошей адаптации несомненна в том случае, если структуры и значения, ушедшие со временем из языка, «переводятся» на современный русский язык, комментируются с учетом диахронического аспекта.

Не отрицая полностью необходимости создания адаптаций для иностранных учащихся, мы лишь предполагаем, что при определенной подаче коммуникативного материала подобные высказывания расшифровываются без труда и играют важную роль в понимании учащимися замысла автора.

В свою очередь знакомство с семантикой коммуникативных средств и законами их функционирования должно осуществляться не только на примерах из разговорной речи, но и на художественно значимом материале; закреплением может стать просмотр экранизации произведения, демонстрирующей полноценный звучащий вариант реализации диалога.

Литература

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 7. М., 2005.

Безяева М.Г. Коммуникативная семантика звучащего художественного текста // Тезисы IV Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность». М., 2010.

Балдова М.А. Эстетическая функция акцента как средства коммуникативного уровня языка // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 5. М., 2009.

Коростелёва А.А. О реализации коммуникативной стратегии актера при создании отдельного образа (Л. Лемке в к/ф «Обратной дороги нет») // Слово. Грамматика. Речь. Вып. XI. М., 2009.

Короткие рассказы. (Галеева М.М., Иевлева З.Н., Петрова Н.С., Широкова Л.И.) М., 1962.

Александрова А.С., Кузьмич И.П., Мелентьева Т.И. Непропавшие сюжеты. Пособие по чтению для иностранцев, изучающих русский язык. М, 2005.

По страницам Пушкина. Спб., Златоуст, 2010. (Адаптация – Ермаченкова В.С.).

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

*АЛЬОТАИБИ СУЛТАН
(Королевство Саудовская Аравия)*

ТЕОРИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА

Машинный перевод – это преобразование текста на одном естественном языке в эквивалентный по содержанию текст на другом языке с помощью компьютерной технологии.

Первоначальная цель теории машинного перевода заключалась в установлении надежной компьютерной модели, которая могла бы описать и выполнить все переводческие операции, осуществляемые переводчиком при преобразовании информации с одного естественного языка на другой, без какого-либо участия человека [Кво 2008: 15]. Но в 1952 г. И. Бар-Хиллел высказал мысль о том, что полностью автоматическая система перевода нереальна. И спустя годы он по-прежнему был убежден в том, что полностью автоматическая система перевода, по существу, недостижима [Bar-Hillel 2003: 45]. Ведь реальный процесс перевода недоступен для непосредственного исследования. Он осуществляется в сознании переводчика в момент преобразования информации с одного естественного языка на другой, что делает вопрос об автоматизации перевода крайне сложным. В итоге общее представление о потенциальной способности компьютерной технологии переводить тексты с одного естественного языка на другой немного изменилось; участие человека в процесс машинного перевода было допущено.

Идея автоматизации перевода возникла почти одновременно с появлением компьютерной технологии в середине XX века. В 1949 г., через пять лет после запуска в эксплуатацию в США первого достаточно мощного компьютера, известный математик У. Уивер обратился к ученым с призывом использовать криптографическую технику для механизации перевода [Кво 2008: 69]. Несмотря на неэффективность технических возможностей криптографии, идея Уивера пробудила серьезный интерес у многих лингвистов и математиков к процессу механизации перевода, и вскоре появилась потребность в особой теории, изучающей про-

блематику машинного перевода, а именно теории машинного перевода [Tong 1994: 4731, Somers 1998: 140].

Теория машинного перевода нашла свое отражение и воплощение в многочисленных трудах «создателей» так называемых «бумажных» алгоритмов машинного перевода – Н.Д. Андреева, И. Бар-Хиллеле, И.А. Мельчука, И.И. Ревзина, В.Ю. Розенцвейга и многих других – и в прагматических промышленных моделях, описанных и предъявленных в трудах Всесоюзного центра переводов под руководством и непосредственным авторским участием Ю.Н. Марчука, Всесоюзной группы «Статистика речи» под руководством и авторским участием Р.Г. Пиотровского, группы Ю.А. Моторина, в монографических работах К.Б. Бектаева, А.Н. Беляевой, И.К. Бельской, А.В. Зубова, Г.Э. Мирама, Л.Л. Нелюбина, В.И. Перебейнос, В.А. Чижиковского, Е.А. Шингаревой и др. [Нелюбин, Хухуни 2008: 340-341]. Арабская прикладная лингвистика, к сожалению, не насчитывает научных исследований в области изучения (или даже продвижения) теории машинного перевода. Она содержит лишь переведенные на арабский язык труды зарубежных ученых.

СИСТЕМЫ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА 1-ОГО ПОКОЛЕНИЯ (ПРЯМОЙ ПЕРЕВОД)

Первые модели систем машинного перевода (систем первого поколения) были примитивными. Они базировались на принципе перекодирования текста на одном языке в текст на другом языке (прямой перевод). Слово в языке перевода порождалось словом в языке оригинала. Грамматика (в традиционном ее понимании) в них отсутствовала полностью. Предложения на переводящем языке конструировались прямым замещением последовательности слов исходного языка последовательностью слов переводящего языка, следовательно, конечное множество лексических единиц из исходного текста согласовывалось с ограниченным контекстом из лексических единиц текста перевода [Whitlock, Kilby 1995: 6].

Однако общее значение в разных языках могут выразить не только отдельные слова, но и словосочетания. Поэтому простейшая система автоматического перевода должна искать соответствия не только для отдельных слов, но и для словосочетаний, выполняя так называемый пословно-пооборотный перевод.

Системы прямого перевода не обладали средствами решения проблем многозначности, не справлялись с несвязанными языковыми парами, не проводили никакого лингвистического анализа перед генерированием перевода, повторяли синтаксические структуры языка оригинала, не учитывали минимальных потребностей синтаксического и семантического анализа и не устанавливали различия частей речи, например, существительных и глаголов [Hutchins 1979: 29].

Вклад лингвистов и переводчиков в разработку систем машинного перевода прямого типа был нулевым, и модель этого типа проектировали и реализовывали математики и инженеры, поэтому результаты оказывались скудными. Разработчики данных систем явно рассматривали процесс перевода лишь как некую формальную замену языковых единиц исходного текста на соответствующие им единицы текста перевода, игнорируя тот факт, что суть перевода заключается не в переводе слов, а в переводе значений. Ведь сообщение – это цепочка связанных между собой значений, формирующих в итоге общую передаваемую автором мысль. А слова являются лишь указателями семантических полей данных значений с более или менее выраженными семантическими признаками и носителями грамматической информации (иногда и стилевой и культурной). Поэтому известный риторик Аль-Джарджани А.А. (? – 1081), основоположник риторики в арабском языкознании, в своей «Теории сочинения» рассматривает слово как слугу, а значение как царя [الجرجاني 2004: 417]. Он считает, что слова всегда подчиняются значениям, следят за ними, и находятся под их властью. Свое предположение он еще раз раскрывает в своей работе «دلائل الإعجاز» («Признаки чудес») (дата выхода этой работы неизвестна, но арабский литературовед Шакер М.М. (1909 – 1997), исследовавший данную рукопись, полагает, что Аль-Джарджани ее написал в последние годы своей жизни): «...когда вы закончите располагать значения по порядку в уме, вам не нужно будет задумываться о расположении слов. Они сразу будут расположены перед вами, будучи подчиненными слугами значений. Знание о порядке значений в уме есть знание о порядке указывающих на эти значения слов в речи» [الجرجاني 2004: 52]. Исходя из этого, мы можем себе представить, что слова – это цветные краски, которые использует художник, а значения – картина. Умение подбирать нужные цветные краски (слова) с их разными оттенками (семантическими признаками) и

располагать их по нужным местам приводит к изображению более качественной и детальной картины (значения). Поэтому первые системы перевода, разработанные по принципу «слово за словом» и отсылающие семантические и синтаксические потребности на задний план, часто выдавали очень низкое качество перевода, что подчеркивало сложность языка и необходимость лучшего анализа и синтеза текстов.

Следует отметить, что соответствие друг другу слов разных языков не является однозначным, т.е. одному слову языка А может соответствовать несколько слов языка Б и наоборот. Следовательно, в системе перевода необходимо предусмотреть программу выбора правильного эквивалента. Учитывая данную проблему, специалисты стали разрабатывать более сложные системы, основывающиеся на следующих двух принципах [Мирам 2004: 133]:

1. На принципе выбора эквивалента по синтаксической модели входного текста, чаще всего по синтаксической модели предложения. Например, система может различить эквиваленты арабского глагола «ذهب» [зах'аб = «идти»] и существительного «ذهب» [зах'аб = «золото»].

2. На принципе выбора эквивалента по семантической модели. По разным семантическим моделям система может различать, например, эквиваленты арабского слова «خال» [хал'] = 1) «родинка», 2) «дядя по материнской линии».

Обе модели обычно применяют в комплексе. И сами модели, и процедуры выбора эквивалентов довольно сложны.

Хотя данные системы машинного перевода включают в себя и синтаксический и семантический анализ, что делает их более надежными, чем системы прямого перевода, они еще допускают ошибки. В них еще недостаточно эффективно проводится грамматический анализ для решения синтаксических и семантических проблем.

СИСТЕМЫ 2-ОГО ПОКОЛЕНИЯ (ПЕРЕВОД ПО ПЕРЕВОДНЫМ МОДЕЛЯМ)

Системы второго поколения отличались от систем первого поколения тем, что при их проектировании использовались так называемые модульные структуры, что означало возможность обновления грамматических правил и словарей, а также возможность добавления новых языковых пар без какого-либо негатив-

ного воздействия на работоспособность всей системы. Методика перевода по модульным структурам (в российской лингвистике эта технология, разработанная Ю.Н. Марчуком, называется «машинным переводом по переводным моделям или соответствиям») включает морфологический, синтаксический и/или семантический анализ текста на исходном языке и синтез текста на переводящем языке [Carl, Way 2003: XVIII].

Метод перевода по переводным моделям исходит из того, что процесс перевода включает в себя анализ и представление «смысла» текста оригинала для генерирования эквивалентов в тексте перевода. Существует два типа перевода по переводным моделям: перевод через язык-посредник и трансферный перевод. Оба типа перевода по переводным моделям обладали кратким или промежуточным представлением.

В системах машинного перевода с языком-посредником текст на языке оригинала преобразуется в высоко абстрактное представление, фиксирующее всю необходимую синтаксическую и семантическую информацию, которая может затем конвертироваться в несколько переводящих языков. Язык-посредник выполняет роль промежуточного звена между естественными языками. Перевод с языком-посредником проходит два этапа: анализ и синтез. На первом этапе текст оригинала трансформируется в представление на языке-посреднике с помощью словаря и грамматических правил исходного языка, а на этапе синтеза предложение на языке перевода порождается из представления на языке посреднике уже с помощью словарей и грамматических правил на языке перевода [Lewis 1992: 78].

Основной проблемой систем, работающих с языком-посредником, является установление достаточно универсального представления, чтобы распространяться на все языки. Языком-посредником могут служить искусственные и формальные языки. Но на практике весьма трудно построить представление на действительно естественном языке, которое отображало бы возможные аспекты синтаксиса и семантики всех языков. О возможности языковых универсалий были проведены многие теоретические исследования, но до сих пор нет методологии, которая позволила бы реализовать действительное представление на естественном языке.

Вторым типом перевода по переводным моделям является трансферный перевод, который включает в себя три этапа: ана-

лиз, трансфер и синтез. На этапе анализа текст на исходном языке конвертируется в абстрактное представление исходного языка. Затем происходит трансфер этого представления в его эквивалент в представлении языка перевода. На третьем этапе генерируется текст на языке перевода. На каждом этапе используются специфические словари и грамматическая информация.

Рисунок 2 иллюстрирует этот процесс.

Как и другие методики перевода по переводным моделям, трансфер подходит для построения многоязычной системы машинного перевода. Но в методике трансфера используются различные модели для всех языковых пар.

Метод трансфера не лишен проблем. Он зависит от словарей, в которых не решены проблемы многозначности [Kit, Pan, Webster 2002: 57]. Кроме того, неудачи на этапе анализа могут привести к нулевому результату на выходе, поскольку процесс трансфера в этом случае не может осуществиться. Но на практике методика трансфера зачастую является предпочтительной из-за ее простоты.

Важно помнить, что все системы многоязычного перевода в настоящее время работают в демонстрационном режиме или находятся на стадии прототипа. Хотя в конце 1980-х гг. методики перевода по переводным моделям были несколько заслонены рядом других успешных экспериментов, они тем не менее добились новых веб-приложений в таких информационных технологиях, как многоязычный поиск информации и онлайн-перевод.

СИСТЕМЫ 3-ЕГО ПОКОЛЕНИЯ (ПЕРЕВОД ПО КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ)

Системы машинного перевода третьего поколения базировались на использовании корпусной лингвистики. Различают две методики машинного перевода с использованием корпусной лингвистики: статистический метод и метод перевода по примерам. Последний был впервые предложен М. Нагао в 1984 г., но только в самом конце 1980-х гг. исследователи стали использо-

вать его на практике [Trujillo 1999: 204]. В этих двух методиках лингвистическая информация корпуса служит для порождения новых переводов. Все системы перевода по корпусной лингвистике используют так называемые опорные переводы, содержащие тексты на исходном языке и их переводы. Эквивалентный перевод генерируется с помощью специфического статистического метода или подбора примеров, извлеченных из корпуса [Carl 2000: 997]. Оба этих подхода не использовали лингвистические правила для анализа текстов или выбора переводных эквивалентов.

До 1990-х гг. попытки задействовать статистические методы в разработке систем машинного перевода оказались безуспешными. Машинный перевод на статистической основе стал реальностью только после того, как исследователи из фирмы IBM ввели в свою систему машинного перевода Candide теорему Байера. Теорема Байера касается выведения вероятности и устанавливает, как интерпретировать знания, накопленные в предыдущих событиях, например, в выполненных ранее переводах, но с учетом новых данных (новых текстов на исходном языке), чтобы экстраполировать их на будущие события (в данном случае – на новые переводы). В ограниченных предметных областях этот метод работает лучше других.

В системах перевода по статистическому методу текст на исходном языке сначала сегментируется на слова или словосочетания. Затем эти сегменты сравниваются с существующими корпусами согласованных билингв, состоящих из оригинальных текстов и их переводов. После этого применяется статистический метод для получения новых сегментов на языке перевода из корпусов согласованных билингв. В соответствии с теоремой Байера из новых сегментов порождается текст на языке перевода [Carl, Way 2003: XIX]. Совершенно очевидно, что этот подход отличается от методики перевода по переводным моделям, использовавшей определенные лингвистические правила для анализа текстов оригинала, на основе которого затем генерировался перевод.

Данная модель перевода предлагает, что одно предложение на исходном языке S может иметь значительное число переводов T , и каждый из них обладает различной вероятностью корректности P . Наивысшая вероятность перевода вычисляется по правилу Байера: если $P(T/S)$ представляет собой вероятность того, что T является переводом S , то $P(T)$ представляет вероятность случайно

выбранного текста T , который вычисляется по частоте появления в корпусе, а $P(S/T)$ соответствует вероятности предполагаемой модели перевода, использованной алгоритмом предусмотренным для случая, когда S переводится в T , и $P(S)$ является частотой встречаемости текста S в корпусе [Кво 2008: 90]:

$$P(T|S) = \frac{P(T) \times P(T|S)}{P(S)}$$

В модели перевода сегмент на исходном языке (слово, словосочетание или предложение) сопоставляется или «проецируется» на соответствующий сегмент на языке перевода [Кво 2008: 90]. В большинстве систем машинного перевода статистического типа основным методом для выбора пары соответствующих сегментов является пословный перевод, т.е. одно слово на исходном языке переводится на соответствующее ему слово языка перевода. Но в большинстве случаев сопоставление между словом исходного языка и словом языка перевода не может быть «один к одному». Обычно возникают другие формы связи: либо «один к нулю» (как с малайским словом *songket*, означающим «вручную вытканную материю с золотыми и серебряными нитями», играющую определенную церемониальную роль в официальных мероприятиях в малайском обществе, что не имеет эквивалента в английском языке); либо «один к многочисленным эквивалентам» (как с английским словом *love* = «любовь», обладающим несколькими эквивалентами в малайском языке: *cinta*, *sayang* и *kasih*); либо «один к словосочетанию» (как с английским словом *absent* = «отсутствовать», т.к. в малайском ему соответствует *tidak hadir*, букв. «не присутствовать»).

В машинном переводе статистического типа проблема появления слов в языке перевода в ином порядке, нежели в исходном, называется расхождением. Вероятность расхождения тоже вводится в модель: например, $P(3/4)$, где отражена вероятность того, что исходное слово в позиции 3 извлечет слово перевода в позиции 4; или $P(3/1,3,4)$ – вероятность того, что исходное слово в позиции 3 вызовет слово перевода в позиции 1, причем слову исходного языка будут соответствовать четыре слова языка перево-

да. Вообще, в модели используются только лингвистическая и контекстуальная информации – лексическое окружение, части речи и синтаксические компоненты, а семантическая информация включается весьма редко.

Вторым типичным компонентом системы статистического типа является языковая модель, по которой вычисляется вероятность того, что для последующей операции перевода подходящим будет именно данный сегмент (записывается как $P(T/S)$, как показано выше в правиле Байера). Вычисления выполняются по алгоритму, который использует N-грамм статистику (N-грамм – это вероятность последовательного появления N символов). На практике за N принимают небольшое численное значение, например от одного до пяти, причем N – число букв в каждой из выбранных последовательностей. Таким образом, если $N=2$, оно называется биграммой, а если $N=3$, оно называется триграммой. Так, текст «The blue car» = [«голубой автомобиль»] может быть сгенерирован с использованием биграмм th, he, eb, bl и т.д. или триграмм the, heb, blu, lue и т.д. Заметьте, что N-грамм игнорирует пробелы между буквами.

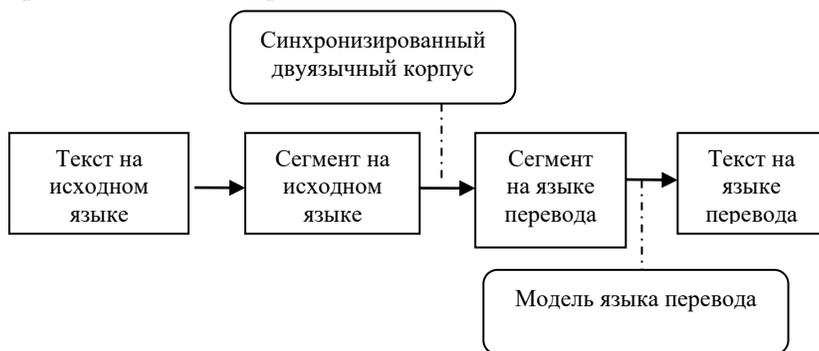
Итак, задача системы машинного перевода статистического типа состоит в том, чтобы выбрать из корпуса такой сегмент на переводящем языке, который по критерию вероятностей был бы наиболее приближен к новому сегменту на исходном языке.

Но и этот подход не свободен от проблем. Если корпус билингв слишком мал, система не может работать эффективно для создания хороших переводов. Например, система машинного перевода Candide до сих пор хорошо работает в экспериментальном режиме, но нет пока уверенности в том, что она будет также хорошо работать на коммерческой основе. Для этого перехода необходимы серьезные обоснования. С 1994 г. делаются попытки дополнить эту систему новейшими лингвистическими достижениями, и было подтверждено, что данная система дает более успешные результаты, чем простое использование статистических методов.

Машинный перевод по примерам также называют переводом по аналогиям, по памяти, по образцам или переводом по подобию. Как упоминалась выше, М. Нагао еще в середине 1980-х гг. предложил этот подход, и он занял промежуточное положение между переводом по переводным правилам и статистическим подходом [Carl M., Way 2003: XIX].

Для машинного перевода по примерам требуется двуязычный корпус переводных пар. Он использует алгоритм для подбора близких примеров сегментов на исходном языке к сегментам на языке перевода в качестве основы для перевода нового исходного текста. Подобранный пара сегментов называется «примером». Сегмент может быть представлен в любой длине или действовать на любом лингвистическом уровне, но в идеальном случае он равен предложению [Carl, Way 2003: XIX].

В процессе перевода по примерам решаются три задачи: сопоставляются сегменты нового исходного текста с примерами, извлеченными из корпуса билингв, затем производится подгонка соответствующих сегментов перевода и их перекомпоновка для порождения текста перевода [Кво 2008: 93].

Методика перевода по примерам очень похожа на методику, использованную в таких компьютерных переводческих инструментах, как память переводов, но первая дает возможность извлекать из корпуса более одного примера для создания предложения на языке перевода [Trujillo 1999: 203]. Кроме того, система «Память перевода» представляет собой интерактивный инструмент, в то время как машинный перевод по примерам является автоматически переводящей системой.

Маловероятно, что у методики перевода по примерам будут какие-либо преимущества, если в корпусе билингв не найдется близких соответствий или если входное предложение будет метафорическим по своей природе. Добавления новых примеров в корпус сопоставляемых билингв может как улучшить, так и ухудшить эксплуатационные качества системы. Точно также слишком частые повторения одних и тех же или аналогичных примеров могут укрепить или расшатать характеристики самой

системы. Другие слабые места – оценка объема корпуса и проблема последовательности его анализа: должен ли анализ выполняться перед процессом перевода или во время процесса перевода. И наконец, алгоритм сопоставления основан на сравнении слов по близости их значений, но могут возникнуть, например, трудности, такие как множественная морфологическая вариантность в языках, что сделает процедуру поиска соответствий чрезвычайно сложной.

Методика с применением корпусной лингвистики также сталкивается с проблемами расширяемости, которые заключаются в том, что корпус может оказаться либо слишком маленьким, либо слишком большим для конкретной задачи. Системы машинного перевода по корпусной лингвистике не должны основываться исключительно на информации, извлеченной из корпуса. Необходимо, чтобы учитывались и слова и структуры, найденные вне корпуса, если становится очевидным, что они могут появляться в текстах той же предметной области.

Итак, процесс развития систем машинного перевода продвигается высокими темпами. Но до сих пор не существует ни одной системы, которая могла бы решить проблему многозначности слов. Значение слова не всегда определяется только по синтаксической или семантической модели. Логика и внеязыковая деятельность играют немаловажную роль в нахождении эквивалента для какого-либо слова. Обычно у переводчиков автоматически включается система «логика и представление вещей в реальном мире» особенно при переводе многозначных слов. Поэтому, нам кажется, что совмещение методики традиционного перевода (перевода, основанного на лингвистических правилах) и методики статистического перевода приведет к созданию более практичных систем машинного перевода.

Литература

- Кво Ч. К. Технологии перевода. М., 2008.
Мирам Г.Э. Профессия: переводчик. Киев, 2004.
Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе: история и теория с древнейших времен до наших дней. М., 2008.
Bar-Hillel Y. The Present Status of Automatic Translation of Languages // Readings in Machine Translation / S. Nirenburg, H. L. Somers, Y. Wilks (eds). Cambridge, 2003.

Carl M. A Model of Competence for Corpus-based Machine Translation // In Proceedings of COLING 2000: Vol. 2. Germany, 2000. – <http://acl.upenn.edu/C/C00/C00-2145.pdf>. February 2003.

Carl M., Way A. Introduction // Recent Advances in Example-based Machine Translation: Text, Speech and Language Technology / M. Carl, A. Way (eds). Vol. 21. Dordrecht: Kluwer Academic, 2003.
Hutchins W.J. Linguistic Models in Machine Translation // UAE Papers in Linguistic. 1979.

Kit C., Pan H., Webster J.J. Example-based Machine Translation: A New Paradigm // Translation and Information Technology / S.W. Chan (ed.). Hong Kong, 2002.

Lewis D. Computers and Translation // Computer and Written Texts / C. S. Butler (ed.). Oxford, 1992.

Somers H. L. Machine Translation: History // Routledge Encyclopedia of Translation Studies/ M. Baker (ed.). London, 1998.

Tong L.C. Translation: 'Machine-aided' // The Encyclopedia of Language and Linguistics. Vol. 9 / R. E. Asher, J. M. Y. Simpson (eds). Oxford, 1994.

Trujillo A. Translation Engines: Techniques for Machine Translation. London, 1999.

Whitelock P., Kilby K. Linguistic and Computational Techniques in Machine Translation System Design. London, 1995.

عبد القاهر بن عبد الرحمن الجرجاني. دلائل الإعجاز. تحقيق محمود محمد شاكر. القاهرة،
2004، عدد الصفحات 761

Аль-Джарджани Абдулкахер бин Абдурахман. Признаки чудес. Исследовал Махмуд Мухаммед Щакер. Каир, 2004.

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДНЫХ СООТВЕТСТВИЙ РУССКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ (на материале современных политических текстов)

Частные лингвистические теории перевода как составляющие переводоведения направлены на изучение особенностей перевода с одного языка на другой, типов соответствий между конкретными языковыми единицами и переводческих трансформаций. В данной статье мы будем рассматривать проблемы частных лингвистических теорий перевода на материале русского и арабского языков. Цель нашего анализа – пролить свет на те случаи, которые представляют трудности при осуществлении перевода, и показать, как поступил переводчик при возникновении данных трудностей, а также выявить некоторые неточности, допущенные в тексте перевода. Материалом рассмотрения является интервью с министром иностранных дел РФ Сергеем Лавровым, опубликованное в «Российской газете» 18.03.2010. Перевод этого текста представлен на арабскоязычном сайте телеканала «Russia Today»:

Когда партнеры – друзья

Михаил Барцевский: *Сергей Викторович, не стану делать вид, что разбираюсь в международных отношениях, и буду говорить с вами как простой обыватель. С кем вы больше работаете – с Медведевым или с Путиным?*

Сергей Лавров: *Работаю я под руководством президента, как это и положено по Конституции. Основные внешнеполитические вопросы обсуждаются на совещаниях Совета безопасности, в работе которого на постоянной основе принимает участие глава правительства Путин, председатели обеих палат парламента и основные министры силового блока.*

عندما يكون الشركاء اصدقاء

س- لا ارید ان ابین بانني افهم في العلاقات الدولية وسوف اسألکم كأئسان عادي. مع من تعملون أكثر مع الرئيس مدفيديف ام مع رئيس الحكومة بوتين ؟

ج- اعمل انا تحت اشراف الرئيس الروسي كما هو مثبت في الدستور. ان مسائل السياسة الخارجية تناقش في اجتماعات مجلس الامن القومي التي يساهم فيها رئيس الحكومة فلاديمير بوتين ورئيسا مجلسي الدوما والاتحاد ووزيرا الدفاع والداخلية.

В заголовке «Когда партнеры – друзья» опущен глагол-связка, а вместо него выступает нулевая связка. Смысл предложения при этом не нарушается и не вызывает у русского читателя недоумения. Однако в арабском языке невозможно в таких случаях обойтись без глагола, т.к. именно от него зависит понимание всего высказывания. Переводчик правомерно поступил, внося в заголовок глагол *يكون - становится*. В подчеркнутом предложении допущена ошибка, касающаяся условий выражения подлежащего. Переводчик сохранил в переводе порядок слов русского высказывания. В предложении *اعمل انا - работаю я*, подлежащее выражено местоимением *انا - я*, сказуемое – глаголом в форме 1 лица настоящего времени. Согласно арабскому синтаксису, когда сказуемое выражается глаголом в форме 1 лица настоящего времени, то подлежащее опускается, и вместо него выступает ضمير «скрытое местоимение, относящееся к говорящему», которое мысленно выражается в сказуемом. Здесь мы имеем дело с «глагольным предложением». Есть еще и другой возможный порядок слов: вынесение местоимения *انا - я* на первое место, в результате чего получается типичное «именное предложение».

В русском тексте встречается известный русскому читателю термин «министры силового блока». Однако данный термин неизвестен арабскому читателю, поэтому перевод этого термина, как он представлен в исходном тексте (ИТ), затрудняет понимание текста. В переведенном тексте (ПТ) переводчик не стал буквально переводить термин, а обоснованно расшифровал его, определив, какие именно министры имеются ввиду. Он назвал конкретных лиц: министра обороны и министра внутренних дел. В этом случае он применил одну из важных переводческих трансформаций, а именно конкретизацию, суть которой заключается в замене слова с общим значением словом с более конкретным значением, раскрывающим суть того или иного понятия.

Барцевский: Наверняка же некоторые актуальные международные вопросы обсуждаются не только на Совете безопасности, но и в оперативном режиме?

Лавров: Конечно. Напрямую с президентом.

س – من المحتمل ان بعض مسائل السياسة الخارجية المهمة اضافة الى مناقشتها في اجتماعات مجلس الامن القومي تناقش بشكل فوري ايضا ؟
ج – طبعاً ومباشرة مع الرئيس.

Слово *наверняка* переведено словом *المحتمل*, которое выражает значение вероятности, т.е. арабское слово может стать соответствием слову *вероятно*, а слово *наверняка* несет сему уверенности говорящего в том, что то или иное действие произойдет. Оно входит в синонимичное отношение с такими словами, как *обязательно*, *несомненно*. Следовательно, данное слово должно быть передано той единицей в ПЯ (переводящий язык), которая содержит названное значение. Таковыми могут быть, например: بالتأكيد, مما لا شك فيه.

Барцевский: Как вам кажется, наши зарубежные партнеры больше ориентированы на Медведева или на Путина?

Лавров: В зависимости от того, кто этот партнер. Если это президенты, они ориентированы на президента. Если это премьеры или канцлеры, которые играют определяющую роль в вопросах внешней политики своих стран, то они тоже ориентированы на президента.

س – كيف ترون، هل ان شركائنا الاجانب يتوجهون الى مدفيديف ام الى بوتين ؟
ج – هذا يتعلق بمن هو هذا الشريك فاذا كانوا رؤساء دول فانهم يتوجهون الى الرئيس اما اذا كانوا رؤساء حكومات او مستشارين يلعبون دورا مهما في سياسة بلدانهم الخارجية فانهم يتوجهون الى الرئيس ايضا.

Для перевода выражения *как вам кажется* было выбрано то соответствие, которое, на наш взгляд, приводит к возникновению у рецептора перевода ощущение неестественности речи. При переводе этого выражения надо было учесть речевые нормы носителя исходного языка (ИЯ), т.е. необходимо было искать в арсенале языка средства языкового выражения, привычные для

арабского читателя. Кроме того, в арабском переводе употреблен глагол *يرى* *видеть*, который является переходным, а предложение с переходным глаголом не может быть семантически завершённым без дополнения. В соответствии с арабским узусом следовало бы перевести: *ما هو رأيكم* – *каково ваше мнение*.

Барцевский: *Я сужу по тому, что вижу по ящику, и у меня сложилось впечатление, что Берлускони с Путиным дружит, а с Медведевым поддерживает в общем достаточно формальные отношения.*

Лавров: *Это очень серьезное заблуждение. Сильвио Берлускони действительно является другом Владимира Путина – они не раз об этом говорили. Но несколько последних встреч итальянского премьера с президентом Медведевым, включая декабрьские межгосконсультации, которые прошли в Риме, даже на публике смотрелись как встреча друзей. И Берлускони об этом говорил в том числе на пресс-конференции.*

س – انا احكم اعتمادا على ما اراه في شاشة التلفزيون حيث ترك لدي انطبعا بان بيرلسكوني وبوتين صديقان اما مع مدفيديف فعلاقاتهما شكلية.

ج – ان هذا وهم جدي، حقا ان سيلفيو بيرلسكوني هو صديق بوتين ونفسهما تحدثا عن ذلك. ولكن بعض اللقاءات الاخيرة لرئيس وزراء ايطاليا مع الرئيس مدفيديف ومن ضمنها لقاءات اللجنة الاستشارية الحكومية المشتركة التي جرت في شهر ديسمبر/ كانون الاول بروما ظهرت كلقاء صديقين وان بيرلسكوني تحدث عن ذلك بنفسه وكرر ذلك في المؤتمر الصحفي.

В высказывании журналиста встречается слово *ящик*, употребляемое не в прямом, а в переносном значении для обозначения телевизора. Для русских такой образ является понятным, но многие другие нации, например, арабы, не поймут, о чем идет речь, зачем в тексте о политике используется слово, не имеющее к данной сфере никакого отношения. Переводчик профессионально поступил, раскрыв в тексте перевода значение слова *ящик* в этом контексте. Это в очередной раз доказывает необходимость того, чтобы переводчик, наряду с лингвистическими компетенциями, обладал и экстралингвистическими знаниями, от которых, во многих случаях, зависит адекватность перевода. Например, если бы переводчик не знал, что обозначает слово *ящик* в данном контексте, то он бы дал буквальный перевод, искажающий восприятие высказывания. Здесь, конечно, неизбежны

некоторые потери смысла. Несмотря на то что слова *ящик* и *تلفاز* в данном контексте имеют одинаковое референциальное значение, т.е. указывают на один и тот же предмет действительности, но отличаются стилистической характеристикой: русское слово относится к обиходно-разговорной лексике, в то время как арабское – нейтральное. Подобная замена мотивирована тем, что арабское слово *تلفاز* не имеет синонимов разговорного характера. Число такого рода моментов легко увеличить, однако они не влияют на восприятие текста или качество перевода. По этому поводу Л.С. Бархударов пишет следующее: «Но если потери, вызываемые заменой прагматически маркированной лексики на нейтральную, являются до определенной степени неизбежными (их можно свести до минимума применением так называемой компенсации...), то совершенно недопустимо обратное – замена нейтральной лексики на прагматически маркированную, то есть не нейтральную по своим стилистическим, регистровым и эмоциональным характеристикам» [Бархударов 2008: 118].

Ответ министра начинается со словосочетания *это серьезное заблуждение*, которое соответствует русской речевой традиции. Значение, выраженное этим словосочетанием, обозначается в арабском языке другими конструкциями, отличными от русских. Стало быть, нельзя буквально переводить подобное выражение, иначе это приведет к нарушению речевой нормы, употребляемой в аналогичных ситуациях. Это, как раз, то, что мы видим в переводе вышеуказанного словосочетания на арабский язык. Переводя это выражение, переводчик должен был руководствоваться не текстуальной близостью к оригиналу, а средствами языкового выражения, которые в соответствии с арабской речевой нормой употребляются для составления соответствующего сообщения. Имея определение *جدي* – *серьезное*, слово *وهم* – *заблуждение* вводит арабского читателя в “заблуждение”, ибо это непривычное для него словосочетание, что может затруднить восприятие сути высказывания. Слово *وهم* – *заблуждение* в арабском языке может сочетаться с прилагательными *большой*, *настоящий*, но не сочетается с прилагательным *серьезный*. Нам представляется, что есть 4 возможных варианта перевода сочетания *серьезное заблуждение*. Эти варианты различны по степени близости к ИТ: от относительной семантико-структурной близости к оригиналу до несходства структур, но совпадения смысла. Начнём с более близкого к исходной структуре варианта, кото-

рый заключается в замене прилагательного *جدي* – *серьезное* прилагательным *كبير* – *большое*: *ان هذا وهم كبير* – *это большое заблуждение*. Второй вариант предполагает перевод существительного *заблуждение* словом *خطأ* – *ошибка*, оставляя прилагательное *كبير* – *большой*: *ان هذا خطأ كبير* – *это большая ошибка*. Третий вариант: отстранить прилагательное, оставить существительное, предложенное переводчиком, но при этом необходимо изменить единственное число существительного на множественное и добавить те компоненты, которые компенсировали бы прилагательное: *ان هذه مجرد اوهام* – *это всего лишь заблуждения*. Было бы совсем хорошо, если бы данная фраза была переведена в соответствии с тем, как принято в арабском языке говорить в таких ситуациях. Именно в этом и заключается четвертый вариант, предусматривающий поиск не ближайших семантических соответствий, а типичных в данной ситуации выражений. Таким выражением могло бы быть: *ان هذا الامر عاري عن الصحة تماما* – *этот вопрос совсем лишен правды*.

Данный фрагмент интервью демонстрирует одно из основных свойств политических текстов, для которых характерно сочетание разговорной лексики и книжной, т.е. компонентов публицистического стиля. Слово *ящик* по своей стилистической характеристике относится к обиходно-разговорному пласту лексики, в то время как словосочетание *серьезное заблуждение* несет книжно-письменный характер.

Барцевский: *Говорят, будто во время событий в Южной Осетии появилось предложение – дойти танками до Тбилиси и предать Саакашвили суду?*

Лаэров: *Говорит только Саакашвили, но это лишь игра больного воображения. Наша задача была предельно проста – защитить мирных граждан и наших миротворцев.*

س – يقال انه خلال احداث اوسيتيا الجنوبية اقترح البعض دخول الدبابات الى تيليسي وتقديم ساكاشفيلي الى المحاكمة ؟

ج - يقول هذا ساكاشفيلي فقط، ان هذ لعبة خيال . لقد كانت مهمتنا هناك بسيطة وهي الدفاع عن المدنيين وقوات حفظ السلام الروسية.

В этом фрагменте интервью мы сталкиваемся с весьма сложным и опасным случаем, связанным с переводом фразы *дойти танками до Тбилиси и предать Саакашвили суду*. Сложность здесь заключается в том, что данная фраза допускает разные интерпретации, каждая из которых имеет свое обоснование. Первая интерпретация исходит из семантики приставки *до* и предполагает следующее: дойти до Тбилиси, не войдя в него. Вторая же основывается на второй части данного высказывания: *предать Саакашвили суду*. Ведь как можно предать Саакашвили суду, не войдя в город? Из этого вытекает, что вторая возможная интерпретация состоит в следующем: вторгнуться в город. Как мы видим, ситуация не проста и может быть истолкована по-разному, что требует от переводчика предельной осторожности и внимательности, а также максимально возможной близости к оригиналу. Согласно общественным предназначениям перевода, текст перевода используется так, как будто он и есть оригинал, и цитируется как слова автора. Данное требование становится еще важнее, когда речь идет о переводе таких особо важных текстов, как политические или юридические, неточная передача некоторых фрагментов данных типов текстов может повлечь за собой серьезные последствия. Сталкиваясь с подобными случаями, переводчик должен подобрать то соответствие, которое оказало бы коммуникативный эффект на рецептора перевода и передало бы (в пределах возможного) средство языкового выражения исходного текста. Это исключает интерпретацию текста перевода иначе, чем текста оригинала.

В арабском тексте вышеуказанная фраза переведена как *دخول الدبابات الى تبليسي وتقديم ساكاشفيلي للمحاكمة* – букв. *вторжение танков в Тбилиси и предание Саакашвили суду*. Как мы видим, в ПТ употреблено слово *вторжение*, которого не было в ИТ, или по крайней мере эксплицитно выражено. Помимо того, что этот момент текста политически острый, он еще и двусмыслен. Такой перевод является примером так называемой переводческой вольности, которая определяется Л.К. Латышевым как продукт чрезмерности или вообще неуместности переводческих трансформаций [Латышев 2008: 46]. Следовательно, мы считаем, что надо было перевести данное выражение ближе к тексту во избежание потенциальных проблем. Возможный и “безопасный” перевод выглядит так: *بلوغ (الوصول الى) تبليسي بالدبابات وتقديم ساكاشفيلي للمحاكمة*

Следующий момент является не менее важным, чем предыдущий. Он касается перевода предложения, которое содержится в ответе министра на заданный выше вопрос: *Наша задача была предельно проста*. Здесь краткая форма прилагательного не употребляется в прямом значении, а выражает то, что задача России во время конфликта была определена, ясна. В тексте же перевода она была переведена своим прямым соответствием *بسيطة*, у которого нет значения, выраженного словом *проста* в данном предложении. Это приводит к тому, что, во-первых, искажается смысл исходного высказывания, а во-вторых, возникает у читателя недопонимание, вызванное тем, что предложение кажется противоречивым. Ведь защищать мирных граждан и миротворцев – весьма ответственная, серьезная и опасная задача, требующая колоссальных военных усилий, а в тексте перевода данная задача характеризуется как простая задача.

Барцевский: *Как вы считаете, через какое время начнется относительно массовое признание Южной Осетии и Абхазии?*

Лавров: *Мы, конечно, не буду лукавить, хотели бы, чтобы это произошло поскорее. Но мы никого не уговариваем и не оказываем давления даже на наших партнеров по СНГ. Думаю, что это понимают и наши западные партнеры. Мы не пытаемся копировать то, чего добиваются американцы в отношении Косово, лихорадочно пытаюсь увеличить количество стран, признавших независимость этой страны. Мы представляем, как это делается, сколько это стоит, какие условия выдвигаются – не будем этого делать. В конце концов, советскую Россию тоже далеко не сразу признали.*

س – متى تعتقدون سيبدأ الاعتراف الجماعي بابخازيا واوسيتيا الجنوبية ؟

ج- طبعا نحن لن نتحاييل ،نويد ان يتم ذلك باسرع مايمكن ، ولكننا لم نقنع احدا ولا نضغط على اي دولة ، حتى على شركائنا في رابطة الدول المستقلة. اعتقد ان هذا يفهمه شركاؤنا في الغرب. نحن لانريد ان نكرر مافعله الامريكان بالنسبة لكوسوفو حيث حيث بذلوا محاولات مستميتة لزيادة عدد الدول التي اعترفت باستقلال هذا البلاد. نحن نعرف كيف يتم ذلك وكم قيمته وما هي الشروط المطروحة – نحن لن نفعل ذلك. واقول مثلاً لم يعترف الجميع بروسيا السوفيتية مباشرة.

В своем вопросе журналист конкретно охарактеризовал массовое признание Южной Осетии и Абхазии, употребив наречие *относительно*, предполагающее признание этих двух госу-

дарств не всеми государствами, а лишь некоторыми странами. В арабском тексте слово *относительно* отсутствует, что дает противоположное значение, а именно – массовое признание. Поскольку составитель исходного сообщения употребил данное слово, которое является одним из важнейших компонентов этого высказывания, постольку становится весьма важным сохранить его при переводе.

В этом же отрывке есть, на наш взгляд, серьезная ошибка касательно предложения *Мы, конечно, не буду лукавить, хотели бы...* Фраза *не буду лукавить* выступает здесь в качестве вводного оборота, относящегося только к министру. Употребляя же местоимение *мы*, он говорит от имени государства. В тексте перевода глагол *лукавить* был приписан не министру, а государству, что резко искажает смысл оригинала. Буквальный обратный перевод арабского соответствия выглядит так: *конечно, мы не будем лукавить*. Из данной фразы можно извлечь только единственную информацию: Россия не будет лукавить. Кроме того, употребление глагола *лукавить* вполне соответствует норме русского языка и полностью передает тот смысл, ради которого он был употреблен. В русско-арабском словаре В.М. Борисова этот глагол имеет три соответствия: مكر، دهى، تحايل. Этот ряд соответствий можно пополнить еще одним глаголом راوغ، который, на наш взгляд, более точно передает значение глагола *лукавить* в этом случае. Им обозначается поведение человека, который не говорит прямо, проявляет изворотливость. Итак, чтобы исправить перевод вышеуказанного высказывания, необходимо провести 4 операции. Первая заключается в отсылке (отнесенности) глагола *лукавить* к своему субъекту, т.е. к министру. Вторая: заменить глагол يتحايل глаголом يراوغ. Третья операция предусматривает дополнение предложения некоторыми типичными в подобных контекстах словами, в которых нуждается глагол يراوغ для разъяснения значения. Последняя операция состоит в произведении поправки на следование предложений. Исходя из этого, можем предложить следующий перевод: *لن أراوغ وسوف اجيب بشكل واضح — не буду лукавить и четко отвечаю.*

В конце данного фрагмента встречается словосочетание *Советская Россия*, значение которого не предполагается известным всей арабской аудитории. С этим словосочетанием могут быть знакомы историки, политологи и эрудированные люди. Следовательно, поскольку этот текст предназначен не для конкретной группы рецепторов, а для общей аудитории, постольку

становится необходимым ориентироваться на усредненного получателя информации и снабдить предложение комментарием, раскрывающим значение исходного словосочетания.

Барцевский: *Что происходит с внешней политикой Ирана сегодня? И правда ли, что у нас с США сейчас в отношении Ирана в общем единая позиция?*

Лавров: *Для США, как и для нас, – и в этом позиции совпадают – принципиально важно не допустить нарушения режима распространения ядерного оружия. А вот по методам реализации этой задачи у нас нет стопроцентного совпадения. В отличие от США Иран для нас – близкий сосед, с которым у нас очень давние, исторически обусловленные связи, страна, с которой мы сотрудничаем и в экономической, и в гуманитарной, и в военно-технической областях. И что особенно выделю, это страна, которая является нашим партнером на Каспии наряду еще с тремя другими прикаспийскими государствами. Кстати, в подходе к вопросу урегулирования правового статуса Каспийского моря иранские позиции нам достаточно близки. Поэтому нам далеко не безразлично, что будет происходить в Иране и вокруг него. Это касается и наших экономических интересов, и интересов в сфере безопасности.*

Конечно, нас очень тревожит, что Иран отказывается сотрудничать с МАГАТЭ. Но мы стараемся действовать конструктивно, ищем компромиссы.

Потому что куда ни посмотри на Ближнем Востоке – Афганистан, Ирак, Палестина, Ливан, Сирия, да и, наверное, пошире – у Ирана везде есть серьезные рычаги влияния. И задача в том, чтобы это влияние внести в общую копилку и использовать в поиске конструктивных мирных решений в этом весьма взрывоопасном регионе. А попытки изолировать тех, кто может внести такой вклад, может быть, и оправданы сиюминутной выгодой, но явно страдают отсутствием дальновидности.

س – ماذا يجري للسياسة الخارجية الإيرانية حالياً؟ وهل حقاً لدينا مواقف متطابقة مع الولايات المتحدة الأمريكية بخصوص إيران؟

ج – كما للولايات المتحدة الأمريكية كذلك لنا، فإن مواقفنا تتطابق لأنه من المهم مبدئياً عدم حرق نظام منع انتشار الأسلحة النووية. ولكن حول أسلوب تحقيق هذه المسألة لا يوجد لدينا

تطابق 100 % . و بخلاف الولايات المتحدة الامريكية فان ايران جارتنا التي تربطنا بها علاقات تاريخية قديمة ونتعاون معها في المجالات الاقتصادية والانسانية وفي المجال العسكري – التقني . واشير بشكل خاص الى ان ايران شريكنا ببحر قزوين اضافة الى ثلاث دول اخرى . وبالمناسبة فان موقف ايران في موضوع التسوية القانونية لوضع بحر قزوين قريب من موقفنا لذلك يهمننا جدا مايجري في ايران وحولها . ان هذا يمس مصالحنا الاقتصادية ومجال الامن . وطعبا يقلقنا جدا رفض ايران التعاون مع المنظمة الدولية للطاقة الذرية . ولكننا نحاول العمل بشكل بناء ، ونسعى لاجاد حلول وسط . فايئنا اتجهنا في الشرق الاوسط ، الى افغانستان ، الى العراق ، الى فلسطين ، الى لبنان . نجد ان لايران في كل مكان اندرع تأثير جديده . ومهمتنا هي توجيه هذا التأثير نحو الجهود العامة واستخدامه في ايجاد حلول سلمية بناءة في هذه المنطقة غير المستقرة . ان محاولات البعض عزل الجهة التي بإمكانها ان تساهم في ذلك يمكن ان تعطي نتائج ائبية مفيدة ، الا انها ذات قصر نظر .

В первом подчеркнутом предложении переводчик не произвел необходимую переводческую трансформацию, в результате чего получилось не совсем понятное предложение. Помимо того что в переводе видны черты буквального перевода, в нем еще была сохранена позиция вводного оборота *и в этом позиции совпадают*, что еще больше осложняет восприятие текста. В тексте перевода вводный оборот надо вынести в постпозицию. В этом же высказывании есть еще одна неточность, касающаяся наречия *принципиально*. В толковом словаре Д.Н. Ушакова прилагательное “принципиальный” определяется как: 1) связанный с принципами, вытекающий из принципов; чрезвычайно важный; 2) строго придерживающийся принципов; 3) основной, общий, без деталей. В данном тексте оно выражает первое значение. Его синонимами могут быть: *весьма, очень, твердо* и т. д. Для передачи смысла наречия *принципиально* было употреблено слово *مبدئيا*, которое совпадает с третьим значением, представленным в толковом словаре Д.Н. Ушакова и резко отличающимся от значения, выраженного в оригинале. В русско-арабском словаре В.М. Борисова наречие *принципиально* переводится так: *مبدئيا – в принципе* (в тексте перевода был использован этот вариант), *جوهريا – по существу*. Несомненно, что второй вариант указывает на то значение, в котором употреблено *принципиально* в ИТ. Тем не менее мы считаем, что здесь надо учесть арабскую речевую традицию, предполагающую употребление специальных слов, например: *للغاية, جدا – весьма, чрезвычайно*. Таким образом, окончательный вариант перевода таков: *بالنسبة للولايات المتحدة الامريكية كما هو الحال بالنسبة لنا من المهم جدا الا يتم خرق(انتهاك) نظام منع انتشار الاسلحة النووية وهو مانفق فيه معهم*

Следует здесь обратить внимание на метафорическое словосочетание *рычаги влияния*. В этом метафорическом образе Ближний Восток представлен как устройство, составляющими которого являются страны этого региона. Имея рычаги влияния в ряде государств данного региона, Иран является важным игроком на Ближнем Востоке, имеющим как политическую значимость, так и военную. С точки зрения перевода, вышеуказанное словосочетание было успешно передано на арабский язык путем буквального перевода, который, в данном случае, не нарушает языковых норм арабского языка, а также не идет в разрез с языковой картиной мира. Однако мы остановимся здесь на переводе прилагательного *серьезный*, которое, как уже было сказано, было переведено своим прямым соответствием *جدي*. Такой вариант может быть принят в качестве правильного, но для качества перевода и для того, чтобы не было у потребителя перевода ощущения неестественности речи, нам представляется, что лучше ориентироваться на речевые нормы арабского языка, т.е. выбрать ту лексическую единицу, соответствующую данной ситуации. Таковой может быть прилагательное: *قوي* – *сильный*.

Слово *задача* было переведено как *مهمتنا* – *наша задача*, т.е. она была отнесена к РФ, которую представляет министр иностранных дел. Однако это не соответствует оригиналу, ибо слово *задача* в ИТ дается без местоимения *наша*, оно, на наш взгляд, выполняет в данном контексте чисто модальное значение. Его можно заменить такими безлично-предикативными словами, как *нужно*, *важно*, *необходимо* и т.д. Следующий зафиксированный случай связан со словосочетанием *взрывоопасный регион*. Прилагательное *взрывоопасный* переводится прилагательным *غير مستقر* – *нестабильный*. В толковом словаре русского языка С.А. Кузнецова *взрывоопасный* определяется как «представляющий опасность для общественного порядка; грозящий общественными беспорядками». Употребленное арабское соответствие не полностью передает значение, заложенное в русском прилагательном, что приводит к утрате весьма важного оттенка, связанного с характеристикой говорящим описываемого региона. Подобную потерю можно было избежать путем поиска в арабском языке тех соответствий, которые передали бы более точно семантику русского прилагательного. Таковыми могут быть: 1) *متفجرة*; этот вариант ближе к исходной форме с семантико-структурной точки зрения; 2) *مضطربة للغاية*; здесь учтено характер-

ное для арабского языка средство языкового выражения с целью произвести на рецептора перевода прагматическое воздействие.

Доверие от первого лица

Барцевский: Наши отношения с США мне напоминают двух парней, ухаживающих за одной девушкой. Мы вроде как дружим, но подкалываем друг друга при каждом удобном случае. Кто мы все-таки: враги, оппоненты, конкуренты, товарищи, друзья? Опишите в бытовых терминах нынешние отношения с США?

Лавров: Не скажу, что противники, но и не друзья. При новой администрации действительно появилась и сохраняется новая атмосфера отношений между президентами. Признаюсь, что и между госсекретарем США и министром иностранных дел России атмосфера улучшилась, стала более конструктивной, более сподвигающая на поиск каких-то общеприемлемых решений. Но не на всех этажах это ощущается.

الثقة المنطلقة من الشخصية الاولى
س – ان علاقتنا مع الولايات المتحدة الامريكية تذكرني بحب شابين لفتاة واحدة. فمن ناحية نحن اصدقاء ولكننا مع كل فرصة مواتية نحاول ان تنغص بعضنا البعض. فمن نحن – اعداء ام اصدقاء؟ اوصفوا لنا بلغة مفهومة علاقاتنا الحالية مع امريكا؟
ج – لا اقول ان روسيا الاتحادية والولايات المتحدة الامريكية خصمان، ولا استطيع القول انهما اصبحتا صديقتين . وباستلام ادارة الرئيس اوباما السلطة في الولايات المتحدة الامريكية نشأ بيننا جو جديد في العلاقات. اعترف بان العلاقة بين وزير خارجية الولايات المتحدة الامريكية ووزير خارجية روسيا الاتحادية قد تحسنت واصبحت بناءة اكثر ومشجعة للبحث عن حلول مشتركة، ولكن هذا الشيء لا يلاحظ في جميع الامور.

В подзаголовке переводчик включил прилагательное *исходящая* – *منطلقة*, которое отсутствует в ИТ. Такая трансформация вполне обоснованна, т.к. без добавления прилагательного предложение вызовет у читателя недопонимание. Характеризуя отношения РФ с США, журналист применяет метафору: *наши отношения с США мне напоминают двух парней, ухаживающих за одной девушкой*; т.е. РФ и США метафорически представлены как живые люди, умеющие ухаживать. Такое сравнение было передано в тексте перевода, но другим глаголом: не *ухаживать*, а *любить*. Это, может быть, несерьезное отклонение от оригинала,

тем не менее мы считаем, что в данном случае переводчику ничто не мешало перевести значительно точнее: علاقتنا مع الولايات المتحدة بشابين يتوددان الى فتاة واحدة. Кроме того, в этом же фрагменте необходимо рассмотреть предложение *Мы вроде как дружим, но подкалываем друг друга при каждом удобном случае.* Начнем с первой части этого предложения *мы вроде как дружим*, которая переводится как *فمن ناحية نحن اصدقاء* – с одной стороны мы друзья. В исходном высказывании употребляется частица *вроде как*, указывающая на предположительность высказывания, на сомнение в достоверности чего-либо. Данная частица является средством выражения субъективной модальности и передает значение неполной уверенности в сообщаемом. Это делает частицы *вроде как* важным компонентом любого высказывания. Следовательно, те предложения, в которых употребляется данная частица, противопоставляются предложениям, где она отсутствует. Это соответствует тому, что мы видим в переводе. В ПТ *вроде бы* отсутствует, в результате чего получилось предложение с противоположным значением, т.е. утратилось отношение говорящего к содержанию высказывания. Исходя из этого, нам представляется, что необходимо сохранить эту частицу в переводе. Ее можно перевести словом *يبدو*. Вторая часть предложения содержит фразеологическое выражение *подкалывать друг друга*, где глагол употребляется в переносном значении, т.е. в значении «поддеть, уязвить». Глагол *подкалывать* в этом значении отличается от других глаголов, имеющих ту же самую сему, меньшей степенью проявления признака или действия. Для перевода этого глагола был подобран глагол *نخص*, который, в соответствии с толковыми словарями арабского языка Аль-мухит и Аль-гани, означает: *портить, отравлять, делать невыносимым*, обычно в таких словосочетаниях, как *портить жизнь, отравлять существование* (у этого глагола есть еще и другие значения, но нас здесь интересует то значение, которое представлено в этом тексте). Сопоставив словарные значения этих двух лексических единиц, можно сделать вывод, что арабский глагол не является семантическим эквивалентом русскому глаголу, в связи с тем, что между ними есть существенная разница: арабский глагол предполагает злонамеренные действия, направляемые на другого лица с целью расстраивать его, делать его жизнь тяжелой, т.е. в нем сильно выражено проявление действия. Русский же глагол подразумевает незлонамеренное совершение действия. Для перевода вышеука-

занного фразеологизма предлагаем два варианта: первый предполагает употребление глагола *نخز*, который совпадает с русским глаголом как в прямом, так и в переносном значении. Несмотря на то что арабский глагол не часто употребляется в своем переносном значении, это не нарушает арабской речевой традиции и не приводит к затемнению смысла. С помощью данного варианта русские и арабские предложения оказываются совпадающими как в семантическом, так и в структурном плане. Второй вариант является узуальным эквивалентом, т.е. основан на принятых средствах языкового выражения. Такими средствами могли бы быть следующие глаголы: *ماحك, شاكس*. Кроме того, следует обратить внимание на то, что одним из соответствий мотивирующего глагола *колоть* является глагол *همز*, который совпадает с русским глаголом в одном из его прямых значений, а именно: «всаживать, вонзять в чье-нибудь тело острие орудия». Что касается переносных значений, то, на первый взгляд, они кажутся одинаковыми, т.е. обозначают одну и ту же ситуацию в переносном значении, что создает «соблазн» использовать арабский глагол для перевода русских глаголов *подколоть* или *колоть*. Однако при тщательном сопоставлении их словарных значений выявляется, что они резко отличаются друг от друга: русские *подколоть, колоть* выражают, как уже было сказано, «задевание кого-либо замечанием, поступком» и т.д., в то время как арабский *همز*, согласно толковому словарю арабского языка Аль-гани, означает следующее: «бесчестить, порочить кого-либо в его отсутствии». Следовательно, занимаясь переводческим процессом, переводчик должен проводить всестороннее сравнение лексических единиц в поисках подходящего эквивалента.

Характеризуя российско-американские отношения, журналист предлагает 5 форматов отношений: *враги, оппоненты, конкуренты, товарищи, друзья*. Для передачи значений этих слов в арабском тексте были употреблены только два слова: *اصدقاء* – для обозначения *товарищи и друзья* и *اعداء* – *враги*. Слова *оппоненты и конкуренты* не были переведены на арабский язык. Мы считаем опущение этих слов необоснованным, т.к. это обедняет информацию, ибо они не являются синонимами ни к слову *اعداء* – *враги*, ни к слову *اصدقاء* – *друзья*, а занимают срединную позицию между ними. Следовательно, необходимо воспроизвести значения данных слов: *конкурент* переводится своим словарным соответствием *منافس*, *оппонент* же требует анализа семантики при пе-

реводе. Согласно толковому словарю Д.Н. Ушакова, *оппонент* – это «лицо, оппонирующее кому-н. в публичной беседе, на диспуте». Но в политическом дискурсе оно употребляется в значении *соперник*. В русско-арабском словаре В.М. Борисова слово *оппонент* переводится как مناقش، مقابل، которые соответствуют только первому значению этого слова. Для выражения второго значения мы предлагаем слово خصم.

Следует обратить внимание на правильный подход к переводу фразы *в бытовых терминах*. Система арабского языка позволяет перевести более точно *في مصطلحات حياتية*, однако это не соответствует норме арабского языка. Согласно арабской грамматике здесь следует употребить не предлог *في*, а предлог *ب*. Это означает, что в соответствии с языковой нормой арабского языка данное словосочетание переводится как *بمصطلحات حياتية*, но последний перевод не соответствует узусу носителя арабского языка, что приводит к нарушению коммуникативного эффекта. Поэтому переводчик правомерно поступил, употребив характерные для арабского языка средства выражения: *بلغة مفهومة* – *понятным языком*.

Барцевский: *Сергей Викторович, а вы вашей коллеге американской чисто по-человечески доверяете?*

Лавров: *Доверяю. И президент доверяет президенту Обаме. И я знаю, что Обама доверяет президенту Медведеву.*

س – هل تثقون بزميلتكم الامريكية ؟
ج - اثق بزميلتي الامريكية هيلاري كلينتون، وان الرئيس ايضا يثق بالرئيس اوباما ، وانا اعرف بان اوباما يثق بالرئيس مدفيديف.

В ПТ была опущена фраза *чисто по-человечески*, что, на наш взгляд, является серьезным отклонением от ИТ. Арабское предложение без фразы *чисто по-человечески* несет общий характер и является вопросом, не содержащим какой-либо конкретизации и требующим категорического ответа, т.е. отрицания или подтверждения. В то время как в русском предложении было четко охарактеризовано доверие, т.е. фраза *чисто по-человечески* уточняет смысл вопроса и ограничивает его личным уровнем. Следовательно, необходимо отразить данный важный компонент в тексте перевода. Для того чтобы воспроизвести его, следует

обратить внимание на то, что согласно системе и норме арабского языка можно здесь применить принцип текстуальной близости и перевести ближе к оригиналу: *على المستوى الانساني البحث*, но такой перевод, возможно, вызовет недопонимание. Чтобы достичь равноценности коммуникативного эффекта, нужно ориентироваться на арабскую речевую норму, предусматривающую употребление конкретного выражения: *على المستوى الشخصي البحث* – *чисто на личном уровне*. Здесь видно неравенство двух выражений в семантико-структурном плане, но подобное неравенство вполне допустимо с целью произвести коммуникативный эффект на рецептора перевода, а тем самым достигается адекватное восприятие ИТ и ПТ. Здесь мы имеем дело с грамматическими заменами, в рамках которых было заменено наречие *чисто* на прилагательное *البحث - чистый*, а наречие *по-человечески* на предложно-падежную форму *على المستوى الشخصي* - *на личном уровне*.

Слово *коллега* переведено прямым словарным соответствием *زميل*. Однако здесь необходимо учесть речевую арабскую традицию, характерную для арабского политического дискурса. Типичным словом, употребляемым для перевода *коллега* в политической сфере, является *نظير*.

Барцевский: *Лично для вас – не министра иностранных дел – для Сергея Лаврова Россия – это часть Европы или часть Азии? Или это вообще нечто особенное?*

Лавров: *По большому счету Россия – это самостоятельная, мощно разросшаяся ветвь европейской цивилизации. Точно так же, как США – самостоятельная мощная ветвь той же цивилизации. И разными способами Америка и Россия продвигали европейскую цивилизацию соответственно на Запад и Восток.*

س – بالنسبة لكم كائنسان (لا كوزير خارجية) هل روسيا جزء من اوروبا ام جزء من اسيا؟ ام انها شئ خاص ؟

ج- بشكل عام ان روسيا – هي جزء مستقل وفرع نامي وقوي من الحضارة الاوروبية، تماما كما هو حال الولايات المتحدة الامريكية التي هي فرع قوي من نفس الحضارة. وبطرق مختلفة عملت روسيا وامريكا على تحريك هذه الحضارة نحو الشرق والغرب.

В данной части текста мы сталкиваемся с серьезной погрешностью, связанной с переводом предложения *И разными способами Америка и Россия продвигали европейскую цивилиза-*

цию соответственно на Запад и Восток, которое было переведено на арабский язык следующим образом: *ويطرق مختلفه عملت روسيا وامريكا على تحريك هذه الحضارة نحو الشرق والغرب* – и разными способами Россия и Америка продвигали эту цивилизацию на Восток и Запад. Смысл такого перевода предполагает, что Россия и Америка продвигали европейскую цивилизацию и на Восток и на Запад. Однако это противоречит исходному сообщению, в котором конкретно обозначено, какое государство в какую сторону продвигало европейскую цивилизацию, а именно: Америка на Запад, а Россия на Восток. Определяющую роль в этом случае играет наречие *соответственно*, выполняющее функцию распределителя, который точно соотносит предшествующие и стоящие после него слова.

Барцевский: *Честно говоря, я очень боялся от вас услышать банальность, что мы Евразия, что у нас свой особый путь.*

س – بالحقيقة كنت خانفا حيث توقعت ان اسمع منكم باننا في اوراسية وان لدينا طريقا خاصا بنا.

Неточность здесь касается выражения *боялся услышать*, которое переводится как *كنت خانفا حيث توقعت ان اسمع منكم باننا* – *я боялся, потому что я подумал, что услышу...* Нам кажется, что проведенная здесь переводчиком трансформация немотивированна, ибо без ущерба для качества перевода он мог бы перевести «слово в слово» и сохранить даже неопределенную форму глагола в соответствии, конечно, с грамматикой арабского языка. В отдельных случаях от переводчика не требуются какие-либо трансформации, потому что буквальный перевод оказывается вполне достаточным для выполнения коммуникативной задачи. Вот, что пишет Л.К. Латышев по этому поводу: «иногда для достижения равноценности регулятивного воздействия бывает достаточно наипростейшего, «прямого перевыражения». В результате получается перевод, текстуально наиболее близкий к оригиналу» [Латышев 2008: 44]. Та или иная трансформация должна быть мотивирована объективной причиной, связанной с языковыми и культурными расхождениями.

Барцевский: *Это формы международного сотрудничества. Я сейчас говорю с точки зрения культуры, с точки зрения менталитета, если хотите.*

Лавров: *Здесь даже спорить нечего.*

س – ان هذه اشكال للتعاون الدولي. انا اتحدث من وجهة نظر ثقافية او من ناحية الطابع البشرية اذا اردتم.

ج – اعتقد لانقاش حول هذا الموضوع.

Подчеркнутое предложение является переводом высказывания *здесь даже спорить нечего*. Такой вариант отвечает системе и нормам арабского языка, но для достижения адекватной реакции со стороны рецептора перевода желательнее подобрать тот вариант, который соответствует речевым стандартам. Таким может быть: *ان هذا امر مفروغ منه*.

Барщевский: *А вы верите в воссоздание с годами крепкого союза на большей части территории бывшего СССР? Вот вы упомянули, ШОС, ОДКБ. Это же, как мне кажется, в общем, такие шажки в сторону воссоздания, естественно, на другой основе некоего крупного конгломерата.*

Лавров: *Верить, как сказал поэт и дипломат, можно только в Россию, а СССР он не имел в виду. Поэтому я верю в Россию, а что касается отношений с нашими соседями, то здесь, наверное, нужны другие категории, чтобы определить, что нам всем сегодня требуется. Верить в воссоздание конгломерата – очень абстрактно и не заземлено.*

س – هل تثقون بإمكانية قيام اتحاد متين بمرور السنين على الجزء الاكبر من اراضي الاتحاد السوفيتي السابق؟ لقد ذكرتم منظمة شنغهاي للتعاون ومنظمة معاهدة الامن الجماعي. يظهر لي ان هذه قفزات نحو اعادة تشكيل كتلة (كونجوميرات) كبيرة بأسس مختلفة.

ج – قال الشاعر والدبلوماسي يجب الثقة بروسيا، انه لم يكن يعني الاتحاد السوفيتي. لذلك فانا اثق بروسيا. اما ما يخص علاقاتنا مع جيراننا فهنا لا بد من مفاهيم اخرى لتحديد ما نحتاج هو امر مجرد اليه جميعنا. ان التصديق باعادة تكوين كتلة كبيرة (كونجوميرات) جديدة وغير واقعي

Здесь обращают на себя внимание два момента. Первый касается слова *конгломерат*, для передачи которого были применены сразу два способа: транслитерация и точное семантическое соответствие, которое дается перед транслитерацией. Однако транслитерация употребляется обычно для передачи безэквива-

лентной лексики, а слово *конгломерат* имеет соответствие в словарном составе арабского языка. Следовательно, необходимо отстранить транслитерированное слово и оставить семантический эквивалент. Вторым же моментом является предложение *верить, как сказал поэт и дипломат, можно только в Россию*, которое представляет собой яркий пример расхождения коммуникативных компетенций носителей ИЯ и ПЯ, а именно в части преинформационных запасов. Русский читатель располагает информацией о том, кто подразумевается под словами *поэт* и *дипломат*, но подобная информация культурно-исторического характера неизвестна арабскому читателю, являющемуся адресатом этого текста. Действительно, эти моменты относятся к ряду сложных ситуаций, с которыми сталкивается переводчик, т.к. для их верной передачи требуется привлечение фоновых знаний различного характера. В данном случае министр, конечно, имеет в виду известного поэта Федора Ивановича Тютчева, перу которого принадлежит следующее стихотворение:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.*

Однако незнание переводчиком данной сугубо культурно-исторической информации не означает невозможность адекватного перевода. Русское предложение переводится буквально, что приводит к утрате эффекта на адресата, перевод будет ему просто непонятен, т.к. в арабском тексте к словам *شاعر, دبلوماسي* *поэт* и *дипломат* присоединен определенный артикль *ال*, который употребляется для обозначения знакомых человеку предметов действительности. Выходом из этого положения может служить неопределенная форма *احد الشعراء و الدبلوماسيين* — *один поэт и дипломат*.

Итак, как мы видим, в данном тексте фигурируют разные пласты лексики, в нем применяется такое важное образное языковое средство, как метафора, встречаются также фразеологические обороты. Это характерно для публицистического стиля, для текстов, относящихся к политическому дискурсу. Перевод подобного рода текстов требует от переводчика предельной внимательности, а также привлечения экстралингвистической инфор-

мации, от которой во многих случаях зависит адекватный перевод. В ходе анализа данного текста был выявлен ряд неточностей, мотивированных, во-первых, непониманием исходного сообщения, а во-вторых, нехваткой лингвистических компетенций. Кроме того, были отмечены те моменты, при переводе которых переводчик правомерно поступил и выбрал подходящие языковые соответствия.

Литература

Толковый словарь арабского языка Аль-Гани («Богатый»).
<http://lexicons.sakhr.com>

Толковый словарь арабского языка Аль-Мухит («Океан»). Ливан, 2007.

Бархударов Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., 2008.

Латышев Л. К. Технология перевода. М., 2008.

Русско-арабский словарь В.М. Борисова. М., 2004.

Большой толковый словарь современного русского языка Д.Н. Ушакова. М., 2009.

Современный толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова. СПб, 2002.

**О НОРМЕ КАЧЕСТВА УСТНОГО ДВУСТОРОННЕГО ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ) ***

В настоящее время в эпоху глобализации переводчик, и особенно переводчик, осуществляющий устный перевод, играет важную роль в укреплении международных связей.

Ситуация с изучением устного двустороннего перевода (с китайского языка на русский и наоборот) в Китае достаточно сложная. В обществе бытует мнение о том, что устный перевод не является предметом изучения переводоведения. Считается, что для осуществления устного перевода не требуется специальной подготовки, и любой, кто владеет разговорным русским языком, способен к этому роду деятельности. Подобное отношение связано с целым комплексом проблем. Нехватка специалистов, владеющих навыком устного двустороннего перевода и методикой его преподавания, стала одной из проблем. Не существует четкой формулировки целей и задач такой подготовки, нет единого мнения о том, какой нормы качества следует придерживаться в преподавании этой дисциплины. Некоторые специалисты в области переводоведения полагаются на собственную интуицию, другие опираются на английскую систему практики перевода. Одним словом, соответствующая норма подготовки устного переводчика в Китае пока является новым предметом. Как стать квалифицированным переводчиком устного перевода? Какими способностями должен обладать переводчик устного перевода? Какими должны быть качество перевода и норма качества устного двустороннего перевода (с китайского языка на русский и наоборот)? Как обеспечить и улучшить качество устного перевода? Однозначного ответа на эти вопросы пока нет. Одним словом, соответствующая норма подготовки устного переводчика в Китае пока является новым предметом.

Норма качества устного двустороннего перевода (с китайского языка на русский и наоборот) – это гарантия качественного

*Подготовлена при финансовой поддержке Китайского гуманитарного научного фонда при Министерстве просвещения КНР.

устного перевода. Поэтому нашей актуальной задачей стало исследование системы нормы устного двустороннего русско-китайского и китайско-русского перевода и изучение системы подготовки специалистов этого вида перевода.

В данной статье будет изложена суть устного перевода и будет определена система нормы качества устного перевода на материале русского и китайского языков.

1. Понятие нормы качества устного перевода

Устный перевод – это высший уровень речевой переводческой деятельности, осуществляемый переводчиком. Своеобразие устного перевода заключается в том, что процесс перекодирования высказывания, подвергающегося устному переводу, как правило, совпадает с моментом речи, т.е. устный переводчик не может заглянуть в какой-либо словарь или подобрать необходимые для перевода средства. Ему приходится быстро, грамотно и точно высказываться на языке перевода во время перевода. Это требует от переводчика не только навыков аудирования, но и умения отделить важную информацию от второстепенной и точно передать ее средствами языка перевода. Выслушивая текст на исходном языке, переводчик должен сразу запомнить ключевую информацию (о чем говорится), затем проанализировать и в конечном счёте изложить ее на языке перевода. Это и есть 3 стадии процесса устного перевода: *память – восприятие речи источника – высказывание на переводящем языке*, которые должен учитывать преподаватель устного двустороннего русско-китайского (китайско-русского) перевода.

Качество устного перевода – это результат процесса перевода, оцениваемый неким набором объективных и субъективных критериев, принятых для оценки данного вида устного перевода, его соответствие или наоборот несоответствие этим критериям и требованиям.

Для того чтобы получить устный перевод высокого качества, необходимо создать систему нормы качества устного перевода.

Система нормы качества устного перевода – это совокупность требований, предъявляемых к качеству перевода, которые определяются оценкой выполненного устного перевода на его соответствие определённым требованиям. Её функция заключается в оценке степеней владения разными способностями и техникой устного перевода переводчиками.

Качество устного перевода обуславливается способностями переводчика. Выделяя три стадии устного перевода, можно сделать вывод, что способности переводчика заключаются в *языковой способности, навыках и умениях, внеязыковой способности переводчика устного перевода*. Эти аспекты перевода носят нормативный характер и определяют критерии оценки перевода, и поэтому норма перевода складывается в результате взаимодействия следующих видов нормативных требований.

1. Языковая способность.

Теорию о языковой способности, созданную современным американским лингвистом Lyle F. Bachman, можно схематично представить следующим образом:

Состав языковой способности [Bachman 1990: 87]

языковая способность					
способности организации					способность применения
способности грамматики			способности грамматики текста		
фонетика	грамматика	лексика	синтаксис	связь слов	стилистика

Языковая способность переводчика устного перевода состоит из *способности восприятия исходного текста* и *способности высказывания на переводящем языке*. Под способностью восприятия исходного текста подразумевается, что переводчик воспринимает информацию мозгом (какая-то информация сохраняется, а какая-то может потеряться). Высказывание обозначает то, что переводчик логично, точно, отчётливо, быстро, как можно полнее излагает воспринятую информацию на переводящем языке.

2. Навыки и умения устного перевода.

В навыки и умения переводчика, осуществляющего устный перевод, включено следующее:

- *мгновенная память*

В процессе устного перевода переводчик чаще всего опирается на мгновенную память. На этом этапе информация сохраняется ± 1 минуту, средняя скоропись речи – около 150 слов в минуту. При осуществлении устного перевода эта память играет роль перевалочной стадии. В процессе использования мгновенной памяти переводчик должен вычеркивать обобщенные слова из оригинала текста, “схватывать” ключевые слова.

• *переводческая скоропись*

Несмотря на то что переводчик обладает очень хорошей памятью, этого будет недостаточно для осуществления качественного перевода, если только опираться на одну память. Необходим ещё ряд условий:

а) нагрузка мгновенной памяти ограничена, поэтому необходимо срочно перекодировать всю информацию, сохранённую на этой стадии;

б) когда мозг человека интенсивно работает, нагрузка на память увеличивается, и это будет, безусловно, влиять на дальнейшее запоминание.

Так что во время устного перевода переводчику необходимо вспомогательное средство для запоминания текста. Таким средством может являться переводческая скоропись.

3. Внеязыковая способность.

Внеязыковые способности – это составная часть способности устного переводчика. Они включают не только жест, голос, одежду, выражение лица, большую ответственность, серьёзное отношение к работе, но и обширные знания о культуре двух стран, и, конечно, психологическую устойчивость переводчика. Психологическая устойчивость в профессии устного переводчика имеет очень важное значение. Ввиду огромной умственной нагрузки и напряжённости в процессе устного перевода переводчик должен иметь большую силу выдержки, чтобы осуществлять устный перевод.

Предлагаем следующую систему нормы качества устного двустороннего русско-китайского (китайско-русского) перевода.

Система нормы качества устного двустороннего русско-китайского перевода (китайско-русского перевода)

аспекты оценки	критерии оценки	шкала оценки			
		отлично	хорошо	удовлетворительно	неудовлетворительно
фонетика	Правильная				
грамматика	Правильная				
лексика	Богатство слов; свободно и точно употребляются				

воспри- ятие исходно- го текста	Правильно воспри- нять содержание ори- гинала текста.				
внеязы- ковое знание исходно- го языка	Не препятствовать пониманию оригинала.				
выска- зывание на пере- водящем языке	Логично, точно, ясно, быстро излагаться.				
внеязыко- вое знание переводя- щего язык- а	Не препятствовать высказаться на перево- дящем языке.				
мгно- венная память	Ловить суть содержа- ния оригинала в корот- кое время и сохранять ее в памяти. После передачи информации сразу забыть ее и снова начать записывать новую ключевую ин- формацию.				
перевод- ческая скоро- пись	Чёткость и сжатость записи				
перевод цифр	Точно и быстро пере- вести цифры с русско- го языка на китайский и наоборот.				
голос	Плавный, самоуверен- ный. Умеренный темп речи.				
движе- ние тела	Умеренное.				
выраже- ние лица	Уверенное.				
перевод- ческие тактики в про- цессе восприя- тия вы- сказыва- ния	Разными способами быстро разрешить проблемы, возникшие в процессе восприятия высказывания.				

психологические задатки	Выдержанность. Способность переносить большие психологические и физические нагрузки.				
Профессиональная этика	Заранее подготовиться к устному переводу				
итоги					

2. Применение системы нормы качества устного двустороннего перевода

Ниже мы приводим одну из экзаменационных работ (видео-запись) одного студента в качестве примера, чтобы выяснить, как применяется вышеизложенная система нормы качества устного двустороннего русско-китайского (китайско-русского) перевода.

Оригинал текста:

ИЗ ИСТОРИИ ОЛИМПИЙСКИХ ИГР

Глядя на символ Олимпийских игр, вспоминаем, что пять тесно сплетающихся колец говорят о спортивном содружестве, о равенстве людей пяти частей света. Синее кольцо символизирует Европу, черное – Африку, желтое – Азию, красное – Америку, зеленое – далекую Австралию.//

Олимпиада! Ныне этим словом называют не только спортивные, но и любые другие соревнования. И никто не удивится, увидев афишу «Математическая олимпиада» или «Олимпиада художественной самодеятельности». У греков же олимпиадой назывались не соревнования, а четырехлетие, разделявшее Олимпийские игры.//

Теперь Олимпийские игры – это соревнование сильнейших из сильных. Традиция проведения Олимпийских игр идет с древних веков. В 1896 году в Афинах снова собрались спортсмены многих стран и наций. С тех пор Олимпийские игры проводятся каждые 4 года. И только в 1916, 1940 и 1944 годах они не состоялись.//

Олимпийский огонь зажигают от солнечных лучей в Олимпии, где проходили Олимпийские игры Древней Греции. Затем начинается факельная эстафета: спортсмены всех стран, лежащих на пути от Олимпии до города-столицы Олимпиады, днем и ночью несут факел к олимпийскому стадиону. Огненная эстафета финиширует на олимпийском стадионе. Атлет, бегущий на последнем этапе, зажигает олимпийский огонь, который будет гореть все дни Олимпиады.//

В 1968 году главным спортивным событием были XIX Олимпийские игры в Мехико под девизом «Быстрее, выше, сильнее!». В Олимпиаде приняли участие спортсмены из 112 стран мира. //

Впервые в истории Олимпиад олимпийский огонь зажгла женщина в Мехико. На Олимпийские соревнования древнего мира женщины не допускались ни в качестве участниц, ни в качестве зрителей. //

В XX Олимпийских играх, проходивших в августе 1972 года в Мюнхене, принимало участие 10 тысяч спортсменов из 122 стран.

В дни Олимпиады в Мюнхене побывало 4,5 миллиона зрителей и иностранных туристов. Более миллиарда телезрителей, жителей разных стран, наблюдали за ходом Олимпийских игр. //

Китайские спортсмены приняли участие в XXVI Олимпийских играх в Атланте в 1996 году. Китайская команда завоевала 16 золотых, 22 серебряные и 12 бронзовых медалей и заняла четвертое место в общекомандном зачете. //

Перевод:

这是五个相交做的 (“做的” 多余 (Здесь даётся лишнее слово)). 圆环, 象征着五个大洲团结、平等。(嗯... произношение “Ммм”) 蓝色代表欧洲, 黑色代表非洲, 黄色代表亚洲, 绿色代表澳洲, 红色代表美洲。

今天, 奥运匹克不只是指体育竞赛, 而且, 还有 (嗯... произношение “Ммм”) 其它形式的各种竞赛。现在, 当我们看见海报上写着 “数学奥林匹克竞赛”, 或者其它的艺术 (嗯... 停顿、皱眉头 произношение “Ммм”). Прихмурился. Отсутствие связи между предыдущими и последующими фразами.) 奥林匹克赛, 没有人会为这个感到惊奇。

在今天 (信息错误 информационная ошибка), 奥林匹克这只是普通的四年 – 次举行的一个竞赛 (信息错误, 吐舌头 информационная ошибка. Студент высовывает язык).

今天, 奥林匹克竞赛是 (嗯... произношение “Ммм”) 展示力量的竞赛。(嗯... произношение “Ммм”) 举办奥林匹克竞赛可以追溯到远古时期。在公元 896 年 (信息错误 информационная ошибка) 在雅典举办了第一次奥运会。从那时起每四年举行一次奥林匹克竞赛。只有 1916 年、1940 年、1944 年没有举办。

奥运圣火是 (嗯... произношение “Ммм”) 由古希腊举办第一次奥林匹克竞赛 (嗯... произношение “Ммм”) 的光线 (嗯... произношение “Ммм”) 点燃的 (信息含糊, 不清楚, 吐舌头 Информ-

мация не ясна. Студент высовывает язык.)。现在, (嗯... произношение “Ммм”) 每年用接力赛的形式 (嗯... произношение “Ммм”) 运动员们把奥运圣火传递到传递到 (重复 повторение слов) 举办奥林匹克的主办城市 (信息错误、漏掉信息 Информация не ясна. Часть информации была пропущена).

1968年体育上最重要的事件是在墨西哥举办的第 19 届奥林匹克赛, 口号是“更快、更高、更强。(表达有误 Высказывание не-правильное.)”在这次奥林匹克赛上 (嗯... произношение “Ммм”) 有 (停顿 Пауза. Кажется, что студент не знает, о чем сказать.) 112 个国家的运动员前来参加。在墨西哥的历史上 (信息错误информационная ошибка) 第一次由女运动员点燃了奥运圣火。在古代的奥林匹克竞赛上女人既不可以做 (语言不通顺 Высказывание не логичное) 运动员参加奥林匹克赛, 也不可以作为观众观看奥林匹克赛。

1972 年在墨尔本 (嗯... произношение “Ммм”) 在墨尔本 (重复 повторение слов) (信息错误 информационная ошибка) 举办的第20届奥林匹克赛上有1万名运动员来自 (嗯... произношение “Ммм”) 202个 (信息错误информационная ошибка) 国家前来参赛。

在举办第20届奥林匹克竞赛期间 (嗯... произношение “Ммм”) 在墨尔本在墨尔本 (重复、信息错误; повторение слов, информационная ошибка) 有超过450万的观众和国外的游者 (语言不符合汉语习惯 Высказывание неграмотное. По-китайски так не говорят.) (嗯... произношение “Ммм”) 全世界超过10亿的观众观看这次奥林匹克竞赛。

(嗯... произношение “Ммм”) 中国的运动员参加了在亚特兰大举办的 (嗯... произношение “Ммм”) 在1996年在亚特兰大举办的 (重复 повторение слов) 第26届奥林匹克赛。在比赛中, 中国运动员夺得了16枚金牌, 22枚银牌和12枚铜牌, 团体总成绩排名第4名。

Анализ перевода:

Грамматика: 2 ошибки. Удовлетворительно.

Восприятие: Несмотря на наличие более 5 ошибок, они не изменили сути содержания оригинала. Удовлетворительно.

Высказывание: Наличие более 5 ошибок не влияло на качество перевода. Удовлетворительно.

Перевод цифры: Одна ошибка. Удовлетворительно.

Движение тела: Здесь появилось много недочетов, например, неплавный голос, неравномерный темп, повторяемость слов, неподходящие жесты, заминки в переводе. Удовлетворительно.

Итог: Удовлетворительно.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценка нормы качества устного двустороннего русско-китайского и китайско-русского перевода – это оценка уровня овладения навыками и умениями переводчиков, обеспечивающих гарантию качества устного перевода. Таким образом, при обучении устному переводу необходимо обратить внимание на подготовку языковых навыков и умений, внеязыковых компетенций студентов, изучающих теорию и практику устного перевода.

Литература

Bachman L. F. Fundamental Consideration in Language Testing [M] Oxford OUP, 1990.

Гу Хонфэй. Об устном двустороннем переводе и его переводческой скорописи // Слово. Грамматика речь, 2008, с. 180-185.

Комиссаров В.Н. Лингвистическое переводоведение в России. М., 2002.

Миньяр-Белоручев Р.А. Общая теория перевода и устный перевод. М., 1980.

Федоров А.В. Основы общей теории перевода – лингвистические проблемы. М., 1983.

蔡小红, 职业化口译三步曲: 技能意识, 技巧掌握, 职业反应[A],

«口译研究新探 新方法、新观念、新趋势» [C], 开益出版社, 2002.

达妮卡·塞莱斯科维奇, 玛丽亚娜·勒代雷著, 孙慧双译, «口笔译概论»

[M], 北京, 北京语言学院出版社, 1992.

[达妮卡·塞莱斯科维奇, 玛丽亚娜·勒代雷著, 汪家荣等译,

«口译理论实践与教学»[M], 北京, 旅游教育出版社, 1990.

顾鸿飞, 对口译教学若干问题的阐述[J], «中国俄语教学», 2005(1), 36-39.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Е.А. Илюшин

СФИНКС И ЕГО ЗАГАДКИ В ПОЭМЕ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА «МОСКВА – ПЕТУШКИ»

В главе «105-й километр – Покров» поэмы «Москва – Петушки» появляется Сфинкс и загадывает герою поэмы, Веничке, 5 загадок, ни одну из которых тот не разгадал. Нас интересует вопрос: возможны ли в принципе ответы на эти загадки, многие из которых более похожи на математические задачи, или невозможны? Сначала рассмотрим роль Сфинкса в этом эпизоде и то, как он соотносится с традиционным мифологическим и литературным образом Сфинкса.

Что касается роли эпизода со Сфинксом в ряду злоклучений героя поэмы, то именно после этого эпизода Веничка начинает догадываться, что он едет не в Петушки. После их разговора Сфинкс вытаскивает его в тамбур, где Веничка видит надпись «Покров» справа по ходу поезда, хотя она должна быть слева. Наряду с другими персонажами, появляющимися в последних главах поэмы, – Сатаной, Эринниями, Евтюшкиным, Митридатом, рабочим и крестьянкой со скульптуры, – Сфинкс является представителем враждебного Веничке мира, который не пускает его в Петушки – «город, где ни зимой, ни летом не отцветает и так далее» – и подготавливает его злодейское убийство. Исследователи поэмы Ерофеева отмечали важность образа Сфинкса. В статье М. Липовецкого «Кто убил Веничку Ерофеева» говорится:

«Гениальность “Москвы — Петушков”, пожалуй, состоит в том, что перед нами единственный в своем роде детектив. Читателю предоставлен труп героя (или автора?), и от разгадки этого убийства зависит понимание как всей поэмы, так и стоящего за ней философского эксперимента. Недаром Ерофеев вполне сознательно возбуждает ассоциации с другим знаменитым метафизическим детективом – “Царем Эдипом”: перед Веничкой появляется Сфинкс, загадывающий абсурдистские задачки, а сам Веничка немедленно отождествляет себя с Эдипом (детективом /

преступником, не знающим о собственном преступлении): “...там в Петушках, — чего? моровая язва? Там кто-то вышел замуж за собственную дочь, и ты...? — Там хуже, чем дочь и язва”» [Липовецкий 2006].

Конечно, вспоминаются и Сфинксы у русских поэтов, в том числе Тютчева («Природа – сфинкс...»), Блока («Россия – Сфинкс...»). Автор статьи о Тютчеве и Ерофееве указывает, что «...Сфинкс задает Веничке загадки, которые тот не может решить и, следовательно, должен погибнуть. Эта сцена предвещает близкую гибель героя». [Шталь].

Для понимания роли Сфинкса в поэме Ерофеева важна этимология этого слова. В словаре Фасмера указывается, что слово Сфинкс пришло в русский язык из греческого, через латынь и немецкий. Происходит от греческого Σφίγξ – удушающий, дух смерти, от глагола «сдавливаю» [Фасмер].

Между тем, хорошо известно, что мотив удушения – очень существенный мотив «Москвы – Петушков», неразрывно связанный с мотивом закалывания: «Что ж они думают? Что меня там никто не встретит? Или поезд повалится под откос? Или в Купавне высадят контролеры? или где-нибудь у 105-го километра я задремлю от вина, и меня, сонного, удавят, как мальчика? Или зарежут, как девочку? Почему же ангелы смущаются и молчат?» («Никольское – Салтыковская»). Как видим, слова «удавят» и «зарежут» стоят рядом. Обратим внимание на то, что уже здесь Веничка называет платформу 105-й километр, проезжая которую, он и встретил Сфинкса. Так что сцена встречи со Сфинксом не только предвещает гибель героя, но и само имя Сфинкс указывает на способ убийства. Ведь Веничку не только зарезали (закололи), его и душили: «Они даже не дали себе отдышаться – и с последней ступеньки бросились меня душить, сразу пятью или шестью руками, я, как мог, отцеплял их руки и защищал свое горло, как мог. <...> один из них <...> вытащил из кармана громадное шило <...> Они вонзили мне шило в самое горло...»¹.

Слово «Сфинкс» иногда функционирует как слово мужского рода, иногда – как женского. У этого существа из древнегреческой мифологии, которое загадывало загадки, была женская

¹ В связи с этим, конечно, вспоминается тот факт, что Венедикт Ерофеев умер от рака горла.

голова. Поэтому возможны такие контексты: «Сфинкс загадала загадку...», «Сфинкс бросилась со скалы, когда Эдип отгадал ее загадку» и т.д. Кстати, и у Тютчева, и у Блока это слово тоже сопоставляется с существительными женского рода. Вспомним и прозу Тургенева: Павел Петрович подарил княгине Р. «...кольцо с вырезанным на камне сфинксом. – Что это? – спросила она, – сфинкс? – Да, – ответил он, – и этот сфинкс – вы». («Отцы и дети», VII). Опять со сфинксом сравнивается женщина.

И Тютчев, и Тургенев, и Блок не обойдены вниманием автора поэмы «Москва – Петушки». «Мгновения два или три он еще постоял, колеблясь, как мыслящий тростник, а потом уже рухнул...» («Орехово-Зуево»). Ср.: «И ропщет мыслящий тростник» («Певучесть есть в морских волнах...», 1865). «У нас прямо как у Тургенева: все сидят и спорят про любовь... <...> Давайте, как у Тургенева! Пусть каждый что-нибудь да расскажет...» («Фрязево – 61-й километр»). «...я дал им почитать «Соловьинный сад», поэму Александра Блока» («Кусково – Новогиреево»).

Ерофеевский Сфинкс однозначно мужского рода: «передо мною был некто», «он рассмеялся», «он – ждал», «схватил меня за нос... и куда-то потащил», «О, паршивый Сфинкс!»).

При описании внешности своего Сфинкса Ерофеев использует прием абсурда. С одной стороны, сказано, что перед Веничкой «был некто без ног, без хвоста и без головы». С другой стороны, этот некто сначала ударил героя хвостом по спине, затем головой, после чего Веничка испугался, что теперь он его «треснет... по спине двумя ногами». Из частей тела, имевшихся у Сфинкса, названы: кулачище («он... тихо поводил кулачищем у самых моих ноздрей»), рожа («И с такою бандитскою рожей!...»). Ближе к концу главы у него появляются ноги, которых раньше не было («И Сфинкс рассмеялся, и встал на обе ноги»). Появляется и хвост («И Сфинкс, словно ему жарко, словно он уже потел от торжества и злорадства, обмахнулся хвостом»). Также упомянуты суставы: «... схватил меня за нос двумя суставами и куда-то потащил...». Итак, портрет получается расплывчатый, неопределенный. Нет головы, но есть рожа, ног то нет, то появляются 2 ноги, хвоста то нет, то он есть. Традиционные детали внешности сфинксов (туловище льва, крылья, женская голова) не упоминаются.

В отличие от Сфинкса, с которым (с которой) пришлось общаться Эдипу, Веничкин Сфинкс загадывает не одну, а пять загадок. Веничка должен отгадать их все, иначе Сфинкс не пу-

стит его в Петушки. Таким образом, после отказа Венички решать первую загадку Сфинкс мог бы остальные уже не загадывать, но он загадывает и вторую, и третью, и так далее.

Комментаторы отмечают абсурдность и бессмысленность этих загадок. Э. Власов сравнивает их с задачей Швейка у Гашека: «Стоит четырехэтажный дом, в каждом этаже по восьми окон, на крыше – два слуховых окна, в каждом этаже по два квартиранта. А теперь скажите, господа, в каком году умерла у швейцара бабушка?»¹. Он же отмечает, что они «пародируют задачи из учебников математики средней школы 1950-1960-х годов» [Власов, 508-509]. Разумеется, все это так. Но интересен также вопрос: можно ли в принципе пытаться их решать, искать ответ? И можно ли найти на них ответ?

Рассмотрим первую загадку:

"Знаменитый ударник Алексей Стаханов два раза в день ходил по малой нужде и один раз в два дня – по большой. Когда же с ним случался запой, он четыре раза в день ходил по малой нужде и ни разу – по большой. Подсчитай, сколько раз в год ударник Алексей Стаханов сходил по малой нужде и сколько по большой, если учесть, что у него триста двенадцать дней в году был запой".

Загадка (задача) решается довольно легко. Для обычного (не високосного) года: $365 - 312 = 53$ (дни, когда нет запоя). $312 \times 4 + 53 \times 2 = 1248 + 106 = 1354$ (по малой нужде). $312 \times 0 + 53 : 2 = 26,5$ (по большой нужде). Для високосного² года нужно прибавить один день: $312 \times 4 + 54 \times 2 = 1248 + 108 = 1356$ (по малой нуж-

¹ Открыв этот эпизод «Похождений бравого солдата Швейка» (часть первая, глава III), мы тут же обнаружили еще одну параллель между двумя произведениями: «...я...укусил одного судебного врача из комиссии в ногу, выпил чернила из чернильницы и на глазах у всей комиссии, простите, господа, за нескромность, наделал в углу» [«Похождения...» часть первая, глава III]. «Ты смог бы у этого приятеля, про которого ты рассказывал, – смог бы палец у него откусить? <...> А ты мог бы: ночью, тихонько войти в парткабинет, снять штаны и выпить целый флакон чернил, а потом поставить флакон на место, надеть штаны и тихонько вернуться домой?» [«Москва – Петушки», «61-й километр – 65-й километр»]. Также есть сходство в поведении у психиатров Швейка и Гуревича из «Вальпургиевой ночи».

² Интересен случай употребления слова «високосный» в несуществующем значении в трагедии «Вальпургиева ночь, или шаги Командора»: «А что вы тут делали? – пока **високосные** люди нашей планеты достигали невозможного – чем в это время занимались вы, летаргический народ?..» (четвертый акт).

де). $312x0 + 54:2 = 27$ (по большой нужде). Со строго математических позиций решение правильное, с бытовой точки зрения вопрос может вызвать число 26,5 (двадцать шесть с половиной). Также могут быть некоторые вариации в решении, если допустить, что двухдневный цикл (*один раз в два дня*) пришелся на 31 декабря одного года и 1 января следующего.

Веничка не пытается искать ответ, усмотрев в загадке намека на себя:

"На кого это он намекает, скотина? В туалет никогда не ходит?"¹ Пьет, не просыпаясь? На кого намекает, гадина?.."

Сравнение со Стахановым оскорбительно для Венички, так как Стаханов в СССР – олицетворение таких ненавистных для него вещей, как подвиги и энтузиазм. После его отказа от этой загадки Сфинкс загадывает вторую:

"Когда корабли седьмого американского флота пришвартовались к станции Петушки, партийных девиц там не было, но если комсомолок называть партийными, то каждая третья из них была блондинкой. По отбытии кораблей седьмого американского флота обнаружилось следующее: каждая третья комсомолка была изнасилована, каждая четвертая изнасилованная оказалась комсомолкой, каждая пятая изнасилованная комсомолка оказалась блондинкой, каждая девятая изнасилованная блондинка оказалась комсомолкой. Если всех девиц в Петушках 428 – определи, сколько среди них осталось нетронутых беспартийных брюнеток?"

Эта загадка (или задача) наиболее сложная с математической точки зрения. Сразу даже невозможно сказать, существует ли у нее решение. Чтобы ответить на этот вопрос, надо проанализировать все данные. Поскольку количество комсомолок и блондинок может быть выражено только целыми числами, дробей в решении не будет. За x примем количество изнасилованных комсомолок блондинок. Тогда $5x$ – кол-во изнасилованных комсомолок, $9x$ – кол-во изнасилованных блондинок, $15x$ – кол-во комсомолок, $20x$ – кол-во изнасилованных, $5x$ – кол-во блондинок комсомолок.

Подбирая минимальное количество девиц, необходимое для того, чтобы условия были соблюдены, мы остановились на

¹ О том, что Веничка не ходит в туалет, см. в главах «Карачарово – Чухлинка», «Чухлинка – Кусково».

числе 30. Обозначим данные в задаче признаки девиц первыми буквами – И (изнасилованная), К (комсомолка), Б (блондинка). Получаем: ИКБ – 1, ИК – 4, ИБ – 8, КБ – 4, И – 7, К – 6. Это значит, что на одну девицу со всеми тремя признаками (ИКБ) приходится 29 девиц, имеющих два или один из этих признаков. Для нетронутых беспартийных брюнеток в этой тридцатке места не находится, но ими могут быть все остальные, т. е. $428 - 30 = 398$. Или их может быть $428 - 60 = 368$. Или 338, 308, 278, 248, 218, 188, 158, 128, 98, 68, 38, или только 8. Но и это еще не все возможности. Ведь мы не знаем, сколько было просто блондинок (не комсомолок и не изнасилованных). Их может быть любое количество от 0 до 398. Соответственно, нетронутых беспартийных брюнеток тоже может быть от 0 до 398, т. е. задача действительно не решается.

Реакция Венички на эту загадку такова:

"На кого, на кого теперь намекает, собака? Почему это брюнетки все в целости, а блондинки все сплошь изнасилованы? Что он этим хочет сказать, паразит?"

Из условий не следует, что все брюнетки в целости, а блондинки все сплошь изнасилованы, но Веничка этого не замечает. Загадка обидна ему тем, что любимая девушка, к которой он едет в Петушки, является блондинкой.

В свое время над задачами про партийцев, комсомольцев и беспартийных подшучивали Ильф и Петров. Про отставшего от жизни старика Синицкого, сочинявшего ребусы, у них сказано:

«Куда ему было угнаться за такой, например, задачей:

ЗАДАЧА-АРИФМОМОИД

На трех станциях: Воробьево, Грачево и Дроздово было по равному количеству служащих. На станции Дроздово было комсомольцев в шесть раз меньше, чем на двух других вместе взятых, а на станции Воробьево партийцев было на 12 человек больше, чем на станции Грачево. Но на этой последней беспартийных было на 6 человек больше, чем на первых двух. Сколько служащих было на каждой станции и какова там была партийная и комсомольская прослойка?»¹

¹ «Золотой теленок», часть первая, глава IX. Рассмотрев этот «арифмомоид», мы пришли к выводу, что он, в отличие от задачи Сфинкса про комсомолок, решается. Ответ – 18 человек на каждой станции, «прослойку» посчитать легко. Воз-

Итак, Веничка отказывается решать загадку про 7-й американский флот и девиц:

- Я не буду решать и эту загадку, Сфинкс. Ты меня прости, но я не буду. Это очень некрасивая загадка. Давай лучше третью.

- Ха-ха! Давай третью:

"Как известно, в Петушках нет пунктов А. Пунктов Ц тем более нет. Есть одни только пункты Б. Так вот: Папанин, желая спасти Водопьянова, вышел из пункта Б1 в сторону пункта Б2. В то же мгновение Водопьянов, желая спасти Папанина, вышел из пункта Б2 в пункт Б1. Неизвестно почему, оба они оказались в пункте Б3, отстоящем от пункта Б1 на расстоянии 12-ти водопьяновских плевков, а от пункта Б2 – на расстоянии 16-ти плевков Папанина. Если учесть, что Папанин плевал на три метра семьдесят два сантиметра, а Водопьянов совсем не умел плевать, – выходил ли Папанин спасать Водопьянова?"

Власов пишет, что на эту загадку следует дать отрицательный ответ, так как она представляет собой контаминацию из двух событий, из двух разных экспедиций, и Папанин не спасал Водопьянова. [Власов, 511].

К этому же выводу можно прийти на основании текста задачи. Если пункт Б3 находился от пункта Б1, из которого вышел Папанин, на расстоянии 12-ти водопьяновских плевков, но Водопьянов совсем не умел плевать, то есть плевал на 0 метров 0 сантиметров, то расстояние между пунктами Б1 и Б3 равно нулю, то есть Папанин не выходил спасать Водопьянова.

"Боже мой! Он что, с ума своротил, этот паршивый сфинкс? Чего это он несет? Почему в Петушках нет ни А, ни Ц, а одни только Б? На кого он, сука, намекает?..."

- Ха-ха! – вскричал, потирая руки, Сфинкс. – И эту решать не будешь?! И эту – не будешь?! Заело, длинный моззляк? Заело? Так вот тебе – на тебе четвертую:

"Лорд Чемберлен, премьер Британской империи, выходя из ресторана станции Петушки, поскользнулся на чьей-то бле-

никает мысль: может быть, Ильф и Петров ее не придумали, а взяли готовую из журнала? Может быть, в журналах того времени действительно были такие задачи?

вотине – и в падении опрокинул соседний столик. На столике до падения было: два пирожных по 35 коп., две порции бефстроганова по 73 коп. каждая, две порции вымени по 39 коп. и два графина с хересом, по 800 грамм каждый. Все черепки остались целы. Все блюда пришли в негодность. А с хересом получилось так: один графин остался цел, но из него весь херес вытек, другой графин разбился вдребезги, но из него не вытекло ни капли. Если учесть, что стоимость пустого графина в шесть раз больше стоимости порции вымени, а цену хереса знает каждый ребенок, – узнай, какой счет был предъявлен лорду Чемберлену, премьеру Британской империи, в ресторане Курского вокзала?"

Эта задача решается легко, если узнать цену хереса. Остается сложить стоимость всех блюд, хереса и, наверное, одного пустого графина (раз второй не разбился). А разбившийся графин, можно предположить, был пустой, если из него не вытекло ни капли. Впрочем, вначале сказано: «...два графина с хересом». Так что, это тоже установка на абсурд, как и фраза «Все черепки остались целы».

Еще на один абсурдный момент в этой задаче герой поэмы обратил внимание:

- Как то есть «Курского вокзала»?... он же в Петушках поскользнулся.

Но Сфинкс ответил:

- А счет оплатил на Курском вокзале. Каким был этот счет?

И снова Веничка думает: «На что он намекает, сволочь?» и говорит, что это не загадка, а издевательство

Последняя загадка выглядит так:

"Вот идет Минин, а навстречу ему – Пожарский. "Ты какой-то странный сегодня, Минин, – говорит Пожарский, – как будто много выпил сегодня". "Да и ты тоже странный, Пожарский, идешь и на ходу спишь". "Скажи мне по совести, Минин, сколько ты сегодня выпил?" "Сейчас скажу: сначала 150 грамм российской, потом 580 кубанской, 150 столичной, 125 перцовою и 700 грамм ерша. А ты?" "А я ровно столько же, Минин".

"Так куда же ты теперь идешь, Пожарский?" "Как куда? В Петушки, конечно. А ты, Минин?" "Так ведь я тоже в Петушки. Ты ведь, князь, совсем идешь не в ту сторону!" "Нет, это ты

идешь не туда, Минин". Короче, они убедили друг дружку в том, что надо поворачивать обратно. Пожарский пошел туда, куда шел Минин, а Минин – туда, куда шел Пожарский. И оба попали на Курский вокзал.

Так. А теперь ты мне скажи: если б оба они не меняли курса, а шли бы каждый прежним путем – куда бы они попали? Куда бы Пожарский пришел, скажи?

Заметим, что количество и ассортимент выпитого Мининым и Пожарским напоминает количество и ассортимент выпитого самим Веничкой в этот день: российская и кубанская, которые были у него, столичная черноусого, перцовая декабриста, только вместо «поцелуя тети Клавы» (смесь водки и вина) – ерш (смесь водки и пива).

В этой загадке (в единственной из всех) отсутствует арифметическая составляющая. Хотя в ней много цифр, они никак не могут пригодиться при попытке разгадать ее. Задача не на цифры, а на направления. Вопрос, кто куда шел (идет), встречается в скрытом виде в детских задачах на внимание, когда невнимательный ученик начинает считать, а считать, оказывается, не нужно¹.

Невозможность разгадать эту загадку в одномерной системе координат обусловлена невозможностью представить следующее: Минин и Пожарский идут в противоположных направлениях, но приходят в одно и то же место. То есть уже условие неосуществимо, значит, и отгадки не может быть.

Но предположим следующее: может быть, имеется в виду двухмерная система координат? Нарисуем, например, окружность и одну точку этой окружности обозначим как Курский вокзал. Представим, что Минин и Пожарский шли навстречу друг другу по этой окружности, удаляясь от Курского вокзала, и встретились в некой точке, потом каждый пошел обратно и попал на Курский вокзал. Это уже вполне реалистичная картина. А что было бы, если бы они не меняли направления? – спрашивает Сфинкс. Посмотрим на нашу окружность и увидим...

¹ Пример такой задачи: «Шел Кондрат в Ленинград, а навстречу ему 12 ребят». Далее говорится, что каждый нес столько-то кошек, у кошек было столько-то котят, у каждого котенка в зубах столько-то мышат. Вопрос: «Сколько котят и мышат ребята несли в Ленинград?». Ответ – нисколько, так как они шли не в Ленинград.

– В Петушки? – подсказал я с надеждой.

– Как бы не так! Ха-ха! Пожарский попал бы на Курский вокзал! Вот куда!

И сфинкс рассмеялся и встал на обе ноги:

– А Минин? Минин куда бы попал, если б шел своею дорогою и не слушал советов Пожарского? Куда бы Минин пришел?

– Может быть, в Петушки? – я уже мало на что надеялся и чуть не плакал. – В Петушки, да?

– А на Курский вокзал – не хочешь? Ха-ха! – и сфинкс, словно ему жарко, словно он уже потел от торжества и злорадства, обмахнулся хвостом. – И Минин придет на Курский вокзал!.. Так кто же из них попадет в Петушки, ха-ха? А в Петушки, ха-ха, вообще никто не попадет!..

...и мы увидим, что Сфинкс здесь прав. При движении по нарисованной нами окружности в любом направлении можно попасть только на Курский вокзал. А в Петушки, двигаясь по ней, можно было бы попасть только в том случае, если бы на этой окружности была точка под названием Петушки; но такой точки там нет.

Таким образом, последняя загадка выглядит вовсе не абсурдной, если рассматривать не маршрут Москва – Петушки как отрезок прямой линии, а замкнутую окружность (или другую замкнутую линию), на которой есть Курский вокзал, но нет Петушков.

Это согласуется и с кольцевой композицией поэмы, и с цикличностью времени в ней, и с представлением о Петушках как о недостижимом рае; обо всем этом писали многие комментаторы.

Что это был за смех у этого подлеца! Я ни разу в жизни не слышал такого живодерского смеха! Да добро бы он только смеялся! – а то ведь он, не переставая смеяться, схватил меня за нос двумя суставами и куда-то потащил...

– Куда? Куда ты волокешь меня, сфинкс? Куда ты меня волокешь?

– А вот увидишь – куда! Ха-ха! Увидишь!..

После чего Веничка, как уже было сказано в начале статьи, видит надпись «Покров» не с той стороны и начинает сомневаться в том, что он едет в Петушки. Таким образом, последняя загадка Сфинкса, из которой следует, что «в Петушки... никто не

попадет», сразу же оправдывает себя. Получается, что этой загадкой Сфинкс предсказал Веничке судьбу, как когда-то Эдипу.

Подобные задачи встречаются у Ерофеева не только в поэме «Москва – Петушки». Так, абсурдная загадка есть и в трагедии «Вальпургиева ночь, или шаги Командора». В первом акте Гуревич рассказывает психиатрам, что ему загадали загадку: «Два поросенка пробегают за час восемь верст. Сколько поросят пробегут за час одну версту?» Далее он говорит: «Вот тут я понял, что теряю рассудок. И вот – я у вас».

Если абстрагироваться от смысла и просто произвести арифметическое действие, то получится, что ответ – 0,25 (четверть) поросенка. Если же обратить внимание на смысл, то ясно, что от количества поросят не зависит их скорость. Следовательно, сколько бы ни было поросят, одну версту они пробегут за 1/8 часа, то есть за 7 минут 30 секунд. А если захотят бежать медленнее – то за любое большее время, хоть за час, хоть за еще большее время, хоть вообще не пробегут. Так что неудивительно, что Гуревич начал терять рассудок. Это, конечно, шутка. На самом деле «сумасшедшие» герои трагедии нормальны, а их «нормальные» тюремщики-врачи – ненормальны. Так же, как и Веничка «трезвее всех в этом мире» («Петушки. Вокзальная площадь»).

Возвращаясь к пяти загадкам Сфинкса в главе «105-й километр – Покров», отметим, что их образы и мотивы органично вписываются в образы и мотивы всей поэмы. В четырех из пяти загадок упоминаются Петушки (за исключением первой, про Стаханова), в четвертой и пятой – Курский вокзал. Присутствие в этих загадках исторических, реально существовавших людей расширяет масштабы города Петушки в пространстве и во времени. К Петушкам пришвартовываются американские корабли, по Петушкам ходят спасать друг друга полярники Папанин и Водопьянов, там поскальзывается на блевотине лорд Чемберлен, туда идут Минин и Пожарский. Город, таким образом, разрастается в пространстве до масштабов всей Земли (океаны, Северный полюс, Англия) и во времени распространяется в прошлое на три с половиной века вплоть до Минина и Пожарского¹. Другие образы

¹ Но далее из слов самого Венички следует, что история Петушков еще более древняя: «Не Петушки это, нет! Петушки Он стороной не обходил. Он часто ночевал там при свете костра, и я во многих тамошних душах замечал следы Его ночлега — пепел и дым Его ночлега». («Петушки. Кремль. Памятник Минину и Пожарскому»).

из этих загадок также соотносятся с остальным текстом поэмы. Про корабли Седьмого американского флота из второй загадки Веничка говорил еще в своем сне о революции: «Корабли Седьмого американского флота сюда не пройдут, да и пройти не захотят...» («Воиново – Усад»). Блондинка – это его возлюбленная в Петушках. Пирожные, бефстроганов, вымя и херес, до того как появиться в четвертой загадке, фигурировали в начале поэмы, в главе «Москва. Ресторан Курского вокзала». Стаханов, равно как и Папанин с Водопьяновым, – антагонисты Венички в смысле отношения к энтузиазму и подвигам. Одновременно, Стаханов – его двойник («в туалет никогда не ходит, пьет не просыпаясь»), а в загадке про Папанина и Водопьянова имеется тема плевков; ср.: «...человек становится настолько одухотворенным, что можно подойти и целых полчаса с расстояния полутора метров плевать ему в харю, и он ничего тебе не скажет». («Электроугли – 43-й километр»). В этой фразе, как и в загадке, проявляется любовь Ерофеева к точности, к систематизации всевозможных данных («полчаса», «полтора метра», «три метра семьдесят два сантиметра»). Лорд Чемберлен, премьер Британской империи, напоминает о заграничном путешествии Венички, в котором были и директор Британского музея, и лорды, и королева («Дрезна – 85-й километр»). Наконец, Минин и Пожарский, памятник которым находится около Кремля, замыкают весь цикл путешествия героя поэмы от самого начала – «Все говорят: Кремль, Кремль» – до гибели в неизвестном подъезде недалеко от Кремля.

Итак, эпизод со Сфинксом и его загадками безошибочно вписывается в ткань повествования, содержит множество интертекстуальных связей с самыми разными литературными, мифологическими, историческими фактами и явлениями. Содержание загадок одновременно трагично и смешно, пародийно по отношению к задачам из школьных учебников и занимательных журналов. Основной прием построения этих загадок-задач – абсурд. Но, как нам удалось показать, это не означает, что их невозможно решать, а некоторые – даже решить. Задачи про Стаханова и про Папанова с Водопьяновым легко решаются чисто арифметиче-

Имеется в виду, конечно, Христос. В сторону Москвы он «ни разу не взглянул» или «это место обогнул и прошел стороной». Таким образом, город Петушки, в отличие от Москвы, оказывается приобщенным к вечности; может быть, Христос ночевал там около 2000 лет назад, может быть, ночует и сейчас («если... земли не покидал»). Получается, что Петушки — поистине вечный город.

скими методами. Задача про Чемберлена – тоже, надо только узнать цену хереса. Задача про комсомолок и американский флот – единственная нерешаемая. А загадка про Минина и Пожарского обладает наибольшим философским содержанием. Будучи абсурдной на первый взгляд, она оказывается совсем не абсурдной, если представить, что Минин и Пожарский шли по замкнутой линии, на которой есть Курский вокзал, но нет Петушков. Это подтверждает представление о Петушках как о недостижимом рае, а Сфинкс оказывается прав, утверждая, что «в Петушки... никто не попадет».

Литература

- Венедикт Ерофеев. Оставьте мою душу в покое (почти всё). М., 1995.
- А. Блок. Скифы, 1918.
- Э. Власов. Бессмертная поэма Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки». Спутник писателя. // Венедикт Ерофеев. Москва – Петушки. С комментариями Эдуарда Власова. М., 2001.
- Я. Гашек. Похождения бравого солдата Швейка.
- И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок.
- Н. Кун. Легенды и мифы Древней Греции.
- М. Липовецкий. Кто убил Веничку Ерофеева?, НЛО, 2006, №78.
- И. Тургенев. Отцы и дети.
- Ф. Тютчев. Природа – сфинкс. И тем она верней..., 1869, Певучесть есть в морских волнах..., 1865.
- М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3, С. 815.
- Е. Шталь (предположительно). Творчество Ф. И. Тютчева и поэма Вен. Ерофеева «Москва – Петушки». Хибинский литературный музей.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СМЕРТИ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПЛАТОНОВА
(«ЧЕВЕНГУР» И «КОТЛОВАН»)**

Многие произведения Андрея Платонова, особенно его шедевры, написанные в 1920–30-е годы, по своему содержанию и сюжетному построению трагичны. Между тем до сих пор эта проблема недостаточно исследована литературоведами. Правда, имеются некоторые исследования по данной проблеме, раскрывающие понятия трагедии и трагического, но они напрямую не связаны с эстетическим значением произведений Платонова; большинство из них лишь констатирует тот факт, что то или иное произведение писателя содержит печальную историю.

С нашей точки зрения, произведения Платонова далеки от классического понимания трагического. Некоторые ученые уже отмечали, что творчество А. Платонова не обладает чертами классической трагедии. Так, например, М. Пьяных, перечисляя произведения, опубликованные после начала перестройки и не принадлежащие по своему пафосу к высокой трагедии, называет «Чевенгур» и «Котлован» произведениями с неполным, частичным проявлением трагического [Пьяных 1989: 197]. По мнению ученого, в «Чевенгуре» и «Котловане» нет «трагических коллизий и образов в собственном смысле, здесь трагизм скрыт и потенциален, он находится ещё в стадии своего художественного выявления» [Пьяных 1989: 199]. Значит, к произведениям А. Платонова надо подойти с новым пониманием трагического – таким, которое применяется к произведениям XX века.

Изучение литературы XX века привело ученых к новому пониманию трагического. Над произведениями XX века в русле проблемы трагического работают многие исследователи; они выявляют при этом новую тенденцию – в отличие от классического трагического XIX века.

Главная задача нашей статьи – интерпретировать творчество А. Платонова в категориях неклассического трагического, выявляя при этом в «Чевенгуре» и «Котловане» новую тенденцию в понимании трагического в литературе XX века. Для выяснения сути неклассического трагического нам необходимо обратиться к

неклассической философии, в которой следует искать истоки понимания неклассического трагического.

Во второй половине XIX – первой половине XX веков в западноевропейской и русской философии и культуре появляются новые представления о жизни. Суть нового мироощущения заключалась в проблеме человека, его сущности, в интерпретации смысла его существования.

Эпоха Возрождения, а затем и новоевропейский рационализм привели к сомнению в центральном положении человека на земле, одновременно развитие науки разоблачило иллюзию замкнутости мироздания, привело к умалению значения существования человека и убежденности человека в центральной значимости своего бытия. Позитивизм, отвергая традиционные философские ценности, утверждает, что человек есть всего лишь незначительный элемент бытия, как и вся остальная природа, при этом он не имеет никакого существенного значения; представление о бессмертной человеческой душе было признано «устаревшим» и «ненаучным».

На этом фоне и родилась концепция человека Достоевского, философия которого восходит к началу неклассической философии; в этой концепции явно выражен протест против умаления значения отдельной личности, против низведения роли эмпирического человека [Евлампиев 2009: 61-102]. Достоевский в своем творчестве пытался обосновать систему идей, согласно которой конкретная человеческая личность воспринимается как нечто абсолютно значимое.

Суть идей Достоевского заключается в следующем. Поскольку человек является обитателем земного мира, живущее в нем стремление к совершенству должно быть удовлетворено именно в этом мире, а значит, и бессмертие относится также к существованию в этом мире.

Представление о такого рода бессмертии выражает, в частности, Свидригайлов в одной из бесед с Раскольниковым. Согласно мысли Свидригайлова, наш мир окружен подобными ему мирами, и смерть – это переход от бытия в одном мире к бытию в другом, «соседнем» мире. По мысли Свидригайлова человек продолжает телесно существовать и в другом мире: «Привидения – это, так сказать, клочки и обрывки других миров, их начало. Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, дол-

жен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше, так что когда умрет совсем человек, то прямо и перейдет в другой мир» [Достоевский 1973: 221].

В этом рассуждении Свидригайлова ясно выражено представление о смерти как вторичном элементе самой жизни; смерть — это только переход от одной формы бытия к другой, причем этот переход начинает осуществляться и становится зримым уже в болезни — в пограничном состоянии между жизнью и смертью, — и смерть только «количественно» отличается от болезни, завершая указанный переход.

Таким образом, мы можем подойти к выводу, что традиционная, догматическая концепция смерти не устраивает писателя, при этом в системе идей Достоевского проблема вечной жизни решается через переосмысление смерти.

С точки зрения автора данной статьи, самое главное место в философии обоих писателей составляет их концепция человека. В литературно-критической статье о К. Паустовском Платонов пишет о том, что главный смысл литературного творчества видится ему в человеке: «... благодарная и трудная задача — изображение человека; этой задачи никто из писателей обойти не может, хотя каждый из них подходит к ней своим путем: центр литературного дела всегда будет заключаться в существе человека, а не возле него» [Платонов «1980: 133]. С концепцией человека, предложенной Достоевским, философию Платонова объединяет целый ряд сходных подходов к сущностным вопросам духа и бытия, устройства жизни на Земле.

Одной из точек соприкосновения в философии Платонова и Достоевского является, безусловно, тема смерти. На неё ориентированы все другие темы. Между тем мысль о смерти выражена в творчестве Платонова писателя весьма вариативно. В «Чевенгуре» трагизм преодолевается — но не смехом; смерть сама по себе является способом преодоления трагизма — через переоценку смерти. В творчестве А. Платонова смерть имеет особенное значение.

Смерть в романе «Чевенгур», как отмечает А. Кретинин, лишена трагизма [Кретинин 1995: 66]. В своей статье этот исследователь подробно не проясняет причину данного явления. Между

тем он обращает внимание на то, что в «Чевенгуре» смерть не страшна. В «Чевенгуре» персонажи убивают и умирают без страха. Эпизод убийства жителей в «Чевенгуре» изображен как дело нормальное, естественное, привычное – без авторского отношения. В эпизоде гибели машиниста описывается смерть без страха: «Никакой смерти он не чувствовал – прежняя теплота тела была с ним, только раньше он ее никогда не ощущал, а теперь будто купался в горячих обнаженных соках своих внутренностей. Все это уже случалось с ним, но очень давно, и где – нельзя вспомнить... Наставник вспомнил, где он видел эту тихую горячую тьму: это просто теснота внутри его матери, и он снова всовывается меж ее расставленных костей, но не может пролезть от своего слишком большого старого роста... Просуньте меня поглубже в трубу, – прошептал он опухлыми детскими губами, ясно сознавая, что он через девять месяцев снова родится» [Платонов 1988: 47].

Писатель, всматриваясь в подробности умирания человека, описывает момент перехода из одного состояния в другое. Вот умирает смертельно раненный красноармеец: «Он сидел на корточках и глядел себе в пах, откуда темным давленным вином выходила кровь: Перестань, собака, ведь я же ослабну! – Но кровь густела до ощущения ее вкуса, а затем пошла с чернотой и совсем прекратилась... Режет... – объяснил красноармеец и сжал зубы, чтобы закрыть глаза. Но глаза не закрывались, и выгорали и выцветали, превращаясь в круглый минерал. В его умерших глазах явственно пошли отражения облачного неба, как будто природа возвратилась в человека после мешавшей ей встречной жизни, и красноармеец, чтобы не мучиться, приспособился к ней смертью» [Платонов 1982: 34-35].

Как поясняет М. Геллер, «каждый из одержимых героев «Чевенгура» был твердо, фанатично убежден, что он знает «великую идею жизни» и живет правильно, в точном соответствии с ней. Поэтому умирают они без страха – убивают без страха» [Геллер 1982: 192].

Смерть для Платонова – основная проблема жизни. В отношении к ней отражена центральная точка его мироощущения. Как он сам выразился с уверенностью, «смерти нет», ибо нет страха смерти. Эмилий Миндлин вспоминает беседу с Платоновым о смерти, об отношении к ней и о страхе смерти. И вот мемуарист передает слова Платонова о том, что «смерть Ивана Ильича (*герой Толстого – К. Е. У*) служила доказательством того,

что страх смерти порождается неправильно понятым смыслом жизни. Если мы несем в себе страх смерти, то потому лишь, что неправильно живем – не в соответствии с великой идеей жизни» [Миндлин 1979: 426].

Персонажи «Чевенгура» не воспринимают смерть как нечто прямо противопоставленное понятию жизни. Они одержимы жизнью в парадоксальной форме («жизнь в смерти»), стремятся к смерти. Рыбак Дмитрий Иванович, отец Саши Дванова, был одержим страстным любопытством, желанием разгадать тайну смерти: «Созерцая озеро годами, рыбак думал все об одном и том же – об интересе смерти». «Втайне он не верил в смерть, главное же, он хотел посмотреть – что там есть: может быть, гораздо интереснее, чем жить в селе или на берегу озера». «Он видел смерть, как другую губернию...» Как странники, уходившие в дорогу, он уходит «пожить в смерти».

Смерть, по Платонову, не страшна, потому что после нее человек начинает «жить сначала», в преобразованном веществе существования, оформленном в виде нового и все того же «вещества жизни».

В романе «Чевенгур» смерть – это не катастрофа, не трагическое событие, потому что персонажи действуют сознательно в полумертвом состоянии. Они находятся во времени-пространстве, где жизнь и смерть пересекаются. Для них жизнь и смерть недалеко отстоят друг от друга, что ясно выражено в связке: «сон – смерть».

Жизнь и сон у Платонова уравнены в своей фантазмагоричности. Как подсказывает однажды повествователь, «не существует перехода от ясного сознания к сновидению – во сне продолжается та же жизнь, но в обнаженном смысле» [Платонов 1988: 174]. Жизнь Саши Дванова «шла безотвязно и глубоко, словно в теплой тесноте материнского сна» [Платонов 1988: 66]. Прохор Абрамович «ходил, жил, трудился как сонный, не имея избыточной энергии и ничего не зная вполне определенно» [Платонов 1988: 38]. «Копенкин ехал поникшим от однообразного воспоминания о Розе Люксембург. Вдруг в нем нечаянно прояснилась догадка собственной неутешимости, но сейчас же бред продолжающейся жизни облек свою теплотой его внезапный разум» [Платонов 1988: 148].

В художественном мире Платонова сон человека есть состояние, кардинально родственное смерти. Эта мысль получает свое

подтверждение на страницах «Чевенгура»: «Гопнер уже уснул, но дыхание его было так слабо и жалко во сне, что Дванов подошел к нему и боялся, как бы не кончилась жизнь в человеке. Дванов положил свалившуюся руку Гопнера на его грудь и вновь прислушался к сложной и нежной жизни спящего. Видно было, насколько хрупок, беззащитен и доверчив этот человек, а все-таки его тоже, наверное, кто-нибудь бил, мучил, обманывал и ненавидел; а он и так еле жив, и его дыхание во сне почти замирает. Никто не смотрит на спящих людей, но только у них бывают настоящие любимые лица; наяву же лицо у человека искажается памятью, чувством и нуждой» [Платонов 1988: 264].

Сон и смерть типологически совпадают: сон есть неполная потеря человеком самосознания, смерть есть более глубокая – но тоже не безвозвратная потеря самосознания, и потому, готовясь ко сну, герои «Чевенгура» готовы к смерти, и наоборот, они умирают – как засыпают. Например: «Сотых пригладил волосы на голове и раскудрявил бороду, будто собираясь в опрятном виде представиться во сне смерти» [Платонов 1988: 255]. Переход в это состояние для него не трагичен.

Таким образом, сон и смерть – это два состояния мыслящего вещества, из которого состоит человек, различающиеся не качественно, как мы привыкли думать, а лишь количественно. Мертвый может быть трактован как «задержавшийся во сне», а спящий – как «временно мертвый». В русле такой же коннотации знака «сон–смерть» идет и описание процесса засыпания героев.

Приведем пример из «Котлована». Диалог между Настей и умирающей матерью примечателен тем, что мать Насти находится в полосе между жизнью и смертью так же, как сама Настя колеблется между сном и явью в сознании ее матери. «Мама, ты жива еще или уже тебя нет? – спрашивала девочка в темноте... – А ты не заснешь и не уйдешь от меня? – спросила она у дочери» [Платонов 1988: 161]. Обе они находятся в пограничном состоянии и спрашивают друг друга об одном и том же, поэтому «до Чиклина не доходило даже их дыхания» [Платонов 1988: 162].

Таким образом, смерть в творчестве А. Платонова имеет особую характеристику, это проявляется в художественном переосмыслении писателем на смерть. Если герой Достоевского, будучи одержим уверенностью в бессмертии, смело совершает самоубийство, то человек Платонова как «вещество существования» уже живет в пограничном состоянии между жизнью и смертью.

Литература

- Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. Париж, 1982.
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Л., 1971-1989. Т. 6, 1973.
- Евлампиев И.И. Становление европейской неклассической философии во второй половине XIX – начале XX века. СПб, 2009.
- Кретинин А.А. Трагическое в художественном мире Андрея Платонова и Бориса Пастернака // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. СПб, 1995.
- Миндлин Э. А. Необыкновенные собеседники. М., 1979.
- Платонов А.П. Размышления читателя. М., 1980.
- Платонов А.П. Чевенгур. М., 1988.
- Платонов А.П. Котлован // Повести и рассказы 1928-1934. М., 1988.
- Пьяных М. Постигание трагического // Звезда, 1989. №3.

**КОНЦЕПЦИИ БОГА, ПОЛА, БЫТА И ПИСАТЕЛЯ У В.В. РОЗАНОВА
(ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ «УЕДИНЕННОЕ» И «ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ»)**

Настоящая работа посвящена изучению особенностей литературных произведений В.В. Розанова в концепции Бога, пола, быта и писателя. В данной статье сначала будет представлена основная идея автора, рассмотренная через призму отношений Бога и пола. Потом речь пойдет о том, какое значение имеет для Розанова концепция писателя и литературы в контексте русской культуры, истории интеллигенции и обстоятельств того времени.

Когда речь идет о философии или мировоззрении Розанова, необходимо выделить две главные концепции: концепцию Бога и пола. Философ В.А. Кувакин отмечает, что у Розанова отношение к Богу отличается от подхода других философов. [Kuvakin; 42] Например, у Гегеля и В.С. Соловьева Бог – это существо, относящееся к абсолютному разуму и рациональности, а Розанов относит Бога к человеческим чувствам и обыкновенным бытовым переживаниям. Поэтому для Розанова обыденное событие склонно становится синонимом благочестия, и, наоборот, Бог становится не мистическим или духовным бытием, а чем-то реальным, кем-то, до кого можно дотронуться и осязать: «В конце концов, Бог – моя жизнь. Я только живу для Него, через Него. Вне Бога – меня нет. Что такое Бог для меня? (...) Боюсь ли я Его? Нисколько. Что Он накажет? Нет. Что он даст будущую жизнь? Нет. Он меня питает? Нет. Что через Него существую, создан? Нет. Так что же Он такое для меня? Моя вечная грусть и радость. Особенная, ни к чему не относящаяся. Так не есть ли Бог «мое настроение»? Я люблю того, кто заставляет меня грустить и радоваться, кто со мной говорит; меня упрекает, меня утешает» [Розанов, «Уединенное»; 229-230].

В приведенной выше цитате религия Розанова представляется религией быта. Он старается спустить Бога с небес на землю, растворить Его в повседневной жизни и сделать обычным. Другими словами, он пытается обожествлять земную жизнь и особенно пол, не только принадлежащий самой жизни, но и продолжающий её. Розанов идентифицирует пол с Богом. Против пола значит против Бога. Недаром он говорит: «Связь пола с Богом – большая, чем связь ума с Богом, – выступает из того, что все а-

сексуалисты обнаруживают себя и атеистами» [Розанов, «Уединенное»; 243].

Мир, созданный Богом, воспринимается Розановым как постоянно движущееся целое, то есть, как нечто мистическое, как единственный космос. Благодаря полу мир имеет жизненную силу, а совокупление полов происходит во всей вселенной. К тому же, Розанов считает совокупление последним актом создания, который Бог, не совершая сам, предоставил человечеству: «Все *очерчено* и *окончено* в человеке, кроме половых органов (...) Как бы Бог хотел сотворить *акт*: но не исполнил движение свое, а дал его *начало* в мужчине и *начало* в женщине. И уже они завершают это первоначальное движение» [Розанов, «Опавшие листья»; 122].

Как отмечалось выше, Бог и пол в философии Розанова неразрывны. Как Бог создал этот мир и поддерживает его, так и жизнь начинается с совокупления двух разных полов, то есть с акта любви, и поддерживается любовью. По мнению автора, Бог как существо имеет непосредственное отношение к быту, он - сама жизнь. Таким образом, если начало жизни – любовь, а Бог - жизнь, то мы можем сказать, что Бог и любовь представляют собой одинаковую ценность: «Будь крепок любовью - и Бог тебя благословит. Ибо любовь - корень жизни. А Бог есть жизнь» [Розанов, «Опавшие листья»; 149].

Розанов ищет начало мира и Бога в их отношении к полу, и это означает то, что для автора пол не имеет чисто физиологического или плотского смысла. Скорее, он считает пол началом, неотделимым от совокупления духа и плоти, а также от Бога. Поэтому, по мнению Розанова, современное позитивистское и рационалистическое направление, отделившее пол от Бога и считающее первое простой физиологией, противостоит гармоничному единству духа и плоти, Бога и мира. Он полагал, что в современном цивилизованном мире семья разрушалась и пол становился табу, и это был синдром падения европейской цивилизации. В данном контексте вполне естествен тот факт, что Розанов обращается к древним религиям, просящим о процветании семьи и плодородии, и хвалит их.

Философ В.А. Фатеев называет розановскую философию «религиозным натурализмом», потому что она «вытекает из его опоры на органическое начало, из отказа от рационалистического механицизма, как у всех мыслителей славянофильской ориентации» [Фатеев; 8]. В философии Розанова присутствует также и

биологический характер, и он виден в следующем отрывке: «Да как же без amor utriusque sexus обошлось бы дело? Как же мы могли начать относиться к своим (noster sexus) (...) и *по природе* относимся к противоположному полу, к alter sexus? (...) без чего нет глубины отношения, а без amor nostri sexus нет закругленности отношения. Universaliter debet amor mundi. (...) *Организм индивидуума поразительно гармонизирует, «созвучит», организму человечества. (К организованности человечества и к вопросу о всемирной гармонии)»* [Розанов, «Опавшие листья»; 380].

В любви противоположных полов Розанов ищет ответы на вопрос об организованности человечества и о всемирной гармонии, то есть отношение к другим людям и гармония мира зависят от осознания любви между полами. При этом обнаруживается, что мировоззрение Розанова опирается на концепцию гармонии и, дабы развить эту концепцию, автор использует биологическую концепцию организма. Из этого следует, что мыслитель имеет идеальное представление о гармонии органического мира и считает жизнь каждого человека микромиром, соответствующим жизни Вселенной или макромиру.

Конкретные примеры такой идеи обнаруживаются в литературных произведениях – «Уединенное» (1911), «Опавшие листья» (1913, 1915), – и наша следующая задача - пояснить развитие этой философской точки зрения в литературных произведениях.

Розанов отрицает все попытки, которые при противопоставлении духа и плоти объясняют мир только в рациональной, отвлеченной или позитивистской рамке, но при этом подчеркивает органическую связь человека и Вселенной. По мнению Розанова, конкретная личная жизнь включена в сферу Бога, и автор заменяет созидательный акт Всевышнего совокуплением двух полов.

Определенно образ розановского писателя соответствует некой философской точке зрения. По словам Розанова, сущность литературы заключается в том, чтобы переносить на листы бумаги все переходные ощущения и чувства человека, живущего в реальном мире. Роль же автора заключается в том, чтобы, приспособившись к любым жизненным волнам, почувствовать эту жизнь в полной мере и описать ее в своих творениях. Это означает, что у Розанова нет никакого расстояния между переживаниями и их письменным воплощением. Именно процесс созидания, создания художественной формы является неотъемлемой частью процесса повседневной жизни. В связи с этим Н.А. Бердяев гово-

рит следующее: «Он презирает всякие идеи, всякий логос, всякую активность и сопротивляемость духа в отношении к душевному и жизненному процессу. Писательство для него есть биологическое отправление его организма» [Бердяев, «О «вечно бабьем» в русской душе»; 41]. Так же, по Бердяеву, безыдейность, беспринципность, равнодушие к добру и злу, неверность, полное отсутствие нравственного характера и духовного упора, т.е. все розановские характеры, относятся к такой «гениальной физиологии розановских писаний» [Бердяев, «О «вечно бабьем» в русской душе»; 41].

И все-таки интересно, каким Розанов видит образ писателя. Он не сопротивляется течению жизни, но, отдав ему себя, старается максимально поймать мгновенные чувства и ощущения. У него нет намерения изменить естественную, историческую жизнь. Иными словами, в отличие от других писателей, для Розанова быт не является объектом, с которым надо бороться и который необходимо уничтожать, для него быт – объект восстановления и апофеоза. В этом смысле Розанов занимает особенное место в истории русской интеллигенции.

В «Русской идее» Бердяев замечает, что русским всегда было присуще стремление к преобразованию жизни. Не только раскольники, живущие в прошлом или в будущем и ждущие грядущую апокалипсическую утопию, но и интеллигенция не могут жить в современном и настоящем. И хотя интеллигенция считалась типично русским феноменом, именно она чувствовала, что у нее не было основы под ногами. Вот с таким чувством «нет места в настоящем», по мнению Бердяева, передвигаются русские и главная ось русской культуры из настоящего в будущее и в прошлое. [Бердяев, «Самопознание. Русская идея»; гл. 1].

Замечание Бердяева о русской национальности соприкасается с таким феноменом как обесценивание быта в русской культуре. В «Общих местах» литературовед С. Бойм замечает, что и философскими символистами и структуралистами русская культура трактовалась как противопоставление быта и бытия, определенного духовным, поэтическим и революционным. [Бойм; 47-60].

Ю. Лотман, анализирувавший дуальность русской культуры до конца XVIII в., тоже говорит о том, что в русской культуре не существует «нейтральной аксиологической сферы», т.е., нейтральной сферы жизни. [Лотман; 90] Например, «идеалы антифеодалных мыслителей черпались из определенных сфер окружающей реальности – внецерковной государственности, бюргерской семьи – и

переносились в идеальное пространство общественных теорий. Нейтральная сфера жизни становилась нормой, а высоко семиотизированные сферы верха и низа средневековой культуры вытеснялись в область культурных аномалий» [Лотман; 89-90].

Таким образом, российская интеллигенция в лице славянофилов, западников, романтиков, модернистов, декадентов, большевиков и реакционеров относится к быту как к банальности, обыденности, мимолетности и эфемерности, а бытовая жизнь для них сродни вине. Настоящая жизнь оказывается не частным переживанием, а самопожертвованием ради лучшей будущей жизни или общего дела, не самосохранением, а самоуничтожением.

В этом контексте проявление Розанова имеет большое значение. В конце XIX и в начале XX веков большинство мыслителей и писателей ощущало кризис цивилизации, культуры и жизни, и одновременно с этим их сердца были наполнены революционным и утопическим настроением. Поэтому они обращаются к проблеме преобразования человека и жизни. К примеру, символисты утверждали творчество жизни по тексту искусства, и революционные писатели и художники вышли на улицу для нового искусства. Но их взгляд по-прежнему останавливался на искусстве, на бытии, и быт воспринимался ими как объект трансформации или как средство для нового искусства. Розанов же предъявлял другую литературу, связанную только с душой писателя, литературу частную и удобную, принадлежащую только автору: «Литературу я чувствую как штаны. Так же близко и вообще «как свое». Их бережешь, ценишь, «всегда в них» (постоянно пишу). Но что же с ними церемониться????!! Все мои «выходки» и все подробности: что я не могу представить литературу «вне себя», напр., вне «своей комнаты» » [Розанов, «Опавшие листья»; 207].

Для Розанова между жизнью и литературой нет границ. Быт, перенесенный на бумагу, становится бытием, а сама литература (или бытие) становится бытом. Поэтому Розанов, как писатель, представляется в пассивном, женоподобном образе, идущем навстречу жизненному потоку, принимающем его волны и переносящем на бумагу свои мгновенные переживания и чувства: «Из этого я заключаю, что был рожден созерцателем, а не деятелем. Я пришел в мир, чтобы видеть, а не совершить» [Розанов, «Опавшие листья»; 90]. «Всегда в мире был наблюдателем, а не участником» [Розанов, «Опавшие листья»; 194]. «В мышлении моем всегда был какой-то столбняк. Я никогда не догадывался, не ис-

кал, не подглядывал, не соображал. (...) Но меня вдруг поражало что-нибудь. Мысль или предмет. (...) В отношении к предметам, мыслям и «оттуда-то» у меня была зачарованность. И не будет ошибкой сказать, что я вообще прожил жизнь в каком-то очаровании» [Розанов, «Опавшие листья»; 185].

Образ писателя у Розанова - не мужественный пророк, посланный Богом в мир и объявляющий народу истину, как у Пушкина, не писатель, утверждающий ответственность литературы перед обществом, как это было у интеллигенции того времени, и не поэт, живущий по модели в искусстве, как у символистов или модернистов. Розановский образ писателя лишен силы создателя. Скорее всего, истинным писателем-творцом для Розанова является Бог, а сам автор – существом пишущим и пребывающим в мире, созданном Богом: «Взгляните на растение. Ну там «клеточка к клеточке», «протоплазма» и все такое. Понятно, рационально и физиологично. «Вполне научно». Но в растении, «как растет оно», есть еще художество. В грибе одно, в березе другое: но и в грибе, и в березе художество. Разве «ель на косогоре» не художественное произведение? Разве она не картина ранее, чем ее можно было на картину? Откуда вот это-то?! Боже, - от Тебя» [Розанов, «Опавшие листья»; 164].

Что касается отношения к полу, то в нем у Розанова обнаруживается иная роль писателя и литературы. Как отмечалось выше, литература по автору является частью органической и биологической жизни. Указывалось также, что в мировоззрении Розанова жизнь и пол неотделимы друг от друга. Тогда получается, что с полом тесно связана и литература: «...дураки этикие, все мои сочинения замешаны не на воде и не на масле даже, - а на семени человеческом: как же вам не платить за них дороже? *(на извозчике)* *(первое естественное восклицание, - затерявшееся, - и потом восстановленное лишь в теме «Опавших Листьев»)*» [Розанов, «Опавшие листья»; 368].

В вышеприведенной цитате Розанов не согласен с критикой насчет того, что в «Опавших листьях» откровенно изложена тема пола. Критики стараются найти там только концепцию плотского пола, но не плодородного. Розанов не только подчеркивает, что произведение – это нечто живое и биологическое, продолжение жизни, он также намекает на то, что в его сочинениях присутствует семя жизни. Главная причина того, что автор критикует существующую литературу и отказывается от нее, заключается в

том, что ее штампованная форма и ненастоящее содержание обманывают людей и уничтожают жизнь. Розанов хочет, чтобы благодаря его сочинениям люди узнали важность жизни и истинно связались с нею, то есть воскресли. Для автора акт писания равняется акту совокупления, который дает новую жизнь: «Отчего я так волнуюсь от литературы (антипатия). Тут есть что-то особенное. Не только во мне, но и в звездах (судьба, история). Даже, может быть, чего я сам не понимаю. Не потому ли, что литература есть *недостаточная* форма общения между людьми (...) слишком далекая, слишком формальная, слишком холодная? Люди должны *ближе* стать друг к другу. Не «от читателя к читателю», что слишком отвлеченно и далеко, а тереться плечом, соработать, видеться, общаться. (...) Люди должны *дотрагиваться* друг до друга – вот моя мысль. (...) И что я вышел «голым перед людьми» («У.», «Оп. Л.») – в звездах: я хочу, чтобы все трогали меня пальцами и я всех трогал пальцами: ибо тогда-то я закричу: «Был мертв – и жив», «Мы – умерли и воскресли»» [Розанов, «Сахарна»; 156].

В данной работе мы кратко рассмотрели главные идеи В.В. Розанова. Бог у мыслителя является личным и конкретным существом, связанным с обыденными чувствами и переживаниями каждого человека. Тогда пол как часть жизни и начало ее играет важную роль, потому что он представляет собой акт продолжения первоначального созидания Божьего. Кризис современной христианской цивилизации и человечества приписывается Розановым подавляемому полу и разрушаемой семье. Другая важная часть идей автора состоит в его мысли об идеальном, гармоническом и органическом представлении единства мира и человека, и в этом контексте личная жизнь каждого человека рассматривается как микромир, соответствующий жизни вселенной.

В литературных произведениях Розанова эти идеи развиваются в теме образа писателя и литературы. У него нет задачи преобразовывать или творить новую, идеальную жизнь. Пассивный и физиологический образ автора как наблюдателя, созданный им, занимает особое место в русской культуре и литературе, в которой придается большое значение бытию и подчеркивается ответственность писателя. По мнению Розанова, «каждый человек обязан о себе написать» и «суть литературы не в вымысле же, а в потребности сказать сердце» [Розанов, «Опавшие листья»; 246]. Через свои интимные сочинения он хочет, чтобы люди узнали важность своей личной жизни и дорожили ею, и в связи с

этим его сочинения являются чем-то замешанным на семени человеческого, воскрешающем людей.

Таким образом, в идейной системе Розанова Бог, пол, быт и литература тесно связаны друг с другом. Он хочет удалить всё, что препятствует личной жизни каждого человека, и переоценить её, потому что каждый человек рождается для своей жизни и его жизнь есть дар Божий на земле. Я хочу закончить эту работу одной цитатой Розанова, в которой имплицитно и сжато сформулирована главная мысль автора.

«Есть *такая книга*, которую человек обязан внимательно прочитать. Эта книга – книга его собственной жизни. Она одна открыта только *ему одному*. Собственно, это и есть то *новое, совершенно новое в мире*, ни на что чужое не *похожее*, что можно прочитать и узнать. *Его личная жизнь* – единственный новый факт, который он приносит с собою на землю. Он рождается *для своей жизни*, и его жизнь есть *дар Божий земле*. Каждый человек есть дар Бога земле. С каждым человеком Земля (планета) получает подарок. Но «подарок» этот исполнен внутренними письмами. Прочесть их и уразуметь – вот что является обязанностью всякого человека. (...) Поэтому каждый человек обязан написать о себе. Это есть единственное наследие, которое он оставляет миру и которое мир вправе получить от него» [Розанов, «Сахарна»; 24].

Литература

Бердяев Н.А. О «вечно бабьем» в русской душе // В.В. Розанов: PRO ET CONTRA. СПб, 1995. Кн. II.

Бердяев Н.А. Самопознание. Русская идея. М., 2009.

Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002.

Kuvakin V.A. Vasilii Vasil'evich Rozanov: "My Soul Is Woven of Filth, Tenderness, and Grief" // Soviet Studies in Philosophy. Vol. 29. No. 3.

Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб, 2002.

Розанов В.В. Уединенное: В 2 т. М., 1990. Т. 2.

Розанов В.В. Опавшие Листья. М., 1992.

Розанов В.В. Сахарна. М., 2001.

Фатеев В.А. Публицист с душой метафизика и мистика // В.В. Розанов: PRO ET CONTRA. СПб, 1995. Кн. I.

**СТИХОТВОРЕНИЕ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ «КОРОЛЬ»:
СУБЪЕКТ – ВРЕМЯ – ПРОСТРАНСТВО**

Одним из организующих принципов в процессе речевой деятельности является «механизм приоритетных стратегий <...>, выделяющих, усиливающих коммуникативно наиболее значимые компоненты смысла и ослабляющих, редуцирующих менее значимые» [Бергельсон, Кибрик 1981: 343]. Среди авторских стратегий в художественном словесном произведении особое место занимает выстраивание его субъектной и предикатной парадигмы. С.Т. Золян пишет: «Если субъектная парадигма представляет собой модель предметной структуры мира, то предикатная является моделью его процессуальной структуры» [Золян 1985: 64]. Продуктивным способом раскрытия субъектной структуры произведения является распространение на целый текст концепции субъектной перспективы высказывания, предложенной Н.К. Онипенко: «Русские предложения (элементарные и осложненные) функционируют между двумя субъектными полюсами – Я целеполагающей и говорящей личности и Не-Я вещи. Ось, соединяющая два этих полюса, – субъектная перспектива высказывания» [Онипенко 1994: 76]. Значение концепции субъектной перспективы состоит в том, что она «обеспечивает антропоцентрический взгляд как на текст, так и на грамматическую систему» [Онипенко 2001: 108]. Субъектная перспектива строится на основе соотнесения диктумного и модусного субъекта. В зависимости от отнесения субъекта к области диктума или модуса выделяются:

1. сфера диктума, включающая следующие зоны: S_1 – субъект действия, состояния, качества; S_2 – субъект-каузатор;
2. сфера модуса, включающая следующие зоны: S_3 – субъект-авторизатор; S_4 – субъект-говорящий; S_5 – субъект-слушающий (адресат) [Золотова, Онипенко, Сидорова 2004: 232].

Центральное место в субъектной перспективе поэтического текста, безусловно, занимает автор, а в случае, если номинация какого-либо субъекта вынесена в заглавие текста, то и данный субъект становится значимым в построении субъектной перспективы текста.

Рассмотрим языковые средства реализации субъектной перспективы и стратегии автора в стихотворении Б. Окуджавы «Король».

Король

Б. Федорову

[1]

*Во дворе, где каждый вечер все играла радиола,
где пары танцевали, пыля,
ребята уважали очень Леньку Королева
и присвоили ему званье короля.*

[2]

*Был король, как король, всемогущ. И если другу
станет худо и вообще не повезет,
он протянет ему свою царственную руку,
свою верную руку, – и спасет.*

[3]

*Но однажды, когда «мессеримитты», как вороны,
разорвали на рассвете тишину,
наш Король, как король, он кепчонку, как корону –
набекрень, и пошел на войну.*

[4]

*Вновь играет радиола, снова солнце в зените,
да некому оплакать его жизнь,
потому что тот король был один (уж извините),
королевой не успел обзавестись.*

[5]

*Но куда бы я ни шел, пусть какая ни забота
(по делам или так, погулять),
все мне чудится, что вот за ближайшим поворотом
Короля повстречаю опять.*

[6]

*Потому что на войне, хоть и правда стреляют,
не для Леньки сырая земля.
Потому что (виноват), но я Москвы не представляю
без такого, как он, короля.*

В тексте каждая субъектная сфера может быть представлена как изолированно, так и во взаимодействии с другими субъектными сферами. Например, в рассматриваемом стихотворении в

строфах 1, 2, 3, 4 при отсутствии «Я-модусной рамки» (в данных строфах нет формального показателя, свидетельствующего о том, что повествование ведется от первого лица, т.е. отсутствует местоимение «я», а также глагол в форме первого лица единственного числа) описываемые события представлены с точки зрения автора. Здесь автор не совпадает полностью с лирическим героем ($S_3 \neq S_4$ в зоне $S_4 - Я$), тогда как при появлении в строфах 5, 6 местоимения «я» и глагола в форме первого лица единственного числа точка зрения автора представлена в сфере Я-субъекта ($S_3 = S_4$ в зоне $S_4 - Я$).

Анализ субъектной структуры текста невозможен без рассмотрения **категории лица**. Многими исследователями (Г.О. Винокур, И.И. Ковтунова, Ю.М. Лотман, Р.О. Якобсон) достаточно убедительно показано, что грамматическая семантика категории лица обладает значительным эстетическим потенциалом, что играет важную роль в грамматике поэзии. В данном стихотворении оппозиция "3-е л. – 1-е л.", которая базируется на признаке "неучастие/участие" в акте коммуникации, связана с художественной функцией, обеспечивающей смену характера изложения (в начале стихотворения используются глаголы 3-го лица прошедшего времени, а в конце стихотворения появляются глаголы 1-го лица настоящего времени), и, соответственно, служит средством отражения субъективной точки зрения участников описываемых в стихотворении событий. Кроме того, категория лица, участвуя в построении композиции стихотворения не только на синтаксическом, но и на семантическом уровне, способствует формированию поэтического смысла. При рассмотрении роли категории лица следует обратить внимание как на грамматические показатели лица, так и на характер номинаций, используемых в тексте, в частности значима роль заглавия.

Заглавие, являясь важнейшим индикатором структурной, смысловой и эстетической организации художественного текста, отражает «абсолютную» субъективную позицию автора. При анализе художественного текста следует обратить особое внимание на характер **номинации в заглавии**, в частности на использование существительных, обозначающих человека. Обладая определенным набором специфических стилистических функций, данная номинация не только направлена на формирование образа персонажа, но и связана с реализацией авторской идеи и раскрытием ведущей темы поэтического текста. Номинации, в которых

использованы существительные, обозначающие человека, могут отражать такие характеристики, как происхождение, родовая принадлежность, звание, социальный статус человека и т.п. Говоря о номинации в заглавии стихотворения Б. Окуджавы «Король», нужно отметить, что в восприятии читателя «король» – это, прежде всего, человек, принадлежащий к привилегированному классу, высокий социальный статус которого передается по наследству. Несмотря на то, что в истории России никогда не было королей, заимствованное слово «король» закрепилось в русском языке и в русском языковом сознании: оно вызывает позитивные, «сказочные» ассоциации. Использование данного сказочного образа-персонажа характерно для творчества многих русских поэтов (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А. Ахматова, и др.). Данный образ характерен и для творчества Б. Окуджавы («Старый король», «Капли Датского короля» и др.). Это связано, прежде всего, с романтизмом Б. Окуджавы, понимаемом в духе конца XVIII века: романтизм для него – это, прежде всего, что-то необыкновенное, сказочное, фантастическое. Б.А. Ларин отмечает, что в поэзии самое общее эстетическое свойство связано со «сказочностью», состоящей «в ослаблении реального и нормально-концептуального значения слов» [Ларин 1997: 158]. О сказочности в творчестве Б. Окуджавы говорят многие исследователи. Так, Л.А. Шилов отмечает, что в поэзии Б. Окуджавы даже «обыденное может мгновенно превратиться в сказочное» [Шилов 1989: 5] и, как замечает В.А. Зайцев, «это одно из существенных внутренних свойств его художественной манеры» [Зайцев 2008: 274]. В.И. Новиков пишет: «Ленька Королев при всей своей достоверности – не реальное лицо, а художественный образ, достаточно далеко отстоящий от жизненного прототипа» [Новиков 2000: 21]. Элемент сказочности оправдывает появление мотивов бессмертия и воскресения *Короля*, являющихся типичными для Б. Окуджавы. Р.Ш. Абельская пишет: «В ранней песне «Король» уже можно в явном виде наблюдать один из оригинальных и существенных окуджавских мотивов, который, переплетаясь с мотивом надежды, пройдет через все творчество поэта, – мотив воскресения героя» [Абельская 2004: 158].

На субъектный план стихотворения, на трактовку позиции автора и образа *Короля* влияет отбор стилистически окрашенных языковых средств, прежде всего, на лексическом уровне. Характерно совмещение в тексте стихотворения слов, относящихся к

различным функциональным стилям: с одной стороны, используются слова, относящиеся к высокой, книжной лексике (*присвоили ему звание короля; Был король, как король, всемогущ; он протянет ему свою царственную руку; да некому оплакать его жизнь*), а с другой стороны – к разговорной, просторечной (*И если другу станет худо и вообще не повезет; он кепчонку, как корону – набекрень; королевой не успел обзавестись*).

Среди синтаксических особенностей, характерных для текстов стихотворений Б. Окуджавы, следует обратить внимание на употребление **вставных конструкций**. В текстах Б. Окуджавы вставные конструкции в большинстве случаев оформлены с помощью круглых скобок. Вставные конструкции, являясь композиционно-смысловыми элементами текста, также выполняют экспрессивно-стилистическую и коммуникативную функцию. С помощью вставных конструкций автор уточняет свою позицию и в то же время создает эффект непосредственного общения с читателем: (*уж извините*), (*по делам или так, погулять*), (*виноват*).

Анализируя поэзию Б. Окуджавы, нельзя не говорить об **авторской позиции**. Мы будем говорить об авторской позиции в двух планах ее проявления – в ментальном и пространственно-временном. В первую очередь рассмотрим пространственно-временной план. Во временном плане композицию стихотворения можно разделить на три временных отрезка (до войны – во время войны – после войны), а в пространственном плане – на три локуса (двор – война – Москва).

Рассмотрим слова, связанные с обозначением в тексте времени и пространства: «до войны» (*Во дворе, где каждый вечер все играла радиолы, // где пары танцевали, пыля*); «во время войны» – в этот временной отрезок входит момент начала войны, связанный с ощущением тревоги (*Но однажды, когда «мессеримитты», как вороны, // разорвали на рассвете тишину, // наш Король, как король, он кепчонку, как корону – набекрень, и пошел на войну*), а также описание обстоятельств, сопутствующих войне (*на войне, хоть и правда стреляют*); «после войны» (*Вновь играет радиолы, снова солнце в зените, // да некому оплакать его жизнь; все мне чудится, что вот за ближайшим поворотом // Короля повстречают опять*).

Как уже было сказано выше, в стихотворении указаны три локуса: «двор», «война», «Москва». Локусы «двор» и «Москва» (в отличие от локуса «война»), прежде всего, связаны с Арбатом.

В любви к Арбату Окуджава неоднократно признавался не только в своих произведениях, но и в своей биографии, а также во многих своих выступлениях. В одном из своих выступлений он говорил: «Я жил на Арбате с двадцать четвертого года до сорок первого <...> Для меня это родная улица, я очень люблю эту улицу»¹. В 1956 году после многочисленных переездов и различных драматических событий Б. Окуджава возвращается в Москву. В этом же году появляется первая песня из его московского цикла «На Тверском бульваре». Сам поэт признавался: «В 1956 году я родился как поэт». В следующем году появляются другие песни из московского цикла, исполнявшиеся поэтом в дружеском кругу, в том числе и «Король».

В стихотворении «Король» в самом начале текста появляется слово «двор». «Двор» является для Окуджавы не просто местом действия: как для самого Окуджавы, так и для *Короля*, «двор» является местом «рождения и царствования». З.С. Паперный пишет: «Слово «двор» тоже двоятся: это и арбатский дворик, и королевский двор. По принципу такого двуединства и строится повествование» [Паперный 1983: 47].

В этом «дворе» вспоминается о счастливом прошлом. И в этот «двор» приходит трагедия – *война*. Появляясь в самой середине стихотворения (в последней строке 3-й строфы), как будто на «границе» между прошлым и настоящим, слово «*война*» становится определяющим сюжет пространственно-временным локализатором. Поэт использует образ войны, проникающий в «щель» между прошлым и настоящим, для того, чтобы соединить прошлое и настоящее.

В строфе, в которой говорится о смерти героя, используются наречия «*вновь*» и «*снова*» (*Вновь играет радиола, снова солнце в зените*), с помощью которых показывается цикличность событий: события происходят опять во «дворе», в котором, однако, уже отсутствует сам герой. Использование слов «*вновь*» и «*снова*» можно связать с душевным состоянием субъекта-автора. Данные слова, настраивая на спокойное ожидание последующих событий, становятся значимыми не только для автора, но и для читателя. Если использование наречий «*вновь*» и «*снова*» связано с ожиданием последующих событий, то вставные конструкции

¹ Текст воспроизведен на компакт-диске: Окуджава Булат. Музыка арбатского двора / Сост. О. Окуджава. 2002.

«уж извините» в 4-й строфе и «виноват» в последней строфе, являясь модусными показателями, ослабляющими категоричность, отчасти играют здесь роль средства «самозащиты» со стороны автора и одновременно обеспечивают для читателя смягчение «удара» от сообщения об отсутствии у короля королевы.

Идея времени и пространства определяется через призму субъекта. В этом стихотворении восприятие автором места тесно связано с жизнью и смертью *Короля*. В конце стихотворения образ *Короля* сближается с образом Москвы. В ментальном плане образ *Короля* после его трагической смерти на войне занимает в стихотворении больше места, чем образ Короля до его гибели. Так, после смерти *Короля* эксплицитно появляется субъект-автор и заявляет о своей духовной близости к герою и «бессмертному» соприсутствию с героем в Москве: отношение автора к *Королю* становится ещё более значимым. Таким образом выражается неизменная верность и любовь автора к *Королю*, его желание, чтобы *Король* всегда был рядом с ним, если не в физическом бытии, то хотя бы в духовном плане.

Пространственной структуре стихотворения Б. Окуджавы «Король» присуща двойственность. В ней обнаруживается определенное противоречие: с позиции субъекта-героя и субъекта-автора центром является «двор», «Москва», а периферией – «война», в линейной же композиции стихотворения центром является «война», упоминающаяся в центральной части текста стихотворения, а периферией – «двор» и «Москва».

Противоречие обнаруживается и в темпоральной структуре стихотворения. Данное стихотворение состоит из 6-ти строф. В первых 3-х строфах описывается прошлое, а в последних 3-х строфах – настоящее. Остановимся на сравнении 1-й и 4-й строф, в которых в наибольшей степени проявляются сходство и различие. Обе строфы начинаются с изображения одного и того же фона (*'играет радиола'*), однако остальные элементы, составляющие лирический сюжет (сюжетное время, сюжетное содержание), противопоставлены: в 4-й строфе автор представляет описываемые события в сравнении с тем, что описывалось в 1-й строфе. В 1-ой строфе повседневная жизнь и оценочное отношение (уважение) окружающих к *Королю* описываются с помощью сочетания различных коммуникативных регистров речи с формами прошедшего времени: здесь используются описательная разновидность репродуктивного регистра, а также информативный ре-

гистр (*все играла радиолоа; пары танцевали; ребята уважали очень Леньку Королева; присвоили ему званье короля*). В 4-й строфе ситуация, неизменная от прошлого к настоящему времени, и реакция окружающих на смерть *короля* (отсутствие человека, который мог бы оплакать его) показаны с помощью тех же коммуникативных регистров, но уже с использованием форм настоящего времени. (*Вновь играет радиолоа, снова солнце в зените, // да некому оплакать его жизнь*).

Таким образом, мы можем видеть, что пространственно-временная позиция автора реализуется через целый набор языковых и композиционных средств, а хронотоп представляется как трёхкомпонентная система (субъект + время + пространство), наглядно демонстрируя, что «реализация пространственно-временных отношений в художественном произведении фокусируется вокруг субъекта» [Енукидзе 1987: 20]. В целом передается ощущение, что поэт как хранитель традиций пытается не отбросить прошлое, а, напротив, сохранить его. И этот образ поэта – хранителя традиций – характерен для творчества Б. Окуджавы. Невольно вспоминаются слова А.С. Пушкина, одного из «учителей» Булата Окуджавы: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости».

Литература

- Абельская Р.Ш. «На мне костюмчик серый-серый...» // Голос надежды. Вып. I. М., 2004.
- Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический «принцип Приоритета» и его отражение в грамматике языка // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Том 40. Вып. IV. М., 1981.
- Енукидзе Р.И. Художественный хронотоп и его лингвистическая организация. Тбилиси, 1987.
- Зайцев В.А., Герасименко А.П. История русской литературы второй половины XX века. М., 2008.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004.
- Золян С.Т. О соотношении языкового и поэтического смыслов. Ереван, 1985.
- Ларин Б.А. О разновидностях художественной речи // Русская словесность. М., 1997.
- Новиков В.И. Булат Окуджава // Авторская песня. М., 2000.
- Онипенко Н.К. Идея субъективной перспективы в русской грамматике // Русистика сегодня. № 3, М., 1994.

Онипенко Н.К. Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса // Русский язык в научном освещении. № 2, М., 2001.

Паперный З.С. За столом семи морей // Вопросы литературы. № 6. М., 1983.

Шилов Л.А. Поэт и певец // Песни Булата Окуджавы. М., 1989.

ЧТЕНИЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ В НЕФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ (естественнонаучный профиль)

Не понимать стихи – не грех.
«Ещё бы, – говорю, – ещё бы» ...
Христос не воскресал для всех.
Он воскресал для посвящённых.

А. Вознесенский

Как известно, программы и планы обучения иностранных учащихся естественнонаучного профиля включают аспект «Художественный текст». Для обеспечения этого направления, в частности, можно предложить курс русской поэзии. Поэтические произведения русской литературы привлекательны для изучения в иноязычной аудитории не только в связи с их несомненной эстетической ценностью. Это, во-первых, возможность познакомиться инофоно-естественников, внимание которых при изучении русского языка сосредоточено, главным образом, на терминологии и синтаксисе научной речи, с другой сферой бытования языка. Ведь, по замечанию В. Гумбольдта, «наиболее отчётливо проявляется своеобразие каждого языка в поэзии, где устройство конкретного материала налагает на дух менее всего оков» [Гумбольдт 1985: 380]. Во-вторых, чтение поэзии способствует адаптации начинающего читателя-инофона в пространстве русской культуры, русского мира. Как подчёркивает О. Г. Ревзина, «**в конечном счёте**, поэтическое мышление даёт нам исключительно глубокое познание мира», «прозаическая форма диктует взгляд на язык сквозь призму внеязыкового мира, стихотворная – взгляд на мир сквозь призму языка... Вообще говоря, прозаическая форма разделяет, а стихотворная соединяет социум» [Ревзина 2002: 423–425].

В предлагаемый курс входят произведения больших русских поэтов, внесших вклад в русскую и мировую литературу. Основу курса составляют стихотворения небольшого объёма, являющиеся для носителей русского языка прецедентными текста-

ми, за ними для носителя русского языка стоит определённое содержание. (В скобках заметим, что выбор конкретных произведений в немалой степени зависит от общего интеллектуального и культурного уровня учащихся, их кругозора, уровня владения русским языком, возраста, интересов, жизненного опыта и других обстоятельств).

Знакомство с отдельным поэтическим произведением в общем виде строится по следующей схеме.

1. На первом этапе учащиеся получают (или активизируют в памяти) биографические сведения о поэте в необходимом им в данный момент объёме.

2. Затем даётся *Словарь стихотворения*, содержащий все лексические единицы стихотворного текста. Над этим словарём учащиеся могут работать как под руководством преподавателя, так и самостоятельно.

3. Следующий этап условно называется *Прежде чем читать стихотворение*. Перед чтением поэтического произведения в аудитории инофонов-естественников необходима предварительная языковая работа, рассчитанная не на один урок. Важно внимание не только к каждому слову, но и к конкретным формам, используемым в поэтическом тексте, к инверсионному, нестандартному порядку слов. Иногда непонимание одной-единственной грамматической формы создаёт трудности для восприятия смысла стихотворения. «Голкуя текст, следует прежде всего найти в нём те смыслы, которые в нём заложены в силу того только, что он написан на данном языке. Лишь после этого и на основе этого можно «вчитывать» в него те смыслы, которые порождаются многочисленными контекстами – социальными, историческими, литературными и проч.» [Падучева 1996: 198]. Поэтому на этом этапе работы с поэтическим текстом учащимся даются различные лексико-грамматические задания, выполнение которых помогает облегчить его восприятие. Для удобства работы со словарём лексические единицы внутри заданий располагаются в алфавитном порядке. Надо ещё раз отметить, что объяснение значений всех лексических единиц и грамматических конструкций проводится до чтения текста учащимися. Толкование значений слов поэтического текста в процессе его прочтения нежелательно, так как снижает эстетическое впечатление.

4. Только тогда, когда есть уверенность, что не возникнет языковых трудностей при восприятии поэтического текста, пред-

лагается **Стихотворение**. Оно сопровождается датой написания, что включает произведение в исторический контекст и может в дальнейшем стимулировать беседу. Первоначально стихотворение читается вслух преподавателем или про себя учащимися. Перед чтением стихотворения желательно провести фонетическую разметку текста.

5. После чтения стихотворения идут различного рода комментарии (**Это полезно знать**).

6. Заключительный этап – беседа по содержанию стихотворения (**Объясните, как вы понимаете**), выявляющая его смысловое содержание и идейно-художественное значение.

Спецификой работы над поэтическим текстом в аудитории инофонов-естественников является предварительное (до чтения) детальное изучение всех его лексико-грамматических особенностей, поэтому далее предлагаются **фрагменты** материалов курса русской поэзии, обеспечивающие **языковую** сторону некоторых поэтических произведений.

А.С. Пушкин

Словарь стихотворения

«Я вас любил: любовь ещё, быть может, ... »

1. безмолвно	10.ещё	19.нежно	28.так
2. безнадежно	11.искренно	20.ничто	29.то
3. Бог	12.как	21.но	30.томимый
4. больше	13.любимый	22.она	31.тревожить
5. быть	14.любить	23.печалить	32.угаснуть
6. вы	15.любовь	24.пусть	33.хотеть
7. дать	16.мой	25.ревность	34.я
8. другой	17.мочь	26.робость	
9. душа	18.не	27.совсем	

Прежде чем читать стихотворение (Лексико-грамматические задания)

1. Объясните, как вы понимаете следующие слова. Можете использовать материал для справок.

Безмолвно, безнадежно, душа, искренно, печалить, угаснуть.

Материал для справок: без слов, без надежды, беспокоить, волновать, кончиться, молча, ничего не говоря, от всей души, откровенно, пройти, сердце, сердечно, умереть.

2. К словам первой группы подберите противоположные по значению слова из второй группы.

1. Безнадёжно, другой, робость.
2. С надеждой, смелость, этот.

3. Образуйте наречия от следующих прилагательных.

Образец: хороший – хорошо.

Безмолвный, безнадёжный, искренний, нежный.

4. Заполните таблицу.

глагол	существительное
любить	
	печаль
ревновать	
робеть	
	томление
	тревога
	угасание

5. Образуйте форму императива от глагола *дать*.

6. А. Образуйте пассивные причастия настоящего времени от выделенных глаголов.

Б. Дайте ответы на вопросы, используя формы пассивных причастий настоящего времени.

Образец: Я *люблю* эту женщину. Какая это женщина? – Это женщина, *любимая* мной.

1. Другой человек *любит* эту женщину. Какая это женщина?
2. Человека *томит* робость. Какой это человек?

В. Дополните предложения краткими формами пассивных причастий настоящего времени, образованными от глаголов, данных в скобках.

1. Он (томить) ... ревностью.
2. (любить) Она ... другим человеком.

7. Познакомьтесь со следующими конструкциями

любить *кого*

печалить *кого чем*

томиться *чем*

тревожить *кого*

угаснуть *в чём*

8. Дополните предложения, поставив существительные, данные в скобках, в нужной форме.

1. (вы) Я люблю 2. (вы) Любовь тревожит 3. (ничто) Я не хочу вас ... печалить. 4. (робость и ревность) Я томлюсь 5. (моя душа) Любовь угасла

9. Передайте содержание предложений, используя слова, данные в скобках.

1. (угаснуть) Любовь кончилась. 2. (тревожить) Любовь волнует вас.

Стихотворение

Я вас любил: любовь ещё, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.
1830

Словарь стихотворения «Если жизнь тебя обманет...»

1. будущее	7. если	13. настоящее	19. смириться
2. быть	8. жизнь	14. обмануть	20. тот
3. верить	9. жить	15. печалиться	21. ты
4. веселье	10. мгновенный	16. пройти	22. унылый
5. всё	11. милый	17. сердиться	23. уныние
6. день	12. настать	18. сердце	24. что

Прежде чем читать стихотворение

1. Объясните, как вы понимаете следующие слова и словосочетания. Можете использовать материал для справок.

Милая жизнь, милое прошлое, настал (день), обмануть, смириться, уныние.

Материал для справок: грусть, депрессия, дорогой, наступить, не выполнить обещания, печаль, покориться, пришёл (день), стать спокойным, успокоиться, хороший.

2. К словам первой группы подберите противоположные по значению слова из второй группы.

1. Будущее, веселье, день, жизнь, печалиться, протестовать.
2. Веселиться, ночь, печаль, прошлое, смиряться, смерть.

3. Заполните таблицы.

А.

глагол несовершенного вида	глагол совершенного вида
наставать	
обманывать	
	опечалиться
	поверить
	рассердиться

Б.

существительное	прилагательное
	весёлый
	жизненный
мгновение	
	сердечный
<i>уныние</i>	

4. Образуйте краткие формы от полных прилагательных, данных в скобках. Используя краткие формы прилагательных, составьте предложения по образцу.

Образец: (весёлый) День Жизнь Будущее – День весел. Жизнь весела. Будущее весело.

1. (унылый) День Жизнь Настоящее
2. (мгновенный) Жизнь Всё
3. (милый) Всё

5. Составьте предложения, поставив глагол в форме будущего времени.

1. (настать) День
2. (обмануть) Друг не
3. (пройти) Уныние

6. Образуйте формы императива от следующих глаголов.

Верить, (не) печалиться, (не) сердиться, смириться.

7. Составьте словосочетания из следующих слов, поставив второе существительное в форме родительного падежа.

день		веселье
		уныние

8. Познакомьтесь со следующими конструкциями.

обмануть *кого*

друга, тебя

жить в *каком* времени / *в чём*

в будущем

Стихотворение

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.

Сердце в будущем живёт;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.
1825

М.Ю. Лермонтов

Словарь стихотворения «Парус»

1. бежать	11.и	21.мятежный	31.скрипеть
2. белеть	12.играть	22.не	32.солнце
3. буря	13.искать	23.одинокий	33.страна
4. быть	14.(как) будто	24.он	34.струя
5. ветер	15.кинуть	25.парус	35.счастье
6. волна	16.край	26.покой	36.туман
7. гнуться	17.лазурь	27.просить	37.увы
8. голубой	18.луч	28.родной	38.что
9. далёкий	19.мачта	29.светлый	
10.золотой	20.море	30.свистать	

Прежде чем читать стихотворение

1. Объясните, как вы понимаете следующие слова. Можете использовать материал для справок.

Кинуть что-либо в родной стране, мятежный, родной край, увы.

Материал для справок: бросить, волнующийся, к сожалению, оставить, беспокойный, покинуть, страна, тревожный.

2. Среди следующих слов укажите необычные для современного русского языка (архаичные) формы.

Одинокий, одинокой, свистать, свистеть, скрипеть, скрипеть, счастье, счастье.

3. К словам первой группы подберите противоположные по значению слова из второй группы.

1. Близкий, выпрямляться, горе, тёмный, чернеть, чужой.
2. Белеть, гнуться, далёкий, родной, светлый, счастье.

4. Составьте словосочетания из слов первой и второй группы.

1. Край, лазурь, луч, море, парус, страна.
2. Голубой, далёкий, золотой, мятежный, одинокий, родной, светлый.

5. Составьте словосочетания из следующих слов, поставив второе существительное в форме родительного падежа.

луч	солнце
струя	вода
туман	море

6. Образуйте форму сравнительной степени от прилагательного *светлый*. Обратите внимание, что в разговорном языке сравнительная степень от прилагательного может иметь форму *-ей*.

7. Составьте предложения, используя местоимение *он* и следующие глаголы в форме настоящего времени.

Бежать, белеть, гнуться, играть, искать, просить, свистать, скрипеть.

8. Составьте предложения, используя слово *нет* и следующие существительные.

Буря, покой, счастье.

9. Ответьте на вопрос *Где он был?*, используя следующие слова и словосочетания.

Бури, далёкая страна, родной край, голубой туман моря.

10. А. Дополните предложения, поставив слова и словосочетания, данные в скобках, в форме предложного падежа.

1. (море) ... нет волн. 2. (туман) ... нет лазури. 3. (бури) ... нет покоя. 4. (далёкая страна) ... нет бурь. 5. (родной край) ... нет счастья. 6. (голубой туман) ... нет солнечного луча.

Б. Преобразуйте отрицательные высказывания, получившиеся в результате выполнения пункта А, по образцу.

Образец: В море нет волн. – В море **есть** волны.

11. Познакомьтесь со следующими синтаксическими конструкциями.

бежать *от чего*

от счастья

искать *что / чего*

книгу / счастья

кинуть *что*

страну

просить *что / чего*

книгу / счастья

Стихотворение

Парус

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит...
Увы! он счастья не ищет,
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!
1832

Ф.И. Тютчев

Словарь стихотворения «Умом Россию не понять...»

1. аршин	4. можно	7. она	10. Россия
2. верить	5. не	8. особенный	11. статья (<i>ж.р.</i>)
3. измерить	6. общий	9. понять	12. только
			13. ум

Прежде чем читать стихотворение

- 1. Прочитайте комментарий и скажите а) что такое аршин и б) чему равен аршин?**

Аршин – мера длины в старой России (с XVI века). Аршин = 0,71м.

2. Объясните, как вы понимаете следующие слова и словосочетание. Можете использовать материал для справок.

Общий, особенная статья, ум.

Материал для справок: интеллект; не похожий на других; не такой, как все; необычный; положение; рассудок; статус; универсальный; характер.

3. К словам первой группы подберите противоположные по значению слова из второй группы.

1. Можно, особенный, понимать, ум.
2. Верить, нельзя, обыкновенный, сердце.

4. Заполните таблицу.

глагол несовершенного вида	глагол совершенного вида
	поверить
мерить	
понимать	

5. Познакомьтесь со следующими конструкциями.

верить *во что* в Бога
понять *что чем* страну умом
измерить *что чем* / какой-либо мерой

Стихотворение

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная статья –
В Россию можно только верить.
1866

И.Ф. Анненский

Словарь стихотворения «Среди миров...»

1. другой	7. мир	13. повторять	19. среди
2. если	8. молить	14. потому что	20. томиться
3. звезда	9. надо	15. свет	21. тяжело
4. имя	10. один	16. светило	22. чтобы / чтоб

5. А. Укажите формы множественного числа для следующих существительных. Б. Составьте предложения, используя эти формы множественного числа и слово *нет*.

Звезда, мир, светило.

6. Заполните таблицу.

я	она
от меня	от ...
со мной	с ...
у меня	у ...

7. Вспомните, какие союзы используют, чтобы сказать о причине, условии, о недостоверности сообщения (*если, потому что, что, чтобы*). Дополните предложения нужными союзами. Укажите возможные варианты.

1. Я повторяю её имя, ... я её люблю. 2. ... я сомневаюсь, я у кого-нибудь прошу совета. 3. Нельзя сказать, ... я её любил.

8. Познакомьтесь со следующими конструкциями:

быть / находиться <i>среди чего</i>	<i>кому тяжело что</i>
среди звёзд/миров	сомнение
<i>кто</i> повторяет <i>что</i>	<i>кто</i> молит <i>чего у кого</i>
имя	счастья у Бога
<i>кто</i> любит <i>кого / что</i>	светло <i>от чего / от кого</i>
звезду	от Звезды
<i>кто</i> томится <i>с кем</i>	не надо света <i>с кем</i>
со звёздами	со Звездой

Стихотворение

Среди миров

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Её любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Неё одной молю ответа,
Не потому, что от Неё светло,
А потому, что с Ней не надо света.

1901

Словарь стихотворения «Август – астры...»

1. август	7. дитя	13.ладонь	19.поцелуй
2. астра	8. звезда	14.ливень	20.ржавый
3. благосклонный	9. играть	15.месяц	21.роза
4. виноград	10.имперский	16.молния	22.рябина
5. гладить	11.имя	17.поздний	23.свой
6. гроздь	12.как	18.полновесный	24.сердце
			25.яблоко

Прежде чем читать стихотворение

1. Дайте объяснения слов, дополнив следующие предложения. Можете использовать слова для справок.

1. Август – это ... месяц. 2. Виноград и яблоко – это
3. Дитя – это 4. Астра и роза – это 5. Ладонь – это часть 6. Ливень – это сильный 7. Рябина – это

Для справок: восьмой, дерево, дождь, летний, ребёнок, рука, фрукты, цветы.

2. А. Укажите формы множественного числа для следующих существительных. Б. Составьте предложения, используя эти формы множественного числа и слово нет.

Молния, ливень, поцелуй, роза.

3. К словам первой группы подберите противоположные по значению слова из второй группы.

1. Поздний, свой.
2. Ранний, чужой.

4. Заполните таблицы.

А.

глагол	существительное
	игра
поцеловать	

Б.

гладить	играть
я глажу	я играю
ты ...	ты ...

5. Познакомьтесь со следующими конструкциями.

гладить *что чем*
сердце ладонью

играть *чем*
яблоком

6. Вспомните:

Август (Augustus) (63 г. до н.э. – 14 г.н.э.) – римский император с 27 г. до н. э.

Стихотворение

Август – астры,
Август – звёзды,
Август – грозди
Винограда и рябины
Ржавой – август!

Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.
Как ладонью, гладишь сердце
Именем своим имперским:
Август! – Сердце!

Месяц поздних поцелуев,
Поздних роз и молний поздних!
Ливней звёздных –
Август! – Месяц
Ливней звёздных!
7 февраля 1917

А.А. Ахматова

Словарь стихотворения «Ржавеет золото...»

1. всё	5. земля	9. мрамор	13. слово
2. всего	6. золото	10. печаль	14. смерть
3. готов	7. истлевать	11. прочный	15. сталь
4. долговечный	8. крошиться	12. ржавеет	16. царственный

Прежде чем читать стихотворение

1. Объясните, как вы понимаете следующие слова.

Долговечный, царственный.

2. К словам первой группы подберите противоположные по значению слова из второй группы.

1. Жизнь, ничто, радость.
2. Всё, печаль, смерть.

3. Образуйте формы степеней сравнения от следующих прилагательных. Обратите внимание на разговорную форму -ей.

Образец: интересный – интереснее / интересней.

Долговечный, прочный.

4. Заполните таблицы.

А.

прилагательное	существительное
золотой	
мраморный	
стальной	
	царь

Б.

существительное	глагол несовершенного вида	глагол совершенного вида
крошка		искрошиться
ржавчина		заржаветь
тлен		истлеть

5. Составьте предложения, поставив глагол в форме настоящего времени.

1. (ржаветь) Оно
2. (истлевать) Она
3. (крошиться) Он

6. Познакомьтесь со следующей конструкцией.

готов к чему

к смерти

Стихотворение

Ржавеет золото, и истлевают сталь,
Крошится мрамор. К смерти всё готово.

Всего прочнее на земле – печаль

И долговечней – царственное слово.

1945

Подход, продемонстрированный в предложенных материалах, не отличается новизной, представляет собой только один возможный путь обеспечения чтения русской поэзии в нефилологической аудитории и ставит вопрос о поиске других путей:

«Эй, вы! Задние! Делай, как я.
Это значит – не надо за мной,
Колея эта – только моя.
Выбирайтесь своей колеёй».

В. Высоцкий

Кроме приведённых выше стихотворений, в курс русской поэзии для инофонов-естественников могут войти следующие произведения: «Роза» (А.С. Пушкин), «Горные вершины» (М.Ю. Лермонтов), «Ночь, улица, фонарь, аптека...» (А.А. Блок), «А вы могли бы?», VI и V фрагменты из «Неоконченного» (В.В. Маяковский), «Думали: нищие мы, нету у нас ничего...» (А.А. Ахматова), «Я кончился, а ты жива...» (Б.Л. Пастернак) и другие – в зависимости от интересов и потребностей конкретной аудитории.

Подготовка языкового материала через серию лексико-грамматических заданий позволяет начинать чтение русской поэзии иностранным учащимся, владеющим русским языком в объёме Базового уровня Российской государственной системы тестирования граждан зарубежных стран по русскому языку.

При постоянном дефиците времени в учебном процессе небольшой курс русской поэзии может быть единственной возможностью познакомить некоторые категории инофонов естественнонаучного профиля с русской литературой, с образцами русской поэзии и показать вклад русской литературы в духовное развитие человечества.

Литература

- Гумбольдт В. Характер языка и характер народа (Отрывок). // Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985.
- Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сборник статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. М., 2002.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО

Л.В.ЕРШОВА, Л.Н.НОРЕЙКО

МОЖЕТ ЛИ ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТАТЬ УВЛЕЧЕНИЕМ?

В последние годы наблюдается желание изучающих иностранный язык достигать познавательных и прагматических целей, используя увлекательные формы и методы приобретения языковых знаний и речевых навыков. Нетривиальный подход к презентации и постижению иного языка и культуры вызывает гораздо больший интерес, чем традиционные методы обучения. Что необходимо сделать, чтобы сама структура занятия, его содержательное наполнение, методы и приёмы работы, а также личность преподавателя как носителя изучаемого языка и культуры способствовали пробуждению мотивации и заинтересованности в результатах учебного процесса? О чём и как нужно говорить, чтобы вовлечь в общение каждого участника и дать раскрыться его индивидуальности в процессе коммуникации? Какие интерактивные виды работы являются наиболее оптимальными в решении поставленных задач?

Методическая работа в таком случае должна быть направлена на создание дополнительных стимулов, побуждающих участников коммуникации высказаться. Нужны такие задания, выполнение которых было бы интересным для всех участников общения, а предложенные темы и речевые ситуации затрагивали бы их за живое, создавали ситуации, когда невозможно не высказать собственное мнение. Так, эффективным является предъявление какого-то неожиданного или даже парадоксального задания-стимула, побуждающего к высказыванию. Более того, как показывает опыт последних лет, чем менее тривиально задание, моделирующее речевую ситуацию, тем сильнее желание высказаться. Иногда на глазах происходит изменение психологического облика учащегося под воздействием такого психолого-педагогического подхода. Кроме этого, полезны задания, развивающие воображение и затрагивающие личные интересы учащихся, которые вовлекаются в различные деятельностные формы общения, где каждому отводится определённая роль, которая должна меняться от занятия к занятию. Очень хорошо, если эти

роли учитывают индивидуальные особенности коммуниканта и позволяют ему максимально раскрыться.

Формулировка коммуникативного задания должна побуждать к деятельности на языке. Например, лексическая тема «Учёба» может быть реализована в виде таких творческих заданий:

I. Предложите проект университета (факультета), в котором вам было бы интересно учиться, аргументируйте свою позицию.

II. Вы кандидат на пост ректора университета. Подготовьте свою предвыборную речь, будьте готовы ответить на вопросы слушающей вас аудитории.

Следует отметить, что весьма продуктивны командные формы работы, особенно это актуально для больших групп учащихся. Этот методический приём позволяет привлечь к активному участию в занятии всех слушателей.

При выполнении задания группа делится на несколько команд, которые объединяют сторонников разных взглядов, представителей различных возрастных и социальных групп. Столкнувшиеся противоположные точки зрения требуют подтверждения, аргументации, иллюстраций, с одной стороны, и использования выразительных языковых средств, с другой.

В качестве примера приведём возможные формулировки заданий-стимулов по двум традиционным «разговорным» темам: «Ресторан» и «Медицина». В первом случае учащимся предлагается роль владельцев нового ресторана, старающихся с первых же дней работы добиться успехов, привлечь посетителей. Для этого нужно дать интервью или подготовить рекламу о ценах, услугах, преимуществах по сравнению с аналогичными объектами, словом, умело организовать рекламную кампанию.

При выполнении второго задания, заключающегося в проведении ток-шоу, посвященного профессиональной и народной медицине, студенты имеют возможность выбрать наиболее интересную для себя роль: ведущего, врача или народного целителя, гостя в студии или «возмущенного» телезрителя, решившего выразить своё мнение по телефону. Ролевое многообразие позволяет сделать равноправными и активными участниками общения всех присутствующих. Причём одинаково привлекательными оказываются роли и положительных, и отрицательных героев, и последних даже, может быть, в большей степени.

Учащиеся таким образом овладевают навыками сопоставления и противопоставления явлений, учатся выделять главное, от-

личительное, вкладывают более глубокое содержание в создаваемый звучащий текст, стараются сделать свою речь более яркой, выразительной. Они вовлекаются в творческий процесс по созданию своего коммуникативного образа, каждый раз нового, в зависимости от предложенной ситуации. Коммуникативные возможности общающихся в данном случае характеризуются не количеством выученных речевых клише, а умением осуществлять перенос сформированных навыков в новые ситуации общения. Главное – выработать отношение к предмету речи, каким бы он ни был, и обучать личностному восприятию явлений мира, передаваемому средствами языка. Такой подход даёт студенту большие возможности для манёвра, гибкости в процессе коммуникации.

Интересны так называемые форумы как тип речевого поведения. Их популярность, видимо, связана с распространением Интернета. Обычно проведение форума по какой-то проблеме в аудитории вызывает неизменный интерес. Здесь заложены огромные возможности ролевой инсценировки темы и языковой выразительности.

Особо следует отметить значение этнокультурного компонента занятия, так называемой геоязыковой среды¹. Справедливо отмечается, что у обучаемых часто наблюдается сильная текстозависимость, которая неизбежно приводит к псевдокоммуникации, когда студент, к примеру, может рассказать о персонаже учебного текста, а о себе затрудняется, хотя для этого ему требуется лишь трансформировать уже известный лексико-грамматический материал². Это объясняется прежде всего несовпадением совокупной системы знаний и представлений о мире, сформировавшихся у учащихся как у представителей определенного этноса, и предлагаемых учебниками ситуативно-речевых моделей.

Такое несовпадение становится еще одним препятствием на пути достижения уровня активного владения языком. Закономерно, что возникновение дополнительных трудностей в процессе коммуникации на неродном языке еще больше ослабляет мотивацию.

¹ Под понятием геоязыковой среды следует понимать не только языковое окружение, но и среду обитания языка.

² Агибалов А.К. Образ мира и обучение иностранному языку // Материалы XXIX межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Выпуск 9. Русский язык и методика его преподавания. Часть 1. СПбГУ, 2000. С.23.

В такой ситуации большим стимулом к общению является сильное эмоциональное или эстетическое впечатление, которое возникает в результате просмотра, например, фильма или спектакля.

Безусловно, по степени эмоционального воздействия пальма первенства принадлежит театральным постановкам. Так, просмотр спектакля «Дядя Ваня» явился мощнейшим стимулом к общению. Яркая актёрская манера исполнителя роли Астрова удивительно высветила этот образ и актуализировала каждое высказывание этого героя. В частности, внимание учащихся привлекла фраза: «В человеке должно быть всё прекрасно ...», которая вызвала множество интересных ответных реплик и суждений со стороны студентов. Разнообразие точек зрения не было конца. Вот уж, действительно, можно было сказать: сколько людей, столько и мнений. Здесь были сторонники и оппоненты, уверенные в своей правоте и сомневающиеся. Были и неожиданные позиции: а я думаю не как все, у меня свой особый взгляд на вещи. Нельзя было не заметить изменения психологического портрета общающегося коллектива, когда желание спрятаться за спины других, «отсидеться», не привлекать к себе внимания, сменяется стремлением высказать своё мнение, выделиться среди окружающих, подчеркнуть свою индивидуальность, заставить всех прислушаться к своему мнению и задуматься над ним, посмотреть на предмет обсуждения с неожиданной стороны. Такие коммуникативные «сюрпризы», заключающиеся в неожиданной интерпретации суждения, придают занятию необходимую остроту и эмоциональность, сообщают дополнительные стимулы для поддержания разговора.

Кинофильмы также содержат многочисленные стимулы к порождению высказывания, имеющие большое культурно-познавательное значение для иностранцев. Практика показала, что даже само название фильма, которое часто представляет собой прецедентное высказывание, а также поступки героев и их жизненное кредо, вызывают огромный интерес в иностранной аудитории и желание обмениваться точками зрения, чтобы точнее определить своё отношение к увиденному и заинтересовавшему.

Научившись понимать и правильно оценивать национальную специфику отражения мира, наглядно представленную в языке и поведении носителей данной культуры, некоторые студенты приходят к следующему интересному выводу: хочу думать, поступать и чувствовать мир, как это делают носители языка. Вероят-

но, здесь речь идёт о том, что человек начинает получать удовольствие от осознания того, что постепенно постигает неизвестный ему до сих пор менталитет. «Образ иного мира» уже не отпугивает, не затрудняет изучение языка, а привлекает. Почувствовав это, учащиеся сами требуют сообщать им больше знаний о стране, людях, культуре – обо всём, что создаёт среду обитания изучаемого языка.

В связи с этим нам кажется, что традиционные лексические темы должны быть значительно дополнены материалом и коммуникативными заданиями, позволяющими решать современные задачи межкультурного общения и содержащими в себе необходимые «инструменты» познания мира и отражения себя в этом мире. Эти темы необходимо наполнить и так называемыми интеллектуальными заданиями, развивающими воображение и затрагивающими личные интересы каждого.

Одним из таких заданий могло бы быть исходное суждение-стимул, лучше неожиданное или парадоксальное, побуждающее к высказыванию и нацеливающее на выбор необходимых интенций. Кроме того, следует включать в курс как можно больше заданий, имеющих достаточную культурную нагрузку, что позволило бы осуществлять общение в широком культурном аспекте, принимая во внимание значение целого контекста, а не отдельно взятых слов, ибо научившись понимать сугубо национальное, «непереводимое», можно понять страну, ее народ и овладеть языком данного народа.

И если сегодня актуален вопрос, являются ли национальные различия культур непреодолимым препятствием к полноценному изучению иностранных языков, то следует ответить «нет, не являются». Напротив, различия культур являются сильнейшим стимулом к изучению иного языка. Задача состоит лишь в том, чтобы эти различия умело использовались на уроках иностранного языка, создавая неповторимую эмоциональную и эстетическую ауру, в которой и происходит настоящее заинтересованное общение.

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ С ТЕКСТОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ ОБЩЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ РКИ И ОПЫТ ПОДАЧИ МАТЕРИАЛА В УЧЕБНИКЕ

Целями обучения студентов-филологов являются повышение уровня общего владения русским языком и обучение коммуникации в профессиональной сфере общения. Хорошее общее владение языком становится сегодня особенно актуальным, так как многие учащиеся планируют в будущем заниматься переводом, работать в области коммерции, т.е. не связывают свою будущую профессию с узкоспециальной деятельностью (наука, преподавание языка). Общее владение языком предполагает наличие сформированной коммуникативной компетенции в социокультурной и обиходно-бытовой сферах общения. Данная статья посвящена обучению коммуникации в социокультурной сфере общения.

Социокультурная сфера общения – это сфера, связанная с «познанием страны изучаемого языка и общекультурными потребностями» [Программа 1988: 4]. Поскольку, как известно, основной единицей обучения является текст, то центральное место при обучении студентов коммуникации в социокультурной сфере общения отводится работе с текстом (мы будем далее его называть ТСКС – текст социокультурной сферы, в отличие от научного текста – НТ).

ТСКС – это публицистический или научно-популярный текст информативного или проблемного характера. Работа с ТСКС традиционно имеет несколько этапов, каждому из которых соответствует своя система заданий:

1. Предтекстовые задания (при установке на изучающее чтение). Цель – снятие лексических и грамматических трудностей.
2. Притекстовые задания. Цель – задать установку при чтении текста.
3. Послетекстовые задания.
 - а) Первая группа заданий. Цель – осуществить контроль понимания содержания текста, т.е. представленной в нем информации (вопросы по тексту, утверждения, соответствующие или не соответствующие содержанию текста, и т.п.).

б) Вторая группа заданий. Цель – подготовить учащегося к репродуктивному монологическому высказыванию на основе текста (поиск опорных слов и другие задания, подводящие к заданию «Расскажите о ...»).

в) Третья группа заданий. Цель – инициировать построение собственного высказывания (проведение беседы) на тему, аналогичную (близкую) теме текста, с использованием имеющегося в тексте лексического и грамматического материала.

Ниже мы подробнее остановимся на этапах контроля содержания ТСКС и подготовки его пересказа (группы заданий 3-а и 3-б). На наш взгляд, в существующих учебниках и учебных пособиях недостаточное внимание уделяется анализу смысловой структуры ТСКС, а к воспроизведению ТСКС учащийся практически не подготавливается. В результате студент слабо владеет информацией текста, не может ею оперировать, не умеет производить смысловую компрессию текста и, как следствие, просто выучивает текст наизусть. Очевидно, что обучающий эффект при этом невелик. Между тем, если научить студента анализировать информацию, представленную в тексте, видеть ее организацию, иерархичность (более существенная – менее важная), производить смысловую компрессию текста, то студент в состоянии сам получить вторичный ТСКС, производный от прочитанного. Такая работа традиционно проводится на материале текстов языка специальности (см., например, [Бахтина, Кузьмич, Лариохина 1988]). Можно ли механически перенести систему заданий, сопровождающих научный текст (НТ), на социокультурный текстовый материал? Существует ли специфика работы с ТСКС по сравнению с НТ?

Без сомнения, работа с НТ и ТСКС имеет много общего прежде всего потому, что психолингвистические механизмы восприятия текста и порождения на его основе вторичного текста носят универсальный характер и не зависят от типа текста. Напомним, что процесс обработки информации проходит несколько этапов: первичный отбор информации, в ходе которого отбрасывается излишняя информация → вторичный отбор, в ходе которого отобранная информация оценивается по признаку ее новизны и важности → свертывание информации до смысловой вехи → переформулирование, т.е. развертывание смысловой вехи и ее речевое оформление (см. [Павлова 1983: 13-15]). Каждому из звеньев данной цепочки соответствует система упражнений, обучающих работе с текстом; естественно, что если цепочка уни-

версальна, то и задания, соответствующие звеньям этой цепочки, для НТ и ТСКС будут принципиально сходными: анализ смысловой структуры текста, анализ информации, представленной в каждой части, оценка ее с точки зрения существенности-несущественности, оценка языкового материала текста с точки зрения соответствия его заданным параметрам вторичного текста (его стилю, жанру, форме – устная/ письменная, условиям функционирования – официальная/ неофициальная обстановка), переформулирование.

Однако полностью совпадать работа с НТ и ТСКС не может, так как различны и исходный материал – первичный текст, и конечный продукт – вторичный текст. Итак, в чем специфика работы с ТСКС по сравнению с НТ?

Контроль понимания содержания, смысловой структуры текста

Работа со смысловой структурой текста в целом

Текст делится на смысловые части (в разной терминологии – сверхфразовые единства, сложные синтаксические целые, прозаические строфы и др.). Каждая часть «характеризуется единством мысли, высказывания, темы» [Солганик 2007: 78]. Это единство часто подчеркивается графически – каждая новая смысловая часть начинается с красной строки, т.е. текст делится на абзацы. Однако понятие абзаца не тождественно понятию смысловой части текста. Абзац – это способ подчеркнуть, графически выделить определенные фрагменты текста. Так, например, в художественных текстах объем абзаца и смысловой части часто не совпадают, благодаря чему акцентируются одни фрагменты текста и «ретушируются» другие. Как справедливо указывает Н.С. Валгина, абзац – это композиционно-стилистическая, а не структурно-смысловая единица текста [Валгина 2004: 59].

В научном тексте смысловая часть, как правило, по объему равна абзацу – каждая новая микротема (или новый тезис) для большей четкости подачи материала, облегчения его восприятия начинается с абзаца. Такое совпадение смыслового и графического членения НТ позволяет при работе с ним пользоваться понятием абзаца (несмотря на то, что в теоретическом отношении это небезупречно); понятием «абзац» оперируют авторы ряда пособий по языку специальности, и в принципе это удобно: абзацы

выделяются красной строкой, нумеруются и служат хорошим «адресом» для отыскивания в тексте нужного фрагмента.

В текстах же публицистических и научно-популярных, характеризующихся ярко выраженным субъективным, авторским началом, нередко встречается значимое несовпадение границ абзаца и смысловой части. Отсюда следует, что при работе с ТСКС, в отличие от НТ, понятием абзаца пользоваться невозможно (зато полезно обратить внимание учащихся на случаи несовпадения смыслового и графического членения текста).

Работа с информационной структурой смысловой части текста

Информация каждой части текста определенным образом организована. Как правило, эта организация имеет иерархический характер по принципу: основная – дополнительная. Основная информация – это «главная мысль», тезисная часть.

Основная информация раскрывается в дополнительной, которая конкретизирует, уточняет основную информацию. Выделяются различные виды дополнительной информации – аргументативная, иллюстративная, конкретизирующая (перечисление составляющих, получивших в основной информации обобщенную номинацию), уточняющая (в частности, цифровые данные). В пособиях для учащихся называются и формальные ориентиры, позволяющие распознать дополнительную информацию того или иного типа: перечисляются языковые средства, вводящие тот или иной тип информации (например, указывается, что иллюстрации вводятся с помощью слов *так, например, такие как*, конкретизирующая информация – словом *в частности*: см. [Бахтина, Кузьмич, Лариохина 1988: 18]). Помимо дополнительной информации в смысловой части текста выделяется еще дублирующая информация, которая повторяет уже введенную информацию с помощью других языковых средств. Так, в НТ «частым случаем дублирования является объяснение уже названного явления, понятия, в частном случае – термина... Сигналами дублирующей информации могут быть слова *или, то есть..., иными словами, другими словами, это означает (значит), что означает, иначе говоря*» [Бахтина, Кузьмич, Лариохина 1988: 9].

Без сомнения, очень полезно, если при работе с текстом учащийся не только видит дополнительную информацию в тексте, но

и может точно определить ее тип, ее функцию. В НТ, имеющем более объективный характер, более прозрачном в смысловом отношении, чем ТСКС, определение типа дополнительной информации оказывается относительно несложным. Однако в научно-популярном и публицистическом текстах определение типа дополнительной информации нередко вызывает затруднения. Вот отрывок из научно-популярного текста о способностях человека (Детская энциклопедия. М., 1975, т. 7).

Обычно, когда говорят о способностях или одаренности, то прежде всего почему-то имеют в виду так называемую художественную одаренность, (1) т.е. способности к музыке, танцам, рисованию, к поэтическому, актерскому творчеству и т.д. Действительно, для каждого из этих видов художественного творчества нужны особые способности. Например, для успешного творческого занятия изобразительным искусством необходимы чувство пропорции, композиции, чувство колорита и светотени, образная и цветовая память, особые качества двигательного аппарата руки. Чтобы стать хорошим музыкантом, человек должен прежде всего обладать чувством ритма, музыкальной памятью, способностью определять завершенность или незавершенность музыкальной мелодии – обладать так называемым ладовым чувством.

Следовательно, для музыкального творчества требуются совсем иные качества, чем для изобразительного. Это относится и к другим видам художественной деятельности.

Но одаренность проявляется не только в художественной сфере. Мы знаем способных математиков, философов, талантливых химиков. Естественно, для научного открытия, скажем, в области физики, требуются совсем иные качества, чем те, какими обладает, например, поэт. В таких случаях принято говорить об интеллектуальных способностях, или об умственной одаренности, – о способности к оригинальному ходу мысли, к научному анализу фактов и их творческому обобщению, к формированию новых идей и гипотез.

И, наконец, бывает одаренность также и в сфере физических движений. (2) В самом деле, разве спортсмен, преодолевающий высоту больше собственного роста, не талантлив? Разве не демонстрирует выдающиеся способности стрелок, выбивающий 398 очков из 400 возможных? В этих и подобных случаях тоже необходимы особые качества, такие как сверх-

точная координация движений, высокоразвитое кинестетическое чувство, т.е. способность ощущать тончайшие движения мышц, и многие другие.

Рассмотрим выделенные фрагменты приведенного отрывка из текста. В первом фрагменте (1) выделенная часть ***способности к музыке, танцам, рисованию, к поэтическому, актерскому творчеству и т.д.*** конкретизирует обобщенное название *художественная одаренность*. Значит, это конкретизирующая информация. С другой стороны, это пояснение (что такое *художественная одаренность*?). Это пояснение вводится союзом *то есть*. Значит, дублирующая? Так все-таки, конкретизирующая или дублирующая?

Выделенный фрагмент (2) ***В самом деле, разве спортсмен, преодолевающий высоту больше собственного роста, не талантлив? Разве не демонстрирует выдающиеся способности стрелок, выбивающий 398 очков из 400 возможных?*** содержит дополнительную информацию к тезису *И, наконец, бывает одаренность также и в сфере физических движений*. Что представляет собой эта дополнительная информация? С одной стороны, это похоже на иллюстрацию. Ср.: *И, наконец, бывает одаренность также и в сфере физических движений. Талантливы, например, спортсмен, преодолевающий высоту больше собственного роста, и стрелок, выбивающий 398 очков из 400 возможных*. С другой стороны, возможна и другая трактовка – перед нами так называемая аргументация к факту. Как известно, помимо логической аргументации, которая основывается «на топе необходимой истинности правильного логического вывода, исходящего из истинных посылок» [Волков 2009 : 314], существует аргументация к факту, которая, в свою очередь, основывается «на топах о реальности отдельного события или об отношении отдельного факта к классу (роду)» [Там же]. Итак, реален факт существования людей, талантливых в сфере физических движений, – истинен тезис о существовании способностей к этой области человеческой деятельности. Таким образом, статус дополнительной информации опять непонятен – иллюстрация или аргументация? Не помогает в решении этого вопроса и попытка определить целеустановку текста. С одной стороны, она познавательная (перед нами текст энциклопедического характера, призванный объяснить юному читателю, что такое способности человека). Значит, мы вправе расценивать данную дополнительную информа-

цию как иллюстративную. С другой стороны, автор имеет установку убедить читателя. В тексте присутствуют средства субъективной модальности (*естественно, разумеется, в самом деле*), логическая аргументация *Действительно, для каждого из этих видов художественного творчества нужны особые способности*. Также: *В этих и подобных случаях тоже необходимы особые качества, такие как сверхточная координация движений, высокоразвитое кинестетическое чувство, т.е. способность ощущать тончайшие движения мышц, и многие другие*. Формулируется умозаключение *Следовательно, для музыкального творчества требуются совсем иные качества, чем для изобразительного*. Получается, что рассматриваемая дополнительная информация должна быть признана аргументативной. Итак, иллюстрация или аргументация? Что сказать студенту?

Таким образом, как показали приведенные выше примеры, в научно-популярном тексте (прежде всего в связи с наличием в нем субъективного, авторского начала) определить тип дополнительной информации нередко бывает достаточно сложно. То же, еще в большей степени, относится к тексту публицистическому. Отсюда следует вывод: при работе с ТСКС не стоит вводить какие-либо теоретические определения, придавать названиям типов дополнительной информации статус системных научных терминов и не стоит заставлять студентов определять в каждом случае тип дополнительной информации. Достаточно будет, если они научатся различать в структуре смысловой части текста «главную мысль» и информацию, раскрывающую эту мысль.

Итак, сравнение НТ и ТСКС показывает, что, несмотря на то что работа со смысловой структурой НТ и ТСКС имеет много общего, существует и специфика работы с ТСКС. Эта специфика заключается в следующем:

- 1) При работе с ТСКС нельзя пользоваться понятием абзаца.
- 2) При работе с ТСКС нецелесообразно определять тип дополнительной информации.

Система заданий, направленных на понимание содержания ТСКС, его смысловой структуры, может выглядеть приблизительно следующим образом:

1. *Ответьте на вопросы к тексту.*
2. *Среди данных утверждений найдите те, которые не соответствуют содержанию текста.*

3. Разбейте текст на смысловые части. Скажите, о чем идет речь в каждой части.
4. Скажите, совпадает ли деление на части с делением на абзацы? Если нет, то скажите, с какой целью автор применяет такое деление на абзацы?
5. Составьте план текста в определенной форме (вопросной, тезисной, назывной).
6. Проанализируйте информацию каждой смысловой части текста. Какая информация представлена – основная, дополнительная, дублирующая?

Подготовка репродуктивного монологического высказывания на основе прочитанного текста

Следующим этапом работы с текстом является подготовка репродуктивного монологического высказывания на его основе. Чтобы воспроизведение текста не сводилось к озвучиванию выученной наизусть последовательности предложений, студент должен научиться сокращать и трансформировать текст, «приспосабливая» его к своим возможностям и учитывая жанр вторичного текста.

Обучение компрессии текста путем исключения его отдельных фрагментов

Сокращение текста имеет объективно-субъективный характер. С одной стороны, объективно заданная смысловая структура текста препятствует произвольному его сокращению, исключены могут быть лишь определенные участки текста – а именно те, которые содержат дополнительную или дублирующую информацию. Основная информация в тексте-пересказе сохраняется, возможно лишь ее частичное сжатие на этапе вторичного отбора (см. приведенную выше схему обработки информации по В.П. Павловой). Именно поэтому так важно, чтобы студент умел отделять основную информацию от дополнительной.

С другой стороны, работая с дополнительной и дублирующей информацией текста, студент относительно свободен: он может решить, сохранит ли он эту информацию, и если сохранит, то в каком объеме, может выбирать, какую именно информацию он возьмет во вторичный текст (например, какие именно примеры или аргументы). Таким образом, жестких рекомендаций по объему вторичного текста быть не может, что должно учитывать-

ся и в формулировке заданий. Возможна, например, такая формулировка: *Сократите текст, исключив из него менее важную, на ваш взгляд, информацию.*

Обучение трансформации фрагментов текста

Трансформация (переформулирование) текста может производиться с целью сокращения и упрощения формулировок, а также с целью придания тексту определенных стилистических характеристик (например, замена глагола глагольно-именным сочетанием, характерным для научного текста, замена экспрессивного средства нейтральным, более уместным в пересказе, при эмоционально сдержанном, объективном изложении информации). Сокращение объема текста и упрощение формулировок носит необязательный характер, однако эти трансформации целесообразны и определяются стремлением к экономии речевых усилий. Трансформации второго типа носят более облигаторный характер, так как в их основе лежат стилистические языковые нормы. Представляется важным обучать студента всем типам трансформаций, предлагая в каждом конкретном случае способ компрессии. Формулировка задания должна содержать следующие инструкции: *зачем делать? Как делать?*

Мотивация (зачем?) определяется спецификой сферы общения. В научной сфере мотивация заключается в создании письменного текста (конспекта, реферата), используемого в учебном процессе. Владение языком в пределах социокультурной сферы общения предполагает умение вести беседы и дискуссии, излагать увиденное, услышанное или прочитанное «преимущественно в устной, реже в письменной форме в процессе переписки». [Программа по русскому языку для студентов-иностранцев, обучающихся на филологических факультетах вузов СССР 1988: 4]. Учитывая, что переписка, в связи с развитием мобильной и электронной связи, в наше время в значительной степени утрачивает свою актуальность, основным приоритетом обучения в социокультурной сфере является устная речь. Таким образом, мотивация при работе с НТ и ТСКС различна, это находит отражение и в характере формулировок заданий. При работе с ТСКС задание может начинаться, например, следующим образом: *Вы хотели бы рассказать друзьям о прочитанном. Подготовьтесь к этому рассказу.* А далее в задании должны следовать инструкции, как преобразовать текст, чтобы он стал удобен в устном изложении в

заданных условиях (в данном случае – в неофициальной обстановке общения).

Тип преобразований, трансформаций (как делать?), которые необходимо выполнить с текстом-источником, диктуется стилистическими (жанровыми) характеристиками вторичного текста. В научном стиле, при составлении вторичного текста (например, реферата), «сгущается» книжная окрашенность текста (предложения с союзным словом *который* заменяются причастными оборотами, предложения с однородными сказуемыми преобразуются в предложения с деепричастными оборотами и т.д.). Заданные стилистические (жанровые) параметры вторичного научного текста оказываются настолько существенными, что могут выполняться трансформации, приводящие не к упрощению, а к формальному усложнению текста с целью усиления его «книжности» (замена глаголов глагольно-именными сочетаниями). При создании вторичного ТСКС вектор преобразований прямо противоположный: устный характер текста диктует свои правила. Здесь, наоборот, устраняются, преобразуясь, причастные и деепричастные обороты, пассивные конструкции заменяются активными, глагольно-именные сочетания – глаголами. Таким образом, задания к ТСКС и НТ будут различаться набором рекомендуемых операций.

Впрочем, в преобразованиях НТ и ТСКС есть и область сходства – это устранение средств экспрессии, которое может заключаться (помимо простого исключения из текста) в синонимической замене, переформулировании, снабжении экспрессивного средства комментарием (см. об этом [Маркова 2008: 68–69]). Соответствующие типы заданий в настоящее время не разработаны ни применительно к НТ, ни применительно к ТСКС.

Принципиально общим требованием к заданиям на компрессию и текста научного, и текста социокультурной сферы является четкость, конкретность инструкции, следуя которой учащийся получает определенную, «запрограммированную» формулировку (при «размытых» инструкциях, рассчитанных на творческий поиск, допускающих широкую вариативность конечной формулировки, студент фактически отправляется в «свободное плавание», и обучающий эффект такого задания существенно меньше). Могут быть предложены разные способы «вывести» учащегося на нужную формулировку.

Вот несколько примеров.

- Дается **вопрос**, отвечая на который студент строит требуемую формулировку. Пример задания: *Передайте более коротко и просто смысл предложения **Помимо собственно филологических дисциплин учебный план факультета включает и дисциплины общегуманитарные.** Ответьте при этом на вопрос **Что изучают студенты на филологическом факультете помимо собственно филологических дисциплин?***

Ожидаемая формулировка: *На филологическом факультете помимо собственно филологических дисциплин студенты изучают дисциплины общегуманитарные.*

- Предлагается **конструкция**, которую следует использовать в конечной формулировке.

Пример задания (ниже приводится задание комплексного характера, содержащее несколько инструкций, в том числе и инструкцию по использованию заданной конструкции): *Разбейте предложение **Зодчие Барма и Постник построили на одном основании восемь церквей, окружающих центральный храм** на два предложения. В первом предложении скажите, кто построил Покровский собор. Во втором предложении скажите о строении собора, используйте конструкцию **ЧТО СОСТОИТ ИЗ ЧЕГО.** Замените причастный оборот **окружающих центральный храм** придаточной частью со словом **который.***

Ожидаемая формулировка: *Покровский собор построили зодчие Барма и Постник. Собор состоит из центрального храма и восьми церквей, которые окружают центральный храм.*

- Дается **вопросительное слово**, указывающее, как, каким членом предложения можно заменить громоздкую конструкцию (например, обособленный оборот).

Пример задания: *В предложении **Он был построен в середине XVI века, ПРИ ЦАРЕ ИВАНЕ IV, КОТОРОГО В НАРОДЕ НАЗЫВАЛИ ИВАНОМ ГРОЗНЫМ** сформулируйте более коротко выделенную часть: при царе Иване (**КАКОМ?**).*

Ожидаемая формулировка: *Он был построен в середине XVI века при царе Иване Грозном.*

- Дается **начало предложения**. Учащийся заканчивает его, и получает нужный вариант.

Пример задания: *Объедините предложения **Но что такое способности? От чего они зависят, чем определяются? Эти во-***

*просы, пожалуй, являются самыми трудными в психологии, и ответы на них даны еще далеко не полностью в одно: включите риторические вопросы в состав последующего предложения. Начните свое предложение так: **Вопросы о том, ...***

Ожидаемая формулировка: *Вопросы о том, что такое способности, от чего они зависят, (пожалуй), являются самыми трудными в психологии, и ответы на них даны (еще далеко) не полностью.*

• Задается **содержание** простых предложений, на которые студент должен разбить сложное, длинное предложение.

Пример задания: *Разбейте предложение **Одна из самых красивых построек Красной площади – это, конечно, Покровский собор, или храм Василия Блаженного, как его еще называют на два, выделив информацию о неофициальном названии собора в отдельное предложение.***

Ожидаемая формулировка: *Одна из самых красивых построек Красной площади – это, (конечно), Покровский собор. Его еще называют храмом Василия Блаженного.*

Список типов заданий может быть продолжен. Представляется полезным, чтобы учащийся записывал полученный вариант формулировки, тогда он лучше усвоит каждый предложенный алгоритм компрессии текста.

Итак, текст тщательно проработан – понято его содержание, осмыслена информационная структура, понята цель, к которой нужно стремиться (сокращенный, упрощенный, стилистически нейтральный вариант текста для устного воспроизведения), усвоены приемы компрессии. После этого учащийся готов к воспроизведению содержания текста, и закономерным является задание типа «Расскажите кратко о ...».

Описанные выше принципы работы с ТСКС были реализованы в новом учебнике для студентов-филологов первого года обучения «Университет. Ступень 1», написанном на кафедре русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова, авторы – Л.В. Красильникова, В.А. Маркова, Е.В. Балдина, А.С. Евтихьева, Т.Е. Чаплыгина, научные редакторы – Л.В. Красильникова, В.А. Маркова. Цель этого учебника – совершенствование уровня общего владения русским языком (за стартовый уровень принят первый сертификационный уровень, необходимый для поступления в вузы России).

В каждом уроке учебника (всего их десять) представлены два текста, репрезентирующие социокультурную сферу общения. «Первые» тексты уроков предназначены для изучающего чтения. Они имеют целью прежде всего пополнить лексический запас студентов соответствующей тематической лексикой, продемонстрировать употребление изучаемых грамматических явлений в речи. В связи с проблематикой статьи нас будут интересовать «вторые тексты».

«Второй» текст каждого урока тематически связан с первым, содержит изучаемый грамматический и лексический материал. Этот текст при первом предъявлении рассчитан на просмотрное чтение. Выполняя притекстовое задание, студент учится прогнозировать содержание текста по заголовку, улавливать общее содержание текста, находить и отбирать необходимую информацию. Затем предполагается, что студент читает текст повторно и теперь более детально работает с материалом текста, учится понимать его смысловую структуру, оперировать представленной информацией, производить смысловую компрессию текста. Завершают работу с текстом задание кратко пересказать текст и творческие задания на основе прочитанного материала.

На протяжении курса от урока к уроку расширяется представление учащихся о типах информации в тексте, о способах смысловой компрессии (в учебнике отрабатываются различные алгоритмы смысловой компрессии текста). Большое внимание уделяется трансформациям, мотивированным характером вторичного текста, его заданными стилистическими параметрами. Это, с одной стороны, работа со средствами экспрессии при установке на стилистически нейтральный вторичный текст (устранение экспрессивной лексики, замена экспрессивных конструкций нейтральными, восстановление логической последовательности изложения, нарушенной в тексте-источнике с целью заинтересовать читателя). С другой стороны, студенты учатся исключать маркированные книжные средства (в частности, причастные обороты) при установке на вторичный текст, бытующий в условиях непринужденного, неофициального общения. Полезными для студента с точки зрения его реальной учебной деятельности являются упражнения найти в тексте информацию на заданную тему (более узкую, чем тема текста), ввести в текст-пересказ выбранные им в первичном тексте цитаты, компактно сформулировать вывод. К концу курса сложность текстов возрастает (так, в

предпоследнем уроке студентам предлагается текст о русской Масленице, в котором дополнительная информация содержит достаточно сложные лексические единицы, но это не затрудняет общего понимания текста, так как дополнительная информация в целом факультативна).

Представляется, что детальная проработка текста социокультурной сферы общения, впервые представленная в учебнике «Университет. Ступень 1» применительно к этому типу текста, очень важна, так как учит свободно оперировать информацией текста и сознательно, без заучивания наизусть (что порой делают студенты), строить монологическое высказывание на его основе. Кроме того, такая работа с ТСКС готовит к реферированию научного текста (реферированием иностранных студенты-филологи будут заниматься позже, на втором курсе), поскольку, как было показано выше, эти два вида работы имеют много общего.

Авторы надеются, что учебник «Университет. Ступень 1» окажется полезным не только для студентов-филологов: поскольку он написан на материале общелитературного языка и предполагает владение русским языком в объеме первого сертификационного уровня, то может использоваться и при работе с учащимися нефилологического профиля – студентами, магистрантами, а также стажёрами соответствующего уровня.

Литература

- Бахтина Л.Н., Кузьмич И.П., Лариохина Н.М. Обучение реферированию научного текста. М., 1988.
- Валгина Н.С. Теория текста. М., 2004.
- Волков А.А. Теория риторической аргументации. М., 2009.
- Маркова В.А. Роль экспрессивных элементов в структуре научного лингвистического текста и их преобразование при реферировании // Слово. Грамматика. Речь. Вып. X. М., 2008.
- Павлова В.П. Обучение конспектированию. М., 1983.
- Программа по русскому языку для студентов-иностранцев, обучающихся на филологических факультетах вузов СССР. М., 1988.
- Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. М., 2007.

СТРАНОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

*Л.Ю. ЮШИНА (Республика Корея),
Р.А. КУЛЬКОВА (Республика Корея)*

ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКИХ И КОРЕЙСКИХ СМИ КОРЕЙСКИМИ УЧАЩИМИСЯ

Стало общим местом, что преподавание языка есть преподавание культуры. Общим местом является также и то, что теория должна быть связана с практикой. Если конкретизировать эти положения применительно к РККИ, это означает, что язык изучается не ради языка как такового, а ради познания чужой культуры и человека вообще. Преподавание языка в отрыве от реальностей жизни невозможно и неэффективно. Преподаватель РККИ, хочет он того или не хочет, не может замкнуться на чисто лингвистической и методической проблематике: он должен быть готов к острым вопросам, которые поднимают учащиеся, должен выработать свою позицию в отношении того, что происходит в культурной, экономической и политической жизни современного мира. Особенно это касается неоднозначных процессов: замалчивание таких проблем или отсылка учащихся к официальным версиям оставляют последних в недоумении, а преподаватель рискует утратить доверие своей аудитории. Не отвечать нельзя, но ответ должен быть не эмоционально-окрашенным и субъективно-личным, а по возможности максимально объективным. Это значит, что он должен основываться на знании исторических тенденций развития страны и её традиций.

В качестве примера возьмём часто задаваемый корейскими учащимися вопрос о ценностных установках современной российской печати. В статье будет показано, как можно подойти к обсуждению этой темы с позиций широкого исторического контекста, избегая субъективно-упрощённых оценок как со знаком плюс, так и со знаком минус.

Мы живём в такое время, когда традиционные ценности и нормы морали во многих странах так или иначе подвергаются пересмотру, проходят испытание на прочность. Изменения касаются не только экономики (которая переживает кризис), но и нравственного состояния общества. Этот процесс можно просле-

доть на примере анализа ценностных установок средств массовой информации (далее – СМИ). СМИ играют огромную роль в жизни общества, не случайно их называют четвёртой властью. Сравнение корейских и российских СМИ показало существенные различия в их ценностных установках, которые в ряде случаев диаметрально противоположны. Перейдем к конкретному сопоставлению.

Корейские СМИ характеризуются тем, что информация в них представлена в максимально объективной форме, с минимальной эмоциональной оценкой, почти безоценочно¹. Оценка изложенных фактов предоставляется читателю. Это вызывает удивление русского читателя, который, зная, что разные газеты и журналы принадлежат разным «хозяевам» (все издания – частные), ожидает разнообразия мнений и оценок. Однако этого нет. Наоборот, прослеживается некая общность в ценностных установках, которую в двух словах можно охарактеризовать как «установка на позитив». То, как последовательно и неукоснительно проводится эта установка, позволяет сделать вывод о том, что это политика не отдельного издания, а государства в целом. Чувствуется, что государство стремится к тому, чтобы народ не потерял надежду, был уверен в своем безопасном будущем и был способен действительно приблизить этот завтрашний день. СМИ являются одним из рычагов, одним из способов внушения этой надежды и поддержания уверенности в стабильности существования, позитивного отношения к жизни в целом. Чем больше русский читатель знакомится с разного рода корейскими СМИ, тем он больше укрепляется во мнении, что «народосбережение» является для государства приоритетом. основополагающей культурной «идеологемой» корейского общества является мысль о том, что надо «думать хорошо, позитивно», т.е. не ждать плохого, всегда надеяться на лучшее. Это тривиальная, на первый взгляд, но очень здравая в своей основе идея направлена на сохранение психического здоровья нации. «Сверхзадача» корейских СМИ – минимизировать поток негативно-депрессивной информации и тем самым сохранить позитивный настрой в обществе, психологический комфорт, оптимизм, желание жить. Это проявляется даже в подаче печальных и трагических сообщений, иногда в довольно неожиданной для русского читателя форме. Так, напри-

¹ Исключением являются темы политической борьбы, особенно в период предвыборных компаний и в период выборов.

мер, в одной известной газете («매일경제» / «Ежедневная экономическая газета», 19.08.2009, с.17) соболезнавание по поводу недавней кончины президента страны Ким Де-Чжуна соседствует с рекламой товара (чеснока) на одной и той же странице¹, сразу вслед за ней. Характерно, что на корейском телевидении в течение нескольких лет был очень популярен телесериал «Давайте жить улыбаясь (смеясь, с улыбкой)». Это некий противовес негативу, который в жизни в принципе всегда имеет место: все негативное нервирует людей, а страх и депрессия, как неизбежные реакции на негатив, повергают в апатию, лишая уверенности и дееспособности, парализуя волю. Поэтому корейские СМИ изо дня в день как бы дают такое послание народу: что бы ни случилось, жизнь продолжается, работайте спокойно.

Обратимся теперь к русским СМИ. В СССР СМИ были средством идеологического воздействия на общество, средством воспитания людей. Вера людей в печатное слово была велика, а писатель воспринимался как духовный авторитет нации (в этом – отзвук культурных традиций русского общества XIX в). Советское общество имело свои идеологические установки. СМИ занимали определённую нишу в поддержании этой системности, выполняли идеологический заказ – донесение идей партии до народа. Советский человек при всех сложностях жизни был менее травмирован эмоционально и психологически, чем современный россиянин. Информация проходила своеобразный фильтр: сообщения о катастрофических событиях были минимальны, не допускалось в печать то, что впоследствии получило название «чернухи» (разного рода негативная информация: техногенные катастрофы, поступки аморального характера). Как это ни странно, но в ценностных установках СМИ в СССР и СМИ в современной Республике Корея обнаруживается некоторое сходство, которое заключается в общей позитивной установке.

Период после распада СССР был временем надежд и последовавшего бурного расцвета публицистики, как правой, так и левой. Но этот период не был долгим. Количество газет и журналов, которое резко возросло в 90-е годы, сейчас существенно сократилось, уменьшилось количество аналитических передач на

¹ Под текстом соболезнавания помещена картинка – два улыбающихся, пишущих здоровьем лица (представители рекламирующей компании-производителя) с чесноком в руках, с текстовым комментарием о прекрасных свойствах и пользе товара и с автографами лидеров компании.

телевидении. Читая современную прессу, корейские учащиеся замечают, что в них отсутствует какая-либо единая идеология, единая информационная политика, как это было во времена СССР, когда идеологическая установка спускалась сверху и передовая статья (передовица) выражала эту установку. Вес самих СМИ в обществе резко упал, что связано отчасти с появлением Интернета. Упал авторитет печатного слова. Если раньше «поэт в России был больше, чем поэт» и роль его была сопоставима с ролью пророка, то сейчас рассуждения о судьбе России ведутся не в литературном ракурсе («умом Россию не понять» и т.д.), а на языке социологии, экономики, статистики и т.д.

Сейчас в российских СМИ даже в информационных материалах ярко выражена тенденция к усилению личного начала, стремление выразить собственное отношение к сообщаемому¹. Но при этом акцент зачастую делается на негативной информации, материал нередко подаётся в негативно-оценочном ключе, с установкой «пощекотать нервы» читателя. Жанр передовой статьи практически исчез. Современные российские СМИ характеризует размытость и неопределённость авторской позиции (печатного органа в целом или конкретного автора), отсутствием позитивной установки. Растерянность и отсутствие оптимистической позиции компенсируются потоком негатива, выливаемого на читателя, зачастую без соблюдения этических и языковых норм². У читателя, как русского, так и корейского, складывается впечатление, что СМИ могут быть прекрасной иллюстрацией характерного для русской культуры в целом концепта *тоски*, знакомого всем из курса русской культуры (вечные вопросы «что делать?» и «кто виноват?», отсутствие в литературе и кино хэппи-энда, любовь русских к специфическому музыкальному жанру

¹ Этому посвящено большое количество публикаций (см. список литературы).

² Так, по наблюдению исследователей, «... некоторые современные периодические издания (например, «Московский комсомолец», «Мегаполис-экспресс» и некоторые другие) усвоили общий ёрнический тон по поводу любого события, передаваемого в любом жанре. В подобных газетах и журналах стало обычной практикой употребление не только резко негативной оценочной фразеологии, но и ненормативных выражений, иногда даже не замаскированных». – См.: А.В. Буробин, Л.Н. Ольхова «Слово не воробей». Пособие по русской фразеологии для иностранных учащихся». Изд-во «МГИМО, Ун-т», М., 2004., стр. 5. Известный писатель Михаил Веллер (и не только он) вообще считает, что «российские СМИ стоят вне морали», поэтому говорить о каких-либо ценностных установках трудно.

грустного романса и т.д.). Но если явления культуры, в частности, русский романс, вызывают своим лиризмом высокие эстетические чувства, то СМИ нагнетают у читателя житейские чувства *грусти и скорби*, погружая его тем самым в депрессию¹.

Видимо, осознавая это, некоторые представители российских СМИ пытаются изменить свою информационную политику в направлении «позитивизации». Так, сравнительно недавно на первом федеральном российском канале появилась программа «Другие новости» как противовес традиционным «Новостям». «Другие новости» стараются рассказывать об интересных событиях в мире без политики, выполняя, таким образом, роль своеобразного «информационного антидепрессанта», пытаясь вернуть людей в русло нормальной жизни, без катастроф, чрезвычайных происшествий и т.д. Другой вопрос, насколько успешно им удаётся это делать, но сама попытка примечательна.

С целью выявления сходства и различий между ценностными установками российских и корейских СМИ – как они видятся глазами будущих корейских ученых исследователей России – нами проведен простой эксперимент. Мы предложили аспирантам² в составе группы из 16 человек ответить без предварительной подготовки на ряд вопросов:

1. Какой информации больше в корейских и российских СМИ: позитивной или негативной? Чем это можно объяснить? Какая информация тематически преобладает в них?

2. Как объяснить, что в известной корейской газете на одной странице рядом были помещены фотография почившего недавно президента Ким Де-Чжуна и реклама товара (чеснока)?

¹ Может быть, по этой причине известный профессор культового романа не рекомендовал своему молодому коллеге читать газеты. Ведь доказано, что с медицинской точки зрения, «плохие» новости не лучшим образом действуют на нервную систему человека, разрушая её. Люди живут своими проблемами, прилагают усилия к их решению, выживают, продолжают жить, а концентрация негатива, собранная в новостях, выбивает их из колеи. Российские СМИ не только не помогают «выживать» своим читателям, но постоянно травмируют их психику. Не удивительно, что многие россияне утратили интерес к чтению газет, и в настоящее время вряд ли можно назвать какое-то газетное издание, которое пользовалось бы такой безоговорочной популярностью, авторитетом и любовью, какими в годы перестройки пользовались «Аргументы и факты» или «Московские новости».

² Это учащиеся международной аспирантуры университета Ханян по специальности «Россиеведение» (Сеул).

3. Любят ли корейцы читать газеты, нужно ли, по их мнению, читать газеты или нет (если «да», то для чего)?

После того как были даны эти предварительные ответы, аспирантам было предложено проанализировать корейскую и российскую газету за один день от начала до конца. Затем их просили ответить еще раз на те же самые вопросы. Результаты удивили самих участников эксперимента: ответы до и после анализа газет были разными, некоторые учащиеся даже изменили своё мнение на противоположное.

До анализа конкретных газет многие учащиеся заявляли, что в корейских СМИ преобладает негативная информация, а после анализа они признали свою точку зрения ошибочной, так как она базировалась на общем впечатлении, а не на анализе конкретной газеты. Почему так случилось? Как выяснилось, причин несколько: 1) кризис, поразивший мир, коснулся и Кореи, повлияв в целом на эмоциональный климат в стране, ухудшив настроение людей, 2) корейская экономика переживает в настоящее время не лучшие времена, поэтому информации о её состоянии в СМИ стало больше, чем было в докризисные времена, 3) внимание простых людей в момент кризиса приковано к экономическим проблемам, люди стали больше говорить об экономике друг с другом, поэтому участникам эксперимента *казалось*, что в СМИ больше негативной информации, 4) негативная информация, как правило, оставляет более глубокий след в душе человека, чем позитивная (что известно из психологии).

Многие студенты признались, что любая негативная информация производит на них слишком «серьёзное» (читай: удручающее) впечатление. Основной контингент корейских читателей газет, по мнению учащихся, составляют «взрослые» (в терминологии учащихся), т.е. люди среднего и старшего поколения. Однако аспиранты особо выделили «дорожные газеты» («Metro», «Focus»), которые раздаются в метро бесплатно. По их мнению, они полезны, т.к. освещают важные события в Корее и в мире, в том числе дают много информации о спорте. «Я обычно не читаю газеты, но дорожные газеты читаю: в них мне нравится короткое и важное содержание, к тому же эти газеты бесплатные»¹, – говорит аспирант 이호준 / Ли Хо-Чжун.

¹ В цитатах из сочинений и высказываний учащихся нами сохранен стиль оригинала.

В целом современная молодёжь предпочитает получать информацию не из газет, а из Интернета или из информационных программ телевидения («Новости» и т.п.), мотивируя это тем, что можно бесплатно (не покупая каждый день газету) найти любую информацию. Кроме того, участники эксперимента признали, что молодёжь не любит читать газеты, так как не очень хорошо понимает их содержание¹.

При анализе же российской прессы корейские учащиеся обратили внимание на первые полосы некоторых российских газет. Вот, например, первая полоса газеты «Время» (за 31.07.2009): названия статей, помещённых на ней (начиная с верха страницы в порядке следования) говорят сами за себя: «Всё дойдёт до абсурда», «Не стрелять!», «Приз для проигравшего», «Растёт число заболевших свинным гриппом», «Взрыв на курорте», «Двойной теракт в Ираке», «Молдавский пат (выборы президента республики опять под вопросом)», «(Кризис). Бес денег», «Несогласным аннулируют лицензию». Только два материала на той же странице можно назвать окрашенными позитивно («Путин поздравил президента Ингушетии», «КПРФ первой зарегистрировала список кандидатов в Мосгордуму»)² и один нейтрально-информативным («Ночной вердикт: Большую часть обвинений по делу бывшего руководства ФФОМС присяжные признали недоказанными»).

Действительно, многое познаётся в сравнении: после внимательного, аналитического просмотра российских газет учащиеся на конкретных фактах убедились, что по сравнению с российскими газетами корейские печатные СМИ более позитивны по настрою, они щадят читателя, ограждают от избытка негатива.

Аспиранты, которые участвовали в эксперименте, специализируются на россиеведении и регулярно знакомятся с российской прессой. У них вызвал недоумение такой факт: все российские СМИ и федеральные телевизионные каналы слишком много внимания уделили похоронам одного влиятельного представителя уголовного мира (осень 2009). Однако если ещё возможно объяснить студентам значение выражения «вор в законе» (одним из учащихся было высказано предположение, что это человек, которого охраняет закон), то объяснить, почему этому уделено

¹ Интернет, действительно, оказывает всё большее влияние на молодёжь: «клиповое сознание» становится проблемой поколения, выросшего на компьютерах.

² Иллюстрации к этим сообщениям – фотографии людей с серьёзным, деловым выражением лица.

такое внимание, оказалось делом не из лёгких. Пришлось прибегнуть к палочке-выручалочке – к народной мудрости, концентрирующей в себе особенности русского менталитета («О мёртвых или хорошо, или – ничего», «От сумы и от тюрьмы не зарекайся»). Преподавателям, работающим в корейской аудитории, должны быть известны трудности, связанные с отсутствием хорошего двуязычного словаря¹, поэтому комментарий преподавателя в этих обстоятельствах приобретает особое значение. Педагог из России зачастую является последней инстанцией, к которой вынужден обратиться студент. В связи с обсуждением этой темы учащиеся сами обратили внимание на то, что в русском языке происходят изменения в значении и употреблении слов «авторитет» и «герой». Действительно, это слово («авторитет») всё чаще используется не по отношению к достойным людям, вызывающим уважение и доверие, а в сочетании с прилагательным «криминальный». Учащиеся видят в этом тенденцию к героизации криминального мира. По признанию аспирантов, «конечно, в корейских СМИ тоже есть темы криминала, но не в таком количестве, и не на первых полосах газет». В целом корейские учащиеся склоняются к мысли, что в российских СМИ почти нет «хорошей» информации, складывается впечатление, что всё плохо.

Наиболее важной частью нашего эксперимента было обсуждение того, какие нравственные нормы реализуются в корейских и российских СМИ.

Применительно к корейским СМИ обсуждался вопрос, нравственно ли помещать на одной странице информацию о кончине президента страны и рекламу чеснока, а применительно к российским СМИ – вопросы совсем другого рода: допустима ли романтизация преступного мира. К каким выводам мы пришли после работы с данной темой в корейской аудитории?

У корейской молодёжи есть такие представления, которые изменить довольно легко, стоит только обратить внимание на факты. Это было продемонстрировано в ходе эксперимента: после анализа конкретных фактов у большинства учащихся изменилось представление об общем настрое корейской газеты. Однако есть устойчивая часть сознания, которая не поддаётся измене-

¹ Это связано с объективными причинами: дипломатические отношения между РФ и РК заключены сравнительно недавно, и большинство корейских русистов (в том числе составители словарей) проходили обучение в США или Германии.

нию: это то, что относится к национальным стереотипам. Например, публикация на одной странице (подряд, одно за другим) сообщения о кончине президента страны и рекламы чеснока. На уроке они внимательно выслушали слова преподавателя о том, что в русской культуре это было бы недопустимо и невозможно ни при каких обстоятельствах, так как это знак неуважения, который не может быть оправдан никакими аргументами. Тем не менее, некоторые аспиранты остались при своём мнении, пытаясь найти оправдание этому факту: «Я согласна с профессором. Но мне кажется, они [сотрудники газеты] сделали так не умышленно. Я думаю, они только хотели выразить соболезнование» (이주희 / Ли Чжу-Хи). А некоторые студенты полагают, что «это и есть выражение соболезнования газеты и известной торговой фирмы президенту» (Кан Бу-Гюн / 강부균). Учащиеся пояснили, что «в этом проявляется *уважение* газеты президенту». У многих представителей корейской культуры, если смотреть с позиции русского менталитета, несколько другие представления о том, «что такое хорошо и что такое плохо»: они *не* видят факта аморальности в соседстве рекламы и трагического сообщения¹, пытаются защитить позицию газеты, ссылаясь на то, что «у газеты были хорошие намерения». Более практично настроенные студенты считают, что «газете надо думать о том, как выжить, газета просто хотела выразить соболезнование» (장한별 / Чан Хан-Бёлль), или: «Газетное издательство – это коммерческое предприятие, поэтому это понятная ситуация. Конечно, выглядит как неуважение, может быть. Это один из безобразных аспектов современного капитализма» (서유림 / Со Ю-Рим).

Интересно отметить следующий факт: более близки к русской позиции («совмещение информации об усопшем и рекламы недопустимо и безнравственно») оказались студенты, исповедующие христианство², их мнение более чётко и однозначно («я считаю, что это значит неуважение к бывшему президенту, и соболезнование неискреннее» – 이향림 / Ли Хян-Ним), хотя в целом это не связано с вероисповеданием учащихся. В целом же коли-

¹ Цветовое и графическое решение рекламы также неприемлемо с позиций русской культуры: два ярких счастливых улыбающихся человека, в руках которых аппетитный чеснок. И это на фоне печальных строк над ними.

² На менталитет влияет религия, которую исповедует учащийся. Корея – многоконфессиональная страна, но если человек исповедует христианство, то понять русскую культуру, русскую точку зрения ему значительно легче.

чество тех, кто считает, что это неэтично, в разы меньше, чем тех, кто не видит в этом ничего особенного. Многие учащиеся после обсуждения этой темы в группе и объяснения преподавателя (о несовместимости *соболезнования* и *рекламы*, так как конечной целью рекламы является стимуляция интереса покупателя к товару, а проще – стремление фирмы к прибыли) изменили своё мнение в сторону осуждения факта публикации соболезнования в соседстве с рекламой чеснока. Вот некоторые мнения: «Проявление искреннего соболезнования в рекламе неуместно и неуклюже» (Кан Бу-Гюн / 강부균, до объяснения публикацию оправдывала), «Недопустима ситуация, когда реклама помещена в газете на одной странице рядом с соболезнованием, это злоупотребление чувством соболезнования других людей» (박유석 / Пак Ю-Сог), «Газета заинтересована в прибыли, поэтому им важно продать много и получить доход от рекламы. Но я считаю, что газета должна быть ответственной и нравственной, поэтому мне не понравилось, что в газете рядом на одной странице Ким Де-Чжун и реклама. Это неуважение к бывшему президенту страны, а также к читателям газеты: он много сделал в своей жизни для мира и для объединения страны» (신형곤 / Шин Хён-Гон). Было и такое мнение, что «реклама чеснока вместе с соболезнованием – это оскорбление семьи президента» (윤영민 / Юн Ён-Мин).

Интересно, что по поводу российской прессы (например, большое количество публикаций об уголовном мире, причём на первых полосах) также наблюдался разброс мнений. Был и такой взгляд, что любая информация о криминальной жизни общества полезна, так как «информировать о мафии очень важно для людей, потому что мафия – это опасно и если вы не сообщите о мафии, люди могут забыть о ней» (이주 희 / Ли Чжу-Хи). Мнение аспирантки 이향림 / Ли Хян-Ним: «Конечно, неприятно видеть информацию об уголовнике на первых полосах газет. Это большой стресс для русских, мне даже страшно читать»; аспирант 박유석 / Пак Ю-Сог: «Если на первых полосах российских газет говорится об уголовнике, это пикантно для русских, но иностранцы могут считать, что в России очень распространён криминал». Учащаяся 서유림 / Со Ю-Рим: «У россиян серьёзный характер, поэтому они часто думают о тяжёлом положении, так как для них это важно»; 신형곤 / Шин Хён-Гон: «Почему российские СМИ так поступили? Это показатель атмосферы, царящей в обществе»; Кан Бу-Гюн / 강부균: «Газеты отражают атмосферу общества. Я думаю, в Рос-

сии эмоциональная отрицательная атмосфера – преобладающая»; 신형곤 / Щин Хён-Гон: «Я негативно отношусь к тому, что на первых полосах российских газет была информация об уголовнике, потому что читатели этих газет могут разочароваться в своей стране, своём городе, своём обществе и в своей жизни. Хотя газеты заинтересованы в прибыли, с точки зрения общественной морали газета должна быть ответственной. Мне не нравится, что в газетах помещена информация, которая возбуждает людей, только чтобы привлечь их внимание. Газета должна давать людям полезную информацию и нейтральный анализ общества. Мне грустно, что газеты в России помещают на первой странице такие новости. Если газета уважает читателей, то она должна помещать интересную информацию, полезную, на первой странице».

При всех отмеченных культурных различиях, которые отражаются в газетах России и Кореи, русский и корейский менталитеты имеют много общего. Это общее проявляется в том, что в обеих культурах (в русской культуре начиная с Пушкина и Гоголя) провозглашается, что человек – высшая ценность. Интересно, что у корейских учащихся одно из любимых произведений в курсе русской литературы – «Шинель» Н.В. Гоголя. Мысль о несправедливости по отношению к бедному человеку глубоко созвучна корейцам: они не забыли трудные времена своей истории и унижения народа. Анализируя это произведение, студенты подчёркивают, что «жизнь Акакия Акакиевича Башмачкина бедна и искажена социальной системой и бюрократическим аппаратом», что «Акакий Акакиевич доказывал, что он имеет право на справедливое к себе отношение» (김보미 / Ким Бо-Ми). В русской культуре декларируется – и это всегда было её сильной стороной – гуманизм, внимание к «маленькому» человеку. Это очень созвучно корейской культуре. Хотя корейское общество социально неоднородно, оно проявляет заботу о простом человеке, на практике делая многое для того, чтобы «маленькому человеку» жилось лучше.

Острых тем в повседневной работе, особенно с будущими специалистами по России, преподавателю РКИ не избежать. По своей инициативе поднимать острые вопросы, прямо не касающиеся предмета, может быть, не следует, но надо быть готовыми к ответу, если эти вопросы подняли сами учащиеся. Обход острых тем воспринимается как слабость, как отсутствие нравственной позиции. В то же время преподаватель не должен выступать

в качестве судьи. Он должен стремиться дать квалифицированный ответ, по возможности подкреплённый историко-научной аргументацией¹. В нашем случае задачей преподавателя было научить правильно понимать не только российские, но и корейские газеты, путём их сравнения и культурно-исторического анализа. В опоре на такой анализ конкретные факты могут получить правильную оценку, без смещения акцентов (что якобы «реклама важнее президента» для корейцев, что якобы криминал – «это главное в жизни русских»). Нельзя видеть в соседстве рекламы чеснока с трагическими строками о главе государства только знак неуважения к президенту, тут есть и другой посыл. Он заключается в том, что даже смерть президента не должна ввергать граждан в уныние, выбивая их из привычного рабочего ритма, так как жизнь продолжается. Тут есть и уважение к рядовым читателям (смерть президента не должна «парализовать» граждан, затмив всё и вся, погрузив всю страну в траур). Кроме того, чеснок полезен для здоровья, так что и с этой точки зрения это проявление заботы о нации (может быть и такая интерпретация), а то, что эта информация помещена рядом с информацией о президенте, может быть, содержит предположение, что президент не возражал бы против этого. С другой стороны, говоря о России, нельзя делать вульгарные обобщения, что смерть уголовника находится в центре интересов всего народа² и т.п. Применительно к нашей теме следует объяснить учащимся, что Россия сейчас находится в переходном периоде: формируется молодая демократия, свобода слова, и, естественно, есть издержки этого процесса – вседозволенность вместо продуманности и взвешенности, отсутствие в СМИ разумного контроля и самоцензуры. Нужно довести до сознания учащихся мысль о том, что должно пройти время, чтобы всё устоялось, чтобы страна смогла накопить силы для дальнейшего развития. Учащимся следует напоминать русскую историю, которая показывает, что Россия способна с достоинством выйти из трудных положений: можно привести в пример и период монголо-татарского нашествия, и войну с Наполеоном, и Великую Отечественную войну, и постепенное возрождение страны после распада СССР и другие факты.

¹ Желательно с опорой на признанные авторитеты в данной области.

² Многие россияне (большинство) очень далеки от этой проблематики и именно из СМИ впервые узнали об этом событии.

К изучению чужой культуры следует подходить с позиций благожелательности и без предвзятости, обращая внимание прежде всего на то хорошее, что есть в каждой культуре, потому что именно оно создаёт уникальность и самобытность, выделяющие данную культуру из ряда других. Только благожелательный взгляд поможет увидеть суть происходящих в ней процессов глубже.

Диалог культур не предполагает оценки корейского или русского менталитета как «правильного» или «неправильного». Каждый из них является специфическим, и его нужно знать. Лобовое и оценочное сопоставление может только углубить взаимное недопонимание («эти странные» русские, «эти странные» корейцы) и недоверие. Ценности любой культуры относительно и работают в определённой системе координат.

Литература

А.В. Буробин, Л.Н. Ольхова «Слово не воробей». Пособие по русской фразеологии для иностранных учащихся». М., 2004.

Клушина Н.И. Язык публицистики: константы и переменные //Русская речь. 2004. №3. С.51-54.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – СПб, 1999.

Муравьева Н.В. В свободном полете воображения: О «хороших» и «плохих» сравнениях и метафорах // Русская речь. 2002. №3. С.57 – 61.

Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: проблемы. Тенденции развития // Вопросы языкознания. 2001. №1. С.98 – 132.

Николаева А.В. Когда не все средства хороши // Русская речь. 2001. №3. С.46 – 49.

Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Учебное пособие. Часть II, 2004.

Текущая российская и корейская периодика:

Газета «Время», 31.07.2009.

Газета«Focus» (ежедневная)

Газета “Metro” (ежедневная)

«매일경제» / «Ежедневная экономическая газета» (19. 08.2009).

«Экономика по дням» / «매일경제»(19. 08. 2009, среда, с.17).

Ежедневная газета «Культура» / «문화일보» (4. 09. 2009, пятница).

Ежедневная газета «Корея» / «한국일보» (4. 09. 2009, пятница).

Ежедневная газета «Тенденция» / «경향신문» (4. 09. 2009, пятница).

«Один народ» / «한겨레» (4.. 09. 2009, пятница).

Ежедневная газета «Центр» / «중앙일보» (4. 09. 2009, пятница).

**НЕСКАЗКИ ГОРОДОВ:
ПЕТЕРБУРГ ГОГОЛЯ И КОПЕНГАГЕН АНДЕРСЕНА**

Прежде всего, необходимо пояснить появление именно такой темы моей статьи. Сначала все было довольно прагматично: со студентами из Дании, приехавшими изучать русский язык в МГУ, мы читали произведения Н.В. Гоголя, в частности «Шинель» и «Невский проспект». Несомненно, трудно читать иностранцу (тем более как-то интерпретируя для себя) тексты такой плотности и сложности, не ассоциируя пространство текста с чем-либо знакомым, близким, – то есть в термине «фрейм», – не обладая «презумпцией» текста – узнаванием по умолчанию. Попытка сравнить два образа двух городов – Петербурга и Копенгагена – закончилась неудачей – единодушное мнение студентов-датчан: «Конечно, ничего общего!». В глазах современных датчан и туристов Копенгаген такой несколько «пряничный», безмятежный город, провинция Европы. Страсти человеческие если и бушуют, то там, за фасадом домов на бульваре Андерсена. Но похож ли Копенгаген на Петербург Гоголя, каким он был почти 200 лет назад? Ответ: «Это близко». «Близко – это где?» – «А это у Андерсена». Первый момент.

Момент второй – датская литература XIX века – образ большого города. Здесь несколько слов о литературе Дании 1-ой половины позапрошлого столетия – это торжество романтизма, просуществовавшего в Дании намного дольше, чем в России и в других европейских странах. Это можно объяснить и относительно поздним переходом Дании к буржуазным отношениям, мирным характером этого перехода и патриотическими настроениями в периоды нескольких войн с Пруссией. Вообще, есть мнение, что сущность датской культуры основывается на отношении датчан к их природному окружению. Литература – это скорее способ отбросить современный мир, нежели попытка понять его. В датской прозе персонажи культивируют в себе почти мазохистское чувство собственной ничтожности и ужаса перед силами природы, полностью определяющими линию человеческой жизни. Город, особенно большой, – это такая же непреодолимая, инфернальная сила. Датская литература наполнена сюже-

тами, в которых герои борются с чувством изолированности, одиночества и безысходности. Вместе с тем, для романтической традиции датской литературы характерны скрупулезная точность в описании повседневного быта и нравов, подчеркнуто критическое отношение к социальному устройству общества. Надо отметить, что если романтизм как направление существует на протяжении долгого времени, то его жанры меняются. Вместо поэтической формы появляются прозаические жанры: роман, новелла. Уходит жанр фантастической сказки, ее вытесняет сказка бытовая, насыщенная реалистическими деталями, адресованная не столько детям, сколько взрослому читателю. Появляется новый жанр – «истории», хотя романтический пафос и поэтичность и здесь сохраняются.

Третий момент. Поразительная схожесть дорог судеб и психологических портретов Н.В. Гоголя и Г.-Х. Андерсена. Здесь есть некая аберрация сознания. Если Андерсен – типичный представитель романтизма, сказочник (это скорее вопрос психологии, проявление нервного склада характера), то Гоголь реалист, фантастический реалист. Но фантастика разве не сказка, порой жесткая и жестокая. И Гоголь, и Андерсен приехали из провинции в столицы, встретившие их неприветливо и холодно. Оба голодали. Пытались стать актерами. В детстве, опекаемые матерями, впитали в себя религиозные чувства (но с периодами отрицания). Писали трогательные письма матерям, но редко встречались с ними. Разница в возрасте – 4 года. Гоголь родился 1-го, Андерсен – 2-го апреля. Очень похожи внешне – длинные носы, неуклюжие, большие руки и ноги, оба нелюдимы, обидчивы, но с большим честолюбием. Театр – любили очень, писали пьесы. Гоголь с ранних лет, как и Андерсен, усвоил сцены кукольного театра, что были в их домах.

Приезды Андерсена в Копенгаген и Гоголя в Петербург похожи светлыми, романтическими настроениями. Андерсен считал, что это его второй день рождения: «Если бы перед ним открылся город с домами из мрамора и дворцами из цветного стекла, он бы не удивился», – писал Андерсен в автобиографическом романе «Всега лишь скрипач», но увидел он не то, что ожидал. Гоголь в письме к матери из Нежина в 1827 году: «Ежели об чем я теперь думаю, так это все о будущей жизни моей. Во сне и наяву мне грезится Петербург». И вот теперь после приезда – «Я бы хотел никогда не видеть это место, я бы желал, чтоб всемогу-

ший Господь никогда не позволил больше подобному мне родиться здесь, моли за меня Господа, чтоб послал мне быструю смерть и я никогда больше не видел бы места, где меня заставляют страдать, где я чужой больше, чем на чужбине» – из письма Андерсена. Письмо Гоголя матери: «на Петербурге же нет никакого характера. Все служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, все подавлено, все погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их».

Издав за свой счет в столицах первые романтические книги, – Гоголь – «Ганса Кюхельгартена», а Андерсен – «Разбойников из Виссенберга», оба сжигают тираж.

Уезжают за границу. Гоголю – 20, Андерсену 26 лет. Видели ли Гоголь с корабля датский берег, о чем он пишет матери? Кто знает... Жизнь за границей изменила их. Дорога – лучшая школа для писателя, тем более дорога-сказка. Любимое место наших героев – Италия, Рим. Но иностранные языки знали плохо. Зачем говорить, если хорошо видишь и помнишь сердцем. Кстати, здесь есть одна любопытная деталь – в 1835-ом году вышел роман «Импровизатор», который был сразу переведен на немецкий язык. Видимо, Пушкин читал его и обсуждал с Гоголем. В Риме Гоголь скорее всего читал этот роман, который был очень популярен среди русских художников. В 1837 году Гоголь переехал на улицу Феличе, на которой родился герой романа Андерсена. На фоне «Импровизатора» видны особенности гоголевского отрывка «Рим» 1842-го года. Гоголь описывает те же события, места, не туристические, а знакомые только местным жителям. Тогда же Гоголь заявил повесть «Аннунциата», которую так и не написал. Название этого проекта совпадает с именем главной героини «Аннунциаты».

Наверное, можно сказать, что Гоголь и Андерсен – два близнеца. Те же фобии, похожая нервная организация. Андерсен боялся ограбления, сумасшествия, смерти, погребения заживо – у постели всегда клал записку «на самом деле я не умер». Был страшно мнительным по части своей наружности – ему казалось, что над ним смеются. Над ним и смеялись. Андерсен умер девственником, хотя всю жизни желал совершить грех и мучился страхом греха.

Как и Гоголь, влюблялся, хотел добропорядочно жениться, но женщин пугал, его любовные письма настолько пылки, что

просто безумны. Отношение и Гоголя и Андерсена к женщине довольно жестоко. «Палач отрубил ей ноги с красными башмачками – пляшущие ножки понеслись по полю и скрылись в чаще леса» («Красные башмачки»).

«Посреди комнаты стоял открытый гроб, в нем покоилась женщина цветущих лет». У Гоголя и Андерсена живое умирает, потому что лучше, а неживое оживает. Мертвый предмет надежнее, чем живой человек – «Большой Клаус побежал домой, взял топор и убил свою старую бабушку, положил ее в тележку, приехал с ней в город к аптекарю и предложил ему купить мертвого человека». Ситуации у обоих писателей абсурдны, люди карикатурны, но и то и другое очень убедительно.

Гоголь и Андерсен настолько умели войти в образ, что это отражалось на их психическом состоянии. Оба постоянно молились. Гоголь – в письме к матери: «Невыразимая тоска врезывается в сердце». Андерсен – матери: «Я несчастный душевнобольной».

Оба искали богатых и высокопоставленных покровителей – и находили их. Врачи лечили их неправильно. Оба много думали о смерти, умерли утром. «До тех пор, пока человек не сроднится с мыслью о смерти, он никогда не станет жить так, как следует» – из письма Гоголя к матери. Накануне смерти Гоголь видел лестницу и просил: «Лестницу, поскорее давай лестницу». А Андерсену казалось, что из его мертвого тела вырастают цветы.

Как уже отмечено выше, отношение к городу у писателей менялось: от восторженно-романтического до пессимистического неприятия. «Боже мой! Стук, гром, блеск, по обеим сторонам громоздятся четырехэтажные стены, стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон. Дома росли и будто подымались из земли на каждом шагу: мосты дрожали, кареты летали, извозчики, форейторы кричали, снег свистел под тысячью летящих со всех сторон саней...» – Гоголь «Ночь перед Рождеством». Андерсен: «По узким улочкам с шумом катили кареты и экипажи, люди шумели и кричали, мужчины и женщины, разодетые как господа, проходили мимо друг друга, не здороваясь. Город точно ли это, казалось, все жители вышли на улицу и принялись голосить. Шум и грохот были такими, что закладывало уши». Гоголь: «Что за лестница! Жаль ногами топтать. Экие украшения... Что за перила!». Андерсен: «Они остановились перед освещенным подъездом. Широкая лестница с коврами, цветы,

гремела музыка. У подъезда стоял швейцар, в шелке и бархате с большой серебряною булавой в руках». («Сон»).

Пока город еще не убивает людей. Город звучит, пахнет, светит, пусть экзотически, необычно, но вполне дружелюбно. Андерсен: «...точно сотни звезды там мерцали огни, слышалась музыка, шум экипажей, говор людей, виднелись колокольни и шпили, звонили колокола». («Русалочка»). Необходимо отметить важную функцию света, городских фонарей, светящихся витрин и окон. Северные города трудно представить без искусственного света, там где «...все мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно» – Гоголь, («Невский проспект»). «Боже мой, какой свет, у нас днем не бывает так светло» – восклицает гоголевский кузнец Вакула. Андерсен: «На площади появились большие белые сани, в них сидел человек, укутанный в пушистую белую меховую шубу... Сани два раза объехали площадь. Снег вдруг повалил густыми хлопьями, стало темно... Снег валил, сани все мчались, ныряя в сугробы, перескакивая через изгороди и канавы». («Снежная королева»).

Надо сказать, что сейчас и Гоголь, и Андерсен очень динамичны в описаниях, человек двигается в системе координат города, а не город вокруг человека. Город удивителен и странен, он фантастичен, но не фантазмагоричен. Динамика движения четкая, последовательная, реалистическая. Можно сказать, реалистично-кинематографическая. Город хотя и противоречив, но един. В «Невском проспекте» некая фантастичность реального – груда домов, людей, колясок, вывесок, вещей, платьев, носов, лакеев – и все это в сумерках, во мгле, в тумане. «Все обман, все мечта, все не то, чем кажется» («Невский проспект»).

«Шел снег, сумерки сгущались. Девочка потеряла туфли, когда бросилась бежать, испугавшись двух карет, мчавшихся во весь опор. Зажгла спички – и открылся другой город – где веет теплым ветром». – Андерсен («Девочка со спичками»). Но перспектива города не нарушена. Город пока реален. Но вот у Андерсена и Гоголя вещи начинают оживать, и город тоже оживает, превращаясь в «Шинели» и «Мертвых душах» и в «Сне» и в «Капле воды» у Андерсена в монстра-призрака. Он пожирает людей: «И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное...». Обезличенность и обыденность судьбы человека в городе. Призрачность Петербурга – это уже не немецкая романтическая отрешенность от действительности – это несоответствие внутреннего и внешнего – в этом и есть химерическая смертельная сила города.

Андерсен: «Перед ним был целый город, кишевший людьми. Все они бегали нагишом. Ужас что такое! А еще ужаснее было то, что они немилосердно толкали, кусали, щипались и рвали друг друга в клочья! Кто был внизу – выбивался наверх, кто был наверху – падал вниз. Смотрят – сидит кто-нибудь себе тихо, смиренно, никого не трогает, лишь бы его не трогали, так нет, давай его тормошить, пока от него не останется и следа. Что это? Можешь угадать? Тут и угадывать нечего! Это Копенгаген. Это большой город», («Капля воды»). Город мрачнеет, в нем открывается infernalная сторона: «Фонари стали мелькать реже, пошли деревянные заборы, дома, нигде ни души, сверкал только один снег по улицам, да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки» («Шинель»).

«Ну и грязница. Просто ужас, – пробормотал советник. И к тому же ни один фонарь не горит. Моста, ведущего к Дворцовой площади, на месте не оказалось, бедный советник едва разглядел в кромешной тьме какую-то речонку и в конце концов заметил лодку, в которой сидело двое парней». («Калоши счастья»). Самый невероятный Петербург Гоголь изобразил в «Мертвых душах». Это абсолютно нереальный, дьявольский город. Здесь мосты висят в воздухе, не касаясь земли, а гардины кусаются. «Сказочная Шехерезада», как говорит почтмейстер. Андерсен: «Они очутились в большом городе. На стенах домов начертано было огненными буквами “высокомерие”, “скупость”, “пьянство”, “сладострастие”. Так я и думал, так я и знал, вот где обитают обреченные вечно гореть в огне. Они понеслись дальше и очутились в желтой каморке с голыми стенами» («Сон»).

Город огромен, а человек мал. Город равнодушен и чаще зол, и человек равнодушен, а по большому счету, ничтожен. Но из города не убежать, так как город Гоголя и Андерсена внутри нас.

**О СОДЕРЖАНИИ КУРСА «ИСТОРИЯ РОССИИ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И КИНО»:
МНЕНИЕ ИСТОРИКА**

Когда преподаватель РКИ готовит занятия на тему «История России в произведениях русской литературы и кино», то ему не обойтись без консультаций профессиональных историков. Выходя на иностранную аудиторию, важно знать, какие факты истории, отраженные в литературе и кино, считаются самими историками точными, а что показано тенденциозно. Настоящая статья представляет собой запись беседы на эту тему с выдающимся педагогом МГУ, историком, ведущим научным сотрудником кафедры новой и новейшей истории, членом КПСС (КПРФ), В.И. Тереховым (1952-2010). В статье сохранен стиль живой непринужденной беседы, неформального обмена мнениями.

– Глубокоуважаемый Виктор Иванович, какие вы можете назвать публицистические и художественные произведения, где история России представлена наименее тенденциозно, наиболее доказательно?

– Я бы советовал читать А.П. Паршева («Почему Россия не Америка»), С.Г. Кара-Мурзу («Матрица «Россия»»), труды об истории Руси и России В. Кожина. Не искажается историческая правда и у классиков русской и советской литературы – это, конечно, А. Радищев, А.Пушкин, Л.Толстой, М. Шолохов («Тихий Дон» местами документален, благодаря ему в гражданской войне нет белых пятен), А. Веселый («Россия, кровью умытая», рассказы), В. Маяковский («Хорошо!»), В. Вишневский («Оптимистическая трагедия»), А. Толстой («Хождение по мукам»), А. Серафимович («Железный поток»), А. Фадеев («Разгром») и другие. При подготовке этой темы надо обязательно познакомиться и с такими книгами: В.Ключевский «Онегин и его предки», Н. Данилевский «Россия и Европа», В. Шульгин «Годы. Дни. 1920.». Полезно прочитать «Очерки русской смуты» А. Деникина – лучшие белые мемуары. Вот такой минимум я бы предложил.

– **Что Вы думаете как историк о якобы русской обломовщине и пугачевщине?**

– С тем, что русские – *обломовы*, категорически не согласен. Если русские – *обломовы*, то кто построил Транссиб за 10 лет? Другие факты. При Иване Грозном русские боролись, чтобы отстоять свою землю от набегов Казани и Крыма, платили дань в виде подарков до XIX века, а потом казаки пошли от Волги и дошли до верхней Калифорнии, и этим можно гордиться! Если *Штольц у И. Гончарова* – такой сгусток энергии, то почему немцы не вышли к Тихому океану, а мы вышли? Мне кажется, что русские должны научиться ценить свои заслуги. Недавно было 300-летие Полтавской битвы, я считаю, что слишком скромно отметили. Было 70-летие событий на Халхин-Голе, там советские войска нанесли первое поражение японцам. Тоже надо было достойно отметить! Можно, безусловно, гордиться периодом правления Александра III Миротворца, больше писать об этом.

Теперь о *пугачевщине*, о русском бунте. Беспощадный? Да. Но далеко не бессмысленный. Трудно иностранцам понять нашу историю правильно, потому что каждая вещь устроена по-своему. Правящие классы России считали, что «черни» не жалко, поэтому можно устраивать любые затеи – построить, например, на костях Петербург («*Медный всадник*»). Тогда другие – крестьяне – решали для себя: значит, и усадьбу можно сжечь. Вот к чему приводит противостояние культур как образа жизни, оно чревато социальными столкновениями. Ведь почему была уничтожена дворянская культура? Чтобы это понять, надо знать, что архаичная русская монархия «напращивалась» на уничтожение, а ее консервировали, причем любой ценой. Если взять разрыв между передовыми странами Европы и США, с одной стороны, и Россией – с другой, в 1861 году и к 1914 году, то, конечно, в России был рост. Но разрыв-то вырос. А стране нужен был рывок на преодоление отсталости – промышленной, экономической, культурной. Поэты Серебряного века – это хорошо, но в России было 330 грамотных призывников на тысячу (в немецкой армии – 998), это же непреложная цифра! Царская армия показала себя позорно в войне (для сравнения: Советская Красная Армия через 2,5 года Отечественной войны уже на Днепре была.) В сельском хозяйстве проедали то, что производили, и еще были вынуждены платить налоги. Многие рыбу ели по праздникам, а мясо крестьянские парни пробовали только в армии. Кроме того, был разрыв между зажиточ-

ными и бедными. Вот почему в 1905-1917 гг. и произошла настоящая социальная Хиросима, осложненная мировой войной. Рухнуло все, что можно. Вылезли взаимная ненависть низов и верхов. Мужик ел солому с крыши, и барина «любил» с его тонкими чувствами. Этот мужик дворянскую культуру и растоптал. За что? За то, что под его красивыми липами, в его соловьиных рощах пороли девок и тыкали неграмотных своей образованностью. Во время революции выплеснулась ярость, слепая злоба и откровенная мерзость. У всех на руках было оружие, на тачанках – бачки, с самолетов уже организованные соседи охотятся... Моральный уровень такой: были герои и фанатики. Был и оскотилившийся обыватель – его потом неплохо показывают *М. Зощенко, И.Ильф и Е.Петров, М.Булгаков (памфлеты)*. Помоему, любая революция – это знак, что общество не благополучно. Нормальное государство конфликты отслеживает и давит их в зародыше. Кто виноват в социальной катастрофе, в революции? Громадная, непростительная вина господствующего класса.

– **В своей работе мы сталкиваемся с тем, что иностранцы многого о нас не знают, но зато знают произведения А. Солженицына. Насколько его книги правдивы исторически, строго фактически? И в связи с этим второе: чем вызван громадный интерес к личности Сталина? Это возрождение культа личности?**

– Не культа, а интереса к личности человека, который мог обеспечить порядок, справедливость и развитие страны в свое непростое время. Как политический лидер он был очень эффективен, это был человек на своем месте. Хотя с 1956 года о нем только плохое говорили, его имя выбрали в интернет-опросе «Имя России», и это о чем-то говорит. Конечно, в 1937-38 году был резкий взлет репрессий. Всего пострадало 700 000 человек, получается по 1 000 в день. Но это не десятки миллионов, как пишет *А. Солженицын*. Если бы это было так, то давно бы составили точный список пострадавших, ведь времени прошло достаточно. Важно то, что в то трудное время были хотя суровые, но какие-то законы, а не беззаконие и беспредел. Вспомните: Шарапов был голодный, жил по карточкам, а у «малины» на столе было все. Так как время было суперголодное, 7 августа 1931 года вышел указ: тот, кто крадет государственную социалистическую собственность – политический преступник (минимум – 10 лет). В конкретных условиях того времени нельзя было действо-

вать иными методами. О том времени иносказательно повествует **М.Булгаков** в «**Мастере и Маргарите**». «Я зло, творящее добро!» – вот что это такое было. А слухи, что «человек рассказал анекдот и его куда-то забрали» – только страшилки. Да! Был острейший приступ классовой борьбы. Рецидив. Но это был уже самый последний вздох гражданской войны. Свирепый совершенно. Связанный с тем, что в руководстве шла борьба. И целые слои в руководстве вылетали напрочь. Некоторые люди стали лишними: они умели только орать на митингах, призывать крушить и все такое, а потом занять большие посты. Больше ничего не умели, но со своих постов уходить не желали. И за ними шли большие хвосты им подобных. А надо было строить свою страну со всем, что положено иметь *нормальной* стране. С промышленностью, с сельским хозяйством, образованием, здравоохранением, армией, наукой, культурой. Здесь – извините – крик и размахивание маузером мало помогают. А любителей хватало. Так что все совсем не просто. И знаете, здесь такой узел завязан... В этом узле столько нитей, ниточек или веревок.... Ужаснешься распутывать... Плюс личные симпатии и антипатии. Историю делают люди.

– **Многие иностранцы считают, что преобразования в России идут медленно. Выдвигают как причину лень русских.**

– Это мое личное мнение, но я считаю, что причина другая: русский этнос надорвался. На протяжении XX века он понес слишком много потерь. Нужно нам набирать силы для нового разбега пассионарности. Вообще русские могут и умеют работать. Но среди русских предпринимателей мало. В России были предприниматели, но бизнес в России делал дед – разбойник, отец становился торговцем, внук шел в университет: давал 50% на революцию, 50% пропивал и стрелялся. Крепкими предпринимателями были, пожалуй, выходцы из старообрядцев.

Еще одна причина: не все русские принимают новые установки. Наше сознание существует по пословице «Трудом праведным не поставишь палат каменных». Такое есть убеждение, что если человек имеет миллиард, это жулик. До сих пор, несмотря ни на что, у русских принято просить деньги в долг и давать в долг. И стесняются напомнить о долге, если не отдадут. По западным параметрам это совершенно ненормально. У нас до сих пор сильны (хотя затоптаны, оплеваны) традиции солидарности и взаимопомощи. Это можно объяснить исторически: без соборно-

сти в России с ее суровыми условиями (огромная территория, суровый климат) нельзя было выжить. При советской власти были созданы большие города, промышленность, но не по законам конкуренции: по-другому это было бы сделать невозможно. Россия очень долго жила самостоятельно, все необходимое производила для себя сама. Я думаю, и это только мое мнение, что коммерсализация России ведет к катастрофе. Попытки внедрить либеральные ценности «у кого больше денег, тот и прав», скатываются с русских, как с гуся вода, так как у нас в голове идея нестяжательства. По-моему, Россия провалилась в щель между традиционным, т.е. солидарным обществом, и между капитализмом, гражданским обществом, т.е. войной всех против всех... Читайте с учащимися *Паршева, Кара-Мурзу*. Там об этом убедительно написано. Эти книги сейчас изучают зарубежные наблюдатели.

– Что рекомендовать иностранным учащимся из нашей периодики?

– В 90-е годы было море газет. Либеральные – «Новый мир», «Знамя», почвенники – «Москва», откровенно почвенный, патристичный – «Наш современник». Они критически относились к информации. Был расцвет памфлетной литературы. «АиФ», «Огонек» имели бешеные тиражи. «Московские новости» взхлеб спорили по разным вопросам. Сейчас перестроечное море сходит на нет. Некоторые сменили лицо, некоторые закрыты. Произошло идеологическое размежевание. Те, кто читает одни газеты, не читает другие. Каждый ищет подтверждения своей точки зрения. И очень редко выясняют набор мнений: это делают только профессионалы. А простой человек не будет читать «Московский комсомолец» и «Советскую Россию» одновременно. Меньше стало мелких газет – после ряда процессов их закрыли «за экстремизм». Как известно, оппозиционная пресса перестала существовать: например, закрыты газеты Мухина «Дуэль» (подзаголовок «Газета для тех, кто любит думать») и «К барьеру». У «Нового мира» мизерные тиражи. «Московский комсомолец» перестал быть тем, чем был. «Известия» выступают против «Новой газеты». Есть оппозиционные органы печати: «Советская Россия». Эта газета с КПРФ, но и партию они критикуют за непоследовательность. Сейчас людям стала неинтересна печать. К тому же Интернет сильно ее вытесняет. Люди не подписываются на газеты и журналы, не ездят, не общаются. Поскольку СМИ финансируются определенными кругами, это может превратить Россию в типич-

ный «третий мир». Выжило очень мало толстых журналов. Кризис? Да. Но и разочарование. Хотели создать копию запада, но Россия не Европа. У нас одна нога в Европе, другая в Азии. Имеются свои традиции. Что-то хорошее в печати если и есть, то оно тонет в море откровенно плохой, низкопробной литературы. Кто-то хотел бы страну и культуру в этом утопить, но, как я вижу, не очень получается, к счастью. Сейчас я рекомендовал бы журнал «Наш современник». У них ярко выраженное лицо, нет государственных субсидий. Они продолжают традицию русских толстых журналов – проза, поэзия, публицистика.

– **Что вы думаете на тему «Страна и ее герои»?**

– Героями сейчас считают артистов, но 100 лет назад они кумирами не были. Это связано с тем, что тип общества сломался во многих странах, в Америке и России – в том числе. В современном западном обществе вообще нет героев – это мое мнение. В Америке кто герой после Второй мировой войны? Сильный пилот летающей крепости: на все готов ради страны, он творческий и моральный. А Россия сейчас представляет собой страну без героев. Но они у нас были. Например, *Иван Ситин* сделал миллионы книг для народа. Герой. Отсчитайте 35 лет от гражданской войны, и вы увидите мощную страну: уже обязательное неполное среднее образование. Отсчитайте 35 лет от войны – у нас спутник запустили. А сейчас кто герой? Я думаю, что наши настоящие герои – те, кто защищал Родину, воевал за Россию, отстаивал ее интересы. Те, кто Россию строил, инженеры, ученые, исследователи, те, кто победил эпидемии (было покончено с эпидемиями, резко снизилась детская смертность), ликвидировал неграмотность, строил, налаживал промышленность, поднимал сельское хозяйство. *Ю.Гагарин, С. Королев, М. Янгель* – они проектировали, думали, они создавали чудеса. Освоение космоса – тоже геройство. А у нас сейчас до того дошло, что спрашивают, зачем праздновать 12 апреля... Иногда говорят, что у нас и раньше были гении, они построили *Кижи*, но извините, на этом уровне в космос не полетишь. Был огромный слой учителей, которые были хорошо подготовлены, и они в нищенских условиях всех этих великих математиков и инженеров смогли подготовить. В СССР был атомный проект; думали, что не справимся с его осуществлением, но подготовили тысячи высококлассных специалистов. Полезные ископаемые были, а денег на то, чтобы их взять, не было. И тысячи геологов выполняли геологоразведоч-

ные программы. Еще Россия имеет право гордиться своими революционерами. Конечно, революция – это очень страшно, это национальная катастрофа, но нужно же было как-то эту несправедливость убрать! вспомните *«Братьев Карамазовых»*: еще шаг – и Алеша – террорист, я думаю. В наше время только спасатели и охотники за дикими животными сохраняют героические черты. Только в них можно видеть в той или иной степени героев. В свое время тоже пытались слепить общество без героев. Н.С. Хрущев – простой труженик, вот, мол, герой! Извините, не верится.

– **Достаточно часто иностранцы утверждают, что настоящая Россия – это эмиграция.**

– Если честно, я презираю эмиграцию. Всю. Но это мое субъективное мнение. Знаете, когда мы по ноздри в собственной крови воевали, много от вас пользы было, господа эмигранты? Когда стране было очень плохо, очень (!) плохо, где вы были? Зато потом: «Мы – Россия!»... Когда приезжают сюда, многие радуются, что убрали «эти проклятые красные флаги», а то, что производство падает, преступность растет – не принимают во внимание почему-то...

– **С точки зрения историка что такое «красный проект», которым пугали раньше своих граждан наши соперники?**

– Важно понимать, при каких условиях он появился. Представьте Россию, но уже после революции. Вся страна – куча обломков. И по этим обломкам все с оружием ходят. То ли люди, то ли звери. Как обезумевшие, как из пещеры. Уважение к закону – ноль. Страна захлебывается в венерических болезнях. Страшная преступность. Страшная наркомания. В аптеках продавался кокаин, и целыми улицами его нюхали. Трудовая этика упала до нуля: ведь «свобода» наступила для народа, как же! В Москве вечером после театра был забег на приз «Кто добежит в своей шубе домой». На Хитровку милиция даже не ездила. И вот – что делать-то? Вот с этим стали строить справедливое общество. Этих существ лупили, они огрызались. Но этот рев сложился в божественный хорал, взыскующий к высшей справедливости. Среди этого мусора стала произрастать новая раса, это было парадоксальное поколение. *А. Беляев («Звезда Кэц»)* писал: «зло было переплавлено в потенциал созидания». *И. Эренбург* в своих книгах хорошо показывает, в каких невыносимых условиях жили люди. Это поколение имело девиз: «Возможно все, что не проти-

воречит законам физики и химии». Была атмосфера жуткого рывка: все силы были ему отданы. Возникла та самая красная цивилизация. Атомные электростанции, гидроэлектростанции, ледоколы, самолеты – это были только детали, крохи красного проекта... Запад это понимал, и был запущен контрпроект. Цивилизациями-самоубийцами в этой борьбе стали Германия и вся Европа: им надо было во что бы то ни стало остановить наш проект. И они его остановили – после войны СССР стал страной вдов и калек, супермены были выбиты войной или были сильно физически искалечены. Почему я считаю героев войны суперменами? Под брюхо танка можно было броситься только с расстояния 4 метра, пока не изобрели более совершенные гранаты. Это была суперпсихика: пусть, мол, немец за своей прочной танковой броней меня с простой гранатой боится, а я его не боюсь. Надо сказать, что проект советской жизни – он был богоборческий: это был рывок за пределы человеческих возможностей. Другое дело, что этот проект сорвался из-за потерь в войне.

В этой связи я бы предложил внимательно посмотреть фильм *«Остров»*. По-моему, в нем сказано больше, чем хотел сказать режиссер П.Лунгин. В фильме прославляется христианская мораль? Да, но объективно показано превосходство советской морали над христианской – коммунист Тихон перед лицом врага ни секунды не дрогнул. Супергерой.

– А какие другие фильмы вы бы посоветовали посмотреть иностранцам?

– Раньше делалось золотое кино. Сейчас удачи бывают, но они редки (*«Ликвидация»*, например, неплохой фильм). В целом идет падение профессионализма. Начали все мерить деньгами, и настоящие критерии и ориентиры сразу теряются. В ряде исторических фильмов мелькают несуразности. Так, в *«Сибирском цирюльнике»* каторжан прогоняют через центр Москвы. Этого никогда не было. В *«Адмирале»* во время морского боя молебны завели. Не может этого просто быть! (В скобках скажу. Вспоминается картинка сусальная – Николай Второй едет перед войсками с иконой. Вот в русско-японскую войну в Манчжурию вагонами иконы посылали, чтобы был дух крепкий солдатский, вместо снарядов. А японцы нас – снарядами, снарядами, снарядами!). Если говорить серьезно, А.В. Колчак – не подходящая фигура для романтизации. Он был неплохим командующим Черноморским флотом, никто его заслуг не отрицает, но потом полез в политику,

связался с иностранцами, осуществил в России переворот и установил кровавую диктатуру. И в этом случае он уже выступал не как патриот, а как иностранный наемник. В Сибирь влезли и американцы, и японцы: если бы Колчак победил, иностранцы бы превратили всю Россию в зону своего влияния. Поэтому сибирские партизаны армию Колчака растерзали в клочья. Жестокость была феноменальная с обеих сторон, гражданская война была дикая, жесточайшая. В это время было как? Кому крестьянин поверил, тот и выиграл гражданскую войну. А верил крестьянин не словам, а делам: у людей были винтовки, никого не обманешь. Большевики крестьянам дали землю и войну закончили, и это произошло в первый же день советской власти! После этого большевики гражданскую войну наполовину, считайте, выиграли. Белые клялись единой Россией, но сохранили единую Россию не они, а большевики. Расползание страны устроили либералы, а большевики все земли скрепили снова. Поэтому крестьяне рассуждали так: кто справился, тот и прав. Коммунисты не были благодетельной партией, но они вывели Россию. Конечно, жертв было много – уговорами в одичавшей стране сделать было ничего нельзя, но в столкновении с Европой Россия победила, значит, революция была исторически оправдана. Возвращаясь к фильму, скажу, что когда идея ложная, тут никакое художественное мастерство сценариста, режиссера, самых лучших актеров не поможет. Я понимаю, что новое время ищет себе героев, а найти не может. Правильно: нет таких фигур. Белые дрались героически? Да, были факты большого мужества, но ради чего? Их тогда народ России отверг, их зверства не помогли им вернуться к власти. Если взять другой фильм – *«Сталяги»*, то мне тоже трудно согласиться с режиссером В. Тодоровским: вы показываете первые якобы ростки свободы? А остальные что – серая масса? А кто учился, работал, создавал материальные ценности, капитал, который сейчас продается?

О русской истории я бы предложил смотреть такие фильмы: *«Стачка»* (1925), *«Октябрь»* (1927) – они отражают дух своего времени, все факты исторически выдержаны, *«Иван Грозный»* (1944) – в нем замечательная пляска опричников: художественное выражение факта, что террор пошел в разгул. *«Петр Первый»* (1937-38) – прекрасный фильм, потрясающие актеры, великолепные сцены. Фильм передает настроение резкого слома. Но исторически он тенденциозный: мол, Петр великий реформатор, он

Россию на дыбы поднял, это прямая апология Петра. Я, например, совершенно не согласен с тем, что тогда вокруг Петра был сброд тупых консерваторов, а Алексей был неврастеник: это далеко, далеко не так. Правда, когда там солдаты снимают колокола – вот это правда: разорение церквей исторически не от большевиков идет, большевикам в свое время будет не до этого. Важно знать и такой исторический момент: именно Петр ввел институт доносительства. Он издал указ для священников: если на исповеди крамола – доносить. В фильме *«Царевич Алексей»* (1997) Алексей более выразительный. Известно, что Алексей не любил Петра, потому что тот заточил его мать и пытал его на дыбе. *«Броненосец Потемкин»* (1925) – это гениальная, но фальшивка. Показано, что якобы моряки голодали, но историческая правда в том, что русский императорский флот кормили на убой. Офицеры предпочли бы платить из своих денег, чем не кормить матросов. Об этом опубликовали информацию при советской власти, но очень небольшим тиражом. Бунт на «Потемкине» произошел через месяц после Цусимы, когда российский флот пережил неслыханное унижение: флот строили 20 лет, а уничтожен он был за один день, кто остался в живых – сдались. С одной стороны, было возмущение матросов, с другой – пришло ложное сообщение, что корабли сдались НЕ по приказу офицеров, а матросы сдались сами. И вот офицеры возмутились: предатели, мол, матросы. Это только стало предлогом. Просто в Одессе начался в порту погром и формировался миф о восстании на броненосце «Потемкине». *«Чапаев»* (1934) – фильм-трагедия, шедевр киноискусства. Великолепная сцена психической атаки показывает мужество противника, который своей волей хотел раздавить мужество своего врага, сломить волю к сопротивлению. Герой фильма (Чапаев был плотник, но очень неплохо воевал) идет к собственной гибели: ясно, что этой войны он не переживет. Там верно показывается факт, что солдат, если они обижали крестьянина, арестовывали. Очень доходчиво показан крестьянин в гражданской войне. «Куда крестьянину податься?» – ему надо было решать. У красных был комиссар, и он говорил: «Крестьянина не трожь!» Характерно, что исход фильма – гибель героя. Этого не может быть в американском фильме.

– Виктор Иванович, наши учащиеся спрашивают, почему, если в России с сентября 1917 года существует республиканский строй, то почему на двуглавом орле короны?

– Я тоже считаю это странным. Кстати, двуглавых орлов в свое время снимали не большевики. Их начали снимать в марте 1917 года. Как историк, я вижу в этом проявление того, что народ в то время ненавидел всякое выражение «обожасмой» монархии.

– **СССР иногда называют «империей зла». Как нам, не историкам, разобраться в этом сложном вопросе?**

– Любое крупное государство – поневоле империя. Оно включает в себя массу этнических групп, религиозных. Ведь если дать им волю и свободу, начнется настоящая резня. А власть, руководимая какой-то идеей – религиозной ли, социальной ли, – железной лапой все придавливает, и резня кончается. Ну и вопрос – кому плохо? Империя – это безопасность, по-моему. СССР не был «империей зла», это было умное и сильное государство.

– **Какие вы видите позитивные изменения в стране?**

– Отказались, наконец, от туманного «умом Россию не понять» и начали движение в сторону логического понимания истории. Раньше в России был высок престиж писателя как философа, пророка. Вся Россия ждала, что скажет, например, Толстой. Говорили так: в России два царя, Николай Второй и Лев Толстой, первый со вторым ничего сделать не может, а второй раскачивает трон. А сейчас страна начинает думать о своем положении не в литературных образах, а в экономических, социальных, политических терминах. Это не так красочно, скучновато, но это иной уровень в обсуждении проблем страны. И это, наверное, позитивный процесс.

– **Глубокоуважаемый Виктор Иванович, я сердечно благодарю вас за беседу. Мне и моим коллегам очень интересно и крайне важно знать мнение профессиональных историков по тем вопросам, на которые вы согласились побеседовать.**

Лето 2009

**«ИСТОРИЯ, ЛИТЕРАТУРА И КУЛЬТУРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ»:
ОПЫТ СОЗДАНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО
ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА**

В условиях развития современной науки особую актуальность имеет междисциплинарный подход к научным проблемам. В этой связи представляется, что у будущих ученых необходимо уже со студенческой скамьи вырабатывать интерес к междисциплинарности и умение видеть кросс-дисциплинарный потенциал любой научной темы. Таким образом, у студентов вырабатываются необходимые им в профессиональной жизни навыки критического мышления, анализа и синтеза информации, а также концептуального описания изучаемых ими явлений окружающего мира. В то же время не следует забывать и о задаче предоставления студентам фактологической информации, также являющейся важной составляющей учебного процесса; ни в коем случае нельзя в погоне за развитием у студентов самостоятельного мышления упускать из виду фактические знания, которые являются основой любой научной деятельности.

Цель настоящей статьи – описать опыт кафедры европейских языков Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета по созданию междисциплинарного электронного ресурса для курса «История, литература и культура Великобритании» (<http://eur-lang.narod.ru/histart/start.html>), сочетающего в себе аспекты «История», «Литература» и «Искусство». Данный курс является вспомогательным и призван дать студентам, обучающимся по специальности «Перевод и переводоведение», культурологическую базу, необходимую им в профессиональной деятельности. Подобные курсы могут быть созданы для любой регионоведческой программы.

В основе курса лежит представление о том, что культура каждого народа представляет собой нерасторжимое единство нескольких компонентов, из которых авторы выбрали три вышечисленных; таким образом, курс, посвященный истории, литературе и культуре, становится наиболее естественным кандида-

том на роль первого междисциплинарного курса в опыте студентов. Он читается студентам первого года обучения.

Выбор вышеуказанных компонентов обусловлен следующими соображениями: история является основой и стержнем любой культуры, исторические события задают объективную рамку существования народа в его развитии; одновременно каждой исторической эпохе свойствен определенный комплекс идей и представлений, получающий наиболее конкретное и эмоционально постижимое воплощение в литературе и искусстве. Изучение таких дисциплин, как, например, религия, философия и история науки, также являющихся неотъемлемой частью культуры, с одной стороны, требует от изучающих серьезной формальной подготовки, овладения соответствующим терминологическим аппаратом и зачастую имеет чрезвычайно специализированное применение, что делает включение этих аспектов в обзорный вспомогательный курс не вполне целесообразным. С другой стороны, основные религиозно-философские идеи и научные концепции каждой эпохи практически всегда находят отражение в литературе и искусстве своего времени.

Традиционная модель преподавания страноведческих курсов чаще всего предполагает «модульную» или «блочную» систему изложения, при которой каждый аспект выделяется в отдельный курс. При этом у обучающихся может не сложиться цельной картины историко-культурного процесса и взаимосвязи разных аспектов культуры. Такая опасность особенно реальна в современном мире, где студентов часто отличает разорванное, фрагментарное сознание и незрелость навыков анализа и синтеза изучаемого материала. В нашем курсе при чтении лекций реализуется хронологический подход. Курс читается тремя преподавателями, каждый из которых специализируется по своей теме, однако лекции по истории, литературе и искусству чередуются в течение учебного года. Учебным планом предусмотрено два экзамена, где студенты должны продемонстрировать не только свои знания по каждому из аспектов, но и способность сопоставлять информацию из разных областей. В каждый билет входят три вопроса, третий из которых, посвященный искусству, представляет собой практическое задание – студент должен уметь не только изложить теоретические послышки определенного художественного стиля, но и, глядя на предложенное ему изображение, идентифицировать стиль и эпоху, в некоторых случаях – назвать автора.

Такое построение курса усугубляет стоящую перед каждым преподавателем проблему вспомогательных материалов. Университетских учебников, написанных с позиций современной науки, не так уж много, а отечественных учебников, представляющих британскую культуру как единство, фактически нет. Междисциплинарный подход позволил не только предложить возможное решение этой проблемы, но и продвинуться на пути преодоления еще одной существенной трудности современного образования, а именно, осмысленного использования технических новинок, в частности, компьютерных технологий. Ни для кого не секрет, что зачастую использование компьютера является реверансом в сторону технического прогресса, не неся при этом глубинной смысловой нагрузки, и, по сути, необходимо лишь затем, чтобы отчитаться в применении современного оборудования. С другой стороны, с распространением компьютерных технологий студенты нередко злоупотребляют легкостью доступа к любой информации, не прилагая никаких усилий для того, чтобы эту информацию получить и творчески усвоить. Авторы используют компьютерные технологии с тем, чтобы наглядно представить студентам тесную взаимосвязь преподаваемых аспектов курса. Его методическое обеспечение предполагает не только самостоятельную работу студентов с любыми носителями информации, но и анализ и синтез полученных данных.

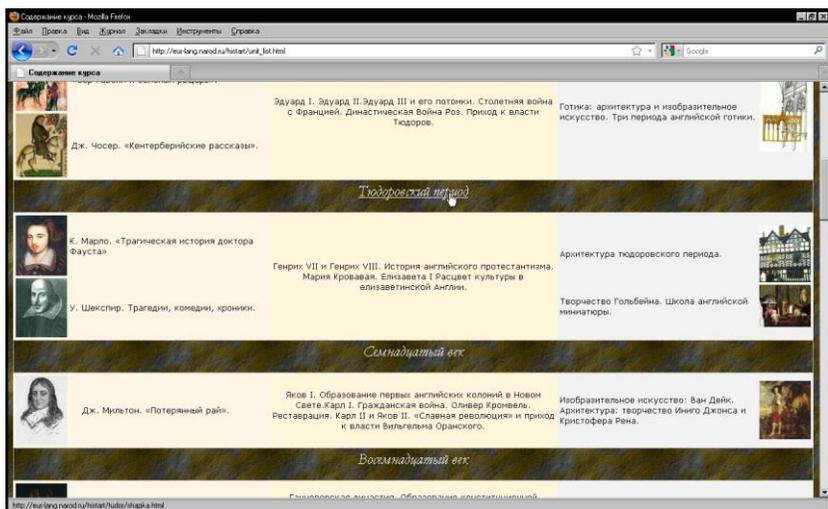
В 2006 г. авторами курса был создан вебсайт, на котором они разместили лекционный и иллюстративный материал, а также соответствующее методическое обеспечение. Данный сайт является пилотным проектом кафедры европейских языков. Онлайн-формат позволяет постоянно совершенствовать курс, видоизменяя, дополняя и расширяя его содержание, а также снабдить его обширным иллюстративным материалом, который невозможно было бы вместить в традиционный учебник.

Хотим отметить, что сайт был создан исключительно силами авторов, без помощи профессиональных веб-дизайнеров. Он размещен на открытом ресурсе и доступен не только студентам РГГУ, но и любому человеку, интересующемуся историей и культурой Великобритании. Статистика посещений показывает, что сайт пользуется стабильной популярностью (за март 2010 г. сайт посетило 26292 человека, т.е. в среднем по 270 человек в день), причем не только во время сессии; веб-проект устойчиво держится в числе первых пятидесяти сайтов по данной тематике

при поиске в «Яндексе». Стоит также отметить, что остальные сайты – по большей части страницы туристических агентств, рекламирующих достопримечательности Великобритании.

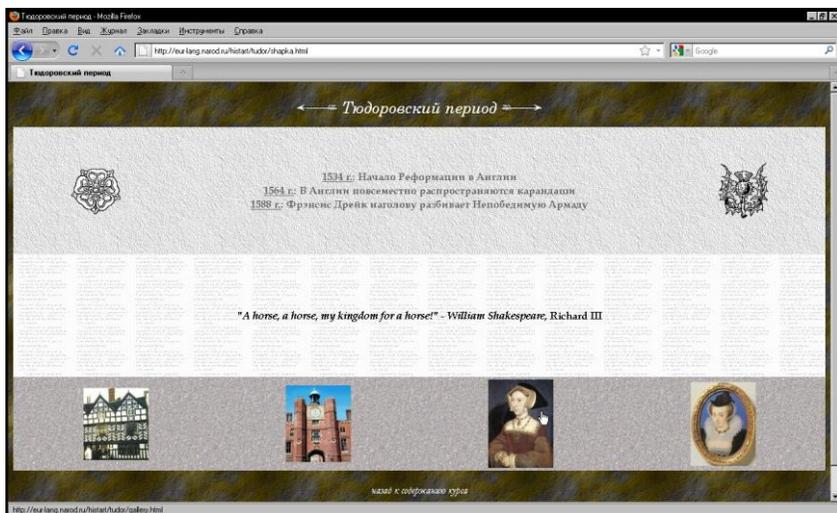
Далее мы опишем содержание сайта и принципы его организации. Сайт открывается кратким описанием целей и задач курса. Он выстроен так, что пользователь, первый раз заходящий туда, обязательно прочитывает этот текст. Далее он попадает на страницу оглавления (рис. 1), где может выбрать любую интересующую его историческую эпоху. Важно подчеркнуть, что пользователь выбирает именно период во всей его целостности, а не отдельное явление или даже отдельный аспект курса.

Рис. 1. Содержание курса

Затем посетитель попадает на «шапку» интересующей его эпохи (рис. 2) и уже там выбирает отдельный аспект. Ссылками для перехода к аспектам служат списки интересных исторических событий, знаменитые цитаты из литературных произведений (в оригинале) и репродукции произведений искусства соответственно.

Рис. 2. Тюдоровский период

Оглавления для разделов «История» и «Литература» являются перечислением статей по центральным историческим фигурам и/или событиям и литературным произведениям (рис. 3а и рис. 3b). Оглавлением для раздела «Искусство» служит галерея изображений, представляющих основные феномены искусства и бытовой культуры соответствующей эпохи (рис. 4). Отметим, что из каждого раздела и из каждой статьи посетитель может с легкостью перейти в другие разделы сайта, причем это осуществляется тремя способами – через ссылки на боковой панели страницы (рис. 5а), через оформленный в виде гиперссылки фрагмент текста статьи (рис. 5b) и через некоторые изображения (рис. 5c): ряд произведений изобразительного и прикладного искусства не только описывается и анализируется в рамках соответствующего аспекта, но и иллюстрирует статьи, посвященные истории и литературе. Переход из статьи в статью осуществляется не только между разными аспектами, но и между разными эпохами (рис. 6).

Рис. 3а. Оглавление раздела «История»

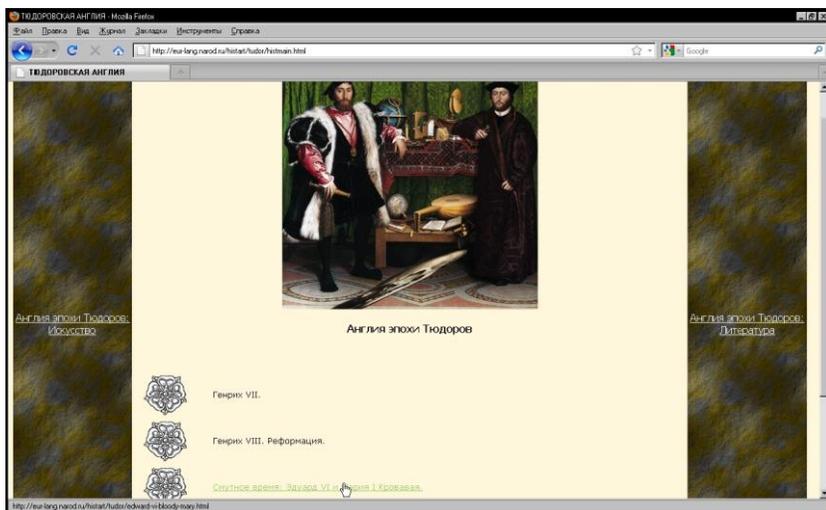

Рис. 3б. Оглавление раздела «Литература»

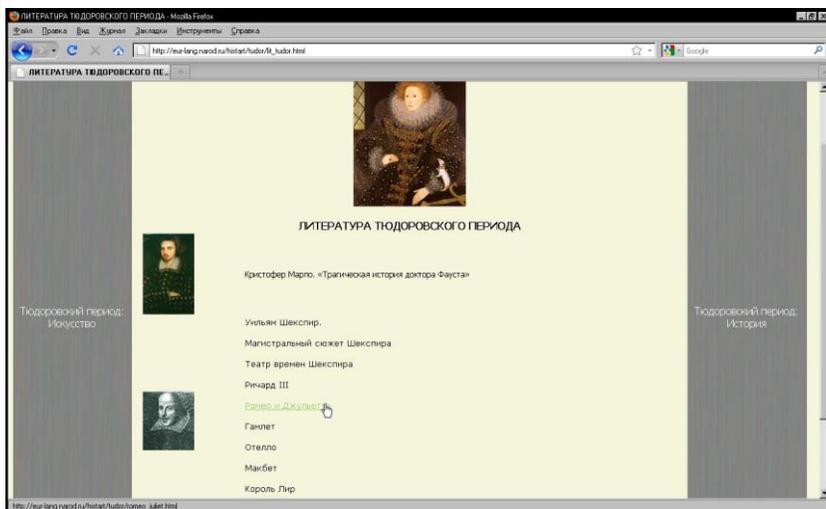

Рис. 4. Галерея. Английское искусство тюдоровского периода.

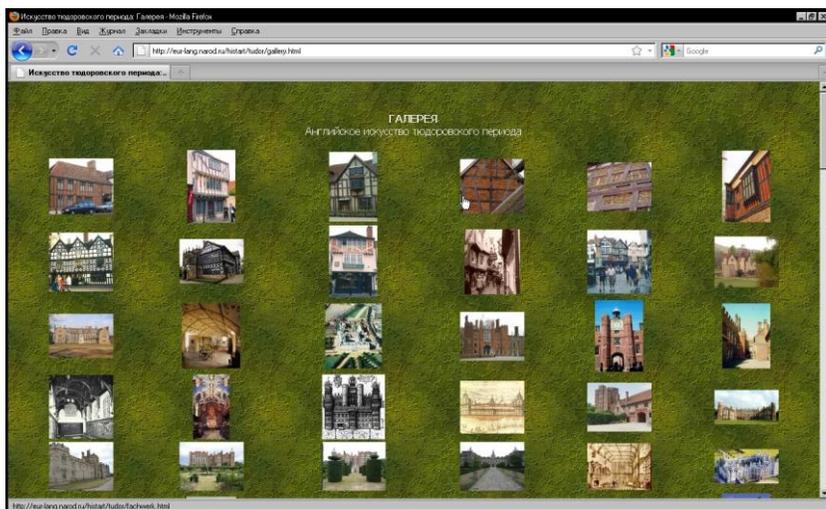

Рис. 5а. Переход на другую страницу через боковую панель

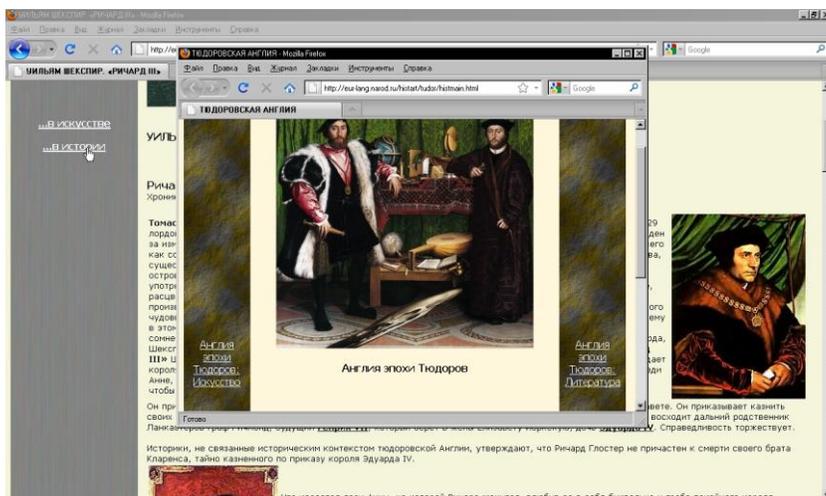

Рис. 5b. Переход на другую страницу через гиперссылку в тексте статьи.

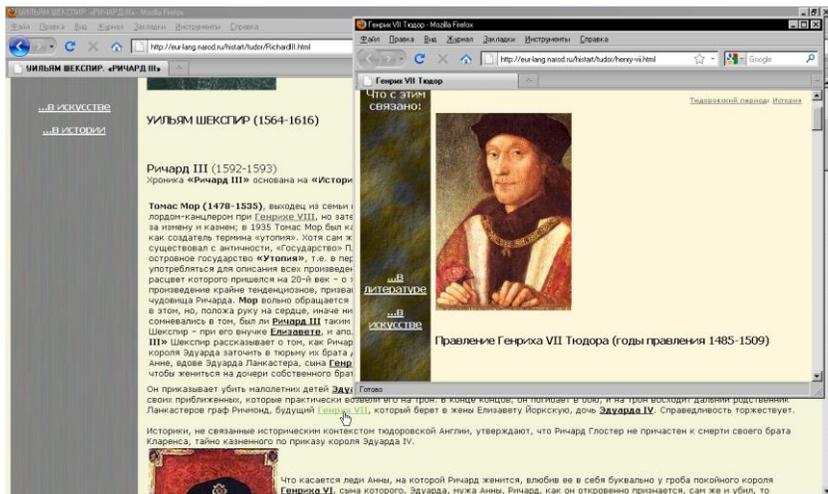

Рис. 5c. Переход на другую страницу через картинку в тексте статьи

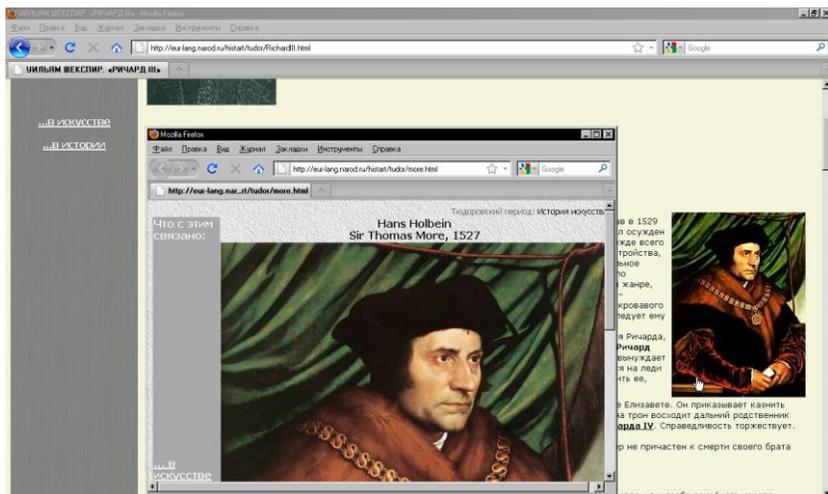
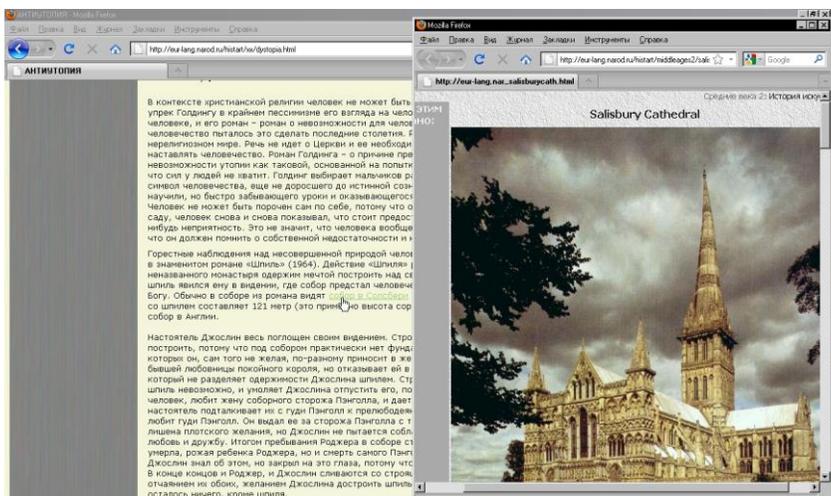
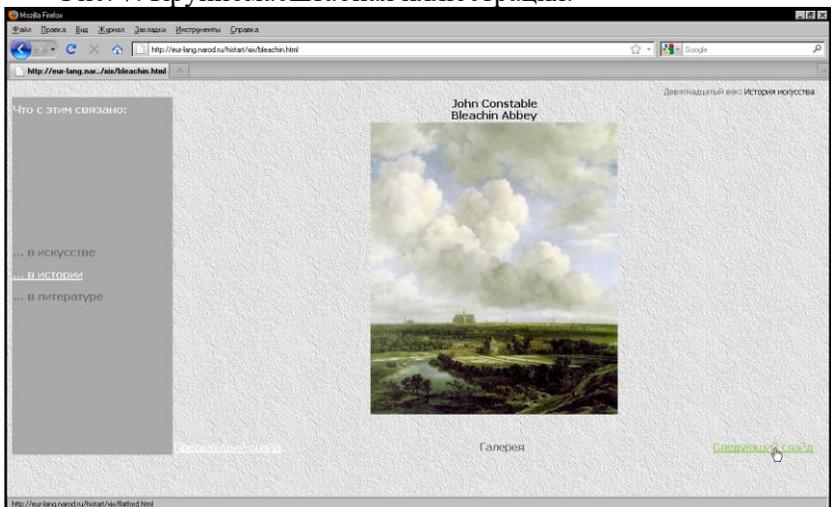

Рис. 6. Переход между разными эпохами британской культуры

Что касается навигации в пределах раздела «Искусство», то сначала, как уже было сказано, пользователь попадает в «Галерею»; кликая на уменьшенные картинки, он выходит на страницу с более крупным изображением архитектурного памятника, картины и т.п.; уже с этой страницы он может перейти к собственно тексту веб-статьи (рис. 7). Это сделано для того, чтобы в восприятии студента первое место занимал именно визуальный образ, а не теория.

Рис. 7. Крупномасштабная иллюстрация.

Каждая отдельная статья ресурса предлагает не только горизонтальную, но и вертикальную навигацию: посетитель может не только перейти к другим аспектам, но и вернуться и к «шапке», т.е. оглавлению, описывающему эпоху в целом, и к оглавлению отдельного аспекта. Соответствующие ссылки размещаются в верхнем правом углу страницы. С каждой «шапки» отдельная ссылка ведет на общее оглавление сайта. Таким образом, навигация по сайту максимально оптимизируется.

Основой концепции построения сайта является система перекрестных ссылок, наглядно демонстрирующая студентам не только тесную взаимосвязь культурных явлений одной эпохи, но и преемственность историко-культурного процесса в целом. Например, читая про творчество Дж.М.У. Тернера, студент может воспользоваться ссылкой и перейти на страницу, посвященную истории индустриальной революции, которая являлась не только фоном, но иногда и источником вдохновения для художника; а читая про У. Голдинга, студент может посредством ссылки перейти от литературы XX столетия к искусству Средних веков, когда строился собор в городе Солсбери, вдохновивший писателя на создание романа «Шпиль».

На веб-сайте также размещены материалы, помогающие студентам готовиться к экзамену, например, библиография и аннотированный список художественной литературы, фактически представляющий собой краткий план ответа по каждому произведению. Также на сайте есть своеобразный тренажер, позволяющий студентам смоделировать ситуацию ответа на вопрос по разделу «Искусство». Всякий раз при обновлении страницы в этом тренажере отображается новая картинка, и студент может проверить свои знания по данному аспекту.

Практика показала, что с момента запуска сайта уровень ответов студентов на экзамене заметно повысился. Также стало ясно, насколько важными и актуальными являются подобные проекты для студентов очно-заочной или заочной форм обучения, в учебном плане которых предусмотрено мало или вовсе не предусмотрено аудиторных часов на этот курс. После запуска сайта студенты, получающие второе высшее образование по специальности «Перевод и переводоведение», стабильно демонстрируют значительно более высокий уровень усвоения материала и его концептуального осмысления. Также нужно сказать, что студенты выказывали большой интерес к подобным проектам и выска-

звали пожелания, чтобы аналогичные курсы и сайты были созданы и по культурам других стран. Поэтому мы можем заключить, что данное направление работы с учебным материалом и представление его в виде веб-проектов, подчеркивающих междисциплинарный характер изучаемого предмета, является весьма перспективным в условиях современного образования. Подобные курсы и сайты могут быть созданы коллективами авторов для студентов, изучающих любой язык.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

<i>Бабалова Л.Л.</i> Это неоднозначное «чтобы» (Лингвометодический анализ).....	3
<i>Гаврилова В.И.</i> Прототипические и периферические варианты пассивного и квазипассивного (декаузативного) значений возвратного глагола в конструкциях с пациентивным подлежащим	13
<i>Григорьева О.Н.</i> Метафорические и символические значения топонимов в современном русском языке.....	29
<i>Захраи С.Х. (Иран)</i> Глагольное управление и многозначность глагола.....	38
<i>Кокорина С.И.</i> Из коллекции маленьких наблюдений	47
<i>Лунд К-Х. (Дания)</i> Контекстуально обусловленные композиты в Интернете и СМИ.....	55
<i>Чупашева О.М. (Мурманск)</i> Обобщенный субъект деепричастия	76
<i>Шафаги М. (Иран)</i> Некоторые случаи ретроспекции и проспекции речевого акта «извинение» в русском языке.....	82
<i>Шувалова О.Н.</i> Вымышленные языки и языковые универсалии	93

КОММУНИКАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ

<i>Коростелёва А.А.</i> К вопросу о допустимой степени расхождения коммуникативной интерпретации переводного фильма и оригинала («Катень» А.Вайды).....	102
<i>Чалова О.В.</i> Эстетическая роль коммуникативных средств в классических художественных произведениях (оригинал и адаптация в практике преподавания РКИ).....	113

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

<i>Альотаиби Султан (Королевство Саудовская Аравия)</i> Теория машинного перевода.....	126
<i>Бадр Абдуллах Акаш (Королевство Саудовская Аравия)</i> Анализ переводных соответствий русского и арабского языков (на материале современных политических текстов).....	138
<i>Гу Хонфэй (КНР)</i> О норме качества устного двустороннего перевода (на материале русского и китайского языков).....	159

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Илюшин Е.А.</i> Сфинкс и его загадки в поэме Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки»	168
<i>Ким Ен Ук (Республика Корея)</i> Представление о смерти в творчестве А. Платонова («Чевенгур» и «Котлован»).....	181

<i>Ким Мин А (Республика Корея)</i> Концепции Бога, пола, быта и писателя у В.В. Розанова (по произведениям «Уединенное» и «Опавшие листья»).....	188
<i>О Чжон Хюн (Республика Корея)</i> Стихотворение Б. Окуджавы «Король»: субъект – время – пространство.....	196

ПРАКТИКУМ РКИ

<i>Кузьмич И.П.</i> Чтение русской поэзии в нефилологической аудитории (естественнонаучный профиль).....	205

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

<i>Ершова Л.В., Норейко Л.Н.</i> Может ли изучение иностранного языка стать увлечением?.....	221
<i>Маркова В.А.</i> Лингвометодические принципы работы с текстом социокультурной сферы общения на занятиях РКИ и опыт подачи материала в учебнике	226

СТРАНОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Юшина Л.Ю. (Республика Корея), Кулькова Р.А. (Республика Корея)</i> Восприятие российских и корейских СМИ корейскими учащимися	240
<i>Крюков Д.В.</i> НеСказки городов: Петербург Гоголя и Копенгаген Андерсена.....	253
<i>Кулькова Р.А. (Республика Корея), В.Н. Терехов</i> Как оптимизировать курс «Русская история» в зеркале русского искусства»: мнение историка.....	259
<i>Бузина Т.В., Вагизова Ф.А., Семенюк Е.В.</i> «История, литература и культура Великобритании»: опыт создания междисциплинарного курса.....	270

Научное издание

СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ

Вып. XII

Сборник научно-методических статей
по преподаванию РКИ

Зав. редакционно-издательским отделом
филологического факультета Е.Г. Домогацкая
edit@philol.msu.ru

Ордена «Знак Почета» Издательство Московского университета
125009, Москва, ул. Б. Никитская, д. 5/7
Тел.: (495) 629-5091

Подписано в печать 15.04.2011.
Формат 60x90 1/16. . Усл.печ.л. 17.75. Тираж 200 экз. Заказ 161.

Отпечатано в ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 627 к.
Тел. 939-3890, 939-3891. Тел./Факс 939-3891.